This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 469497 DUPL

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 06307 47--

DO NOT REMOVE
OR
MUTILATE CARD

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES·SCIENTIA·VERITAS
1817

Distributed By:
Russian Language Specialties
Post Office Box 711
Pullman, Michigan 49450

Изданіе товарищества «ЗНАНІЕ» (Спб., Невскій, 92).

XIV.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1906 ГОДЪ.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

М. Горькій. Враги.
Ив. Бунинъ. Стихотворенія.
А. Теннисонъ. Годива.
Вѣра Фигнеръ. Моя няня.
Евг. Тарасовъ. Черный судъ.
С. Юшкевичъ. Король.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Distributed By:
Russian Language Specialties
Post Office Box 711
Pullman, Michigan 49450

Тип. Т-ва «Народная Польза», Коломенская ул., соб. д., 39.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
М. Горькій. Враги.	1
Ив. Бунинъ. Стихотворенія.	185
А. Теннисонъ. Годива.	193
Вѣра Фигнеръ. Моя няня.	199
Евг. Тарасовъ. Черный судъ.	213
С. Юшкевичъ. Король.	217

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES · SCIENTIA · VERITAS
1817

Distributed By:
Russian Language Specialties
Post Office Box 711
Pullman, Michigan 49450

М. Горькій. Враги.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, Ив. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145,
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
I. Ladyschnikow".

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БАРДИНЪ, Захаръ. 45 лѣтъ.
ПОЛИНА, его жена. Подъ 40 лѣтъ.
БАРДИНЪ, Яковъ. 37 лѣтъ.
ТАТЬЯНА, его жена. 28 лѣтъ.
НАДЯ, племянница Полины. 18 лѣтъ.
ПЕЧЕНѢГОВЪ, генералъ въ отставкѣ, дядя Бардиныхъ.
СКРОБОТОВЪ, Михаилъ. 40 лѣтъ.
КЛЕОПАТРА, жена его. 30 лѣтъ.
СКРОБОТОВЪ, Николай, братъ его. 35 лѣтъ.
СИНЦОВЪ, конторщикъ.
ПОЛОГІЙ, тоже.
КОНЬ, отставной солдатъ.
ГРЕКОВЪ. } Рабочіе.
ЛѢВШИНЪ. }
ЯГОДИНЪ. }
РЯБЦОВЪ. }
ЯКИМОВЪ. }
АГРАФЕНА, экономка.
БОБОѢДОВЪ, ротмистръ.
КВАЧЪ, вахмистръ.
ПОРУЧИКЪ.
СЛѢДОВАТЕЛЬ.
ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ.
СТАНОВОЙ.
УРЯДНИКЪ.

Жандармы, солдаты, рабочіе, прислуга.

М. Горькій. Враги.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, Ив. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145,
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
I. Ladyschnikow".

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БАРДИНЪ, Захаръ. 45 лѣтъ.
ПОЛИНА, его жена. Подъ 40 лѣтъ.
БАРДИНЪ, Яковъ. 37 лѣтъ.
ТАТЬЯНА, его жена. 28 лѣтъ.
НАДЯ, племянница Полины. 18 лѣтъ.
ПЕЧЕНѢГОВЪ, генералъ въ отставкѣ, дядя Бардиныхъ.
СКРОБОТОВЪ, Михаилъ. 40 лѣтъ.
КЛЕОПАТРА, жена его. 30 лѣтъ.
СКРОБОТОВЪ, Николай, братъ его. 35 лѣтъ.
СИНЦОВЪ, конторщикъ.
ПОЛОГІЙ, тоже.
КОНЬ, отставной солдатъ.

ГРЕКОВЪ.
ЛѢВШИНЪ.
ЯГОДИНЪ.
РЯБЦОВЪ.
ЯКИМОВЪ.
} Рабочіе.

АГРАФЕНА, экономка.
БОБОѢДОВЪ, ротмистръ.
КВАЧЪ, вахмистръ.
ПОРУЧИКЪ.
СЛѢДОВАТЕЛЬ.
ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ.
СТАНОВОЙ.
УРЯДНИКЪ.

Жандармы, солдаты, рабочіе, прислуга.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Садъ. Большія, старыя липы. Въ глубинѣ, подъ ними, бѣлая солдатская палатка. Направо, подъ деревьями, широкій диванъ изъ дерна; передъ нимъ столъ. Налѣво, въ тѣни липъ, длинный столъ, накрытый къ завтраку. Кипитъ небольшой самоваръ. Вокругъ стола плетеные стулья и кресла. А г р а ф е н а варитъ кофе. Подъ деревомъ стоитъ К о н ь, куря трубку; передъ нимъ П о л о г і й.

ПОЛОГІЙ

(говоритъ, нелѣпо жестикулируя).

... Конечно, ваша правда; я, такъ сказать, человѣкъ маленькій, жизнь у меня мелкая, но каждый огурецъ взращенъ мною собственноручно, и рвать его безъ возмездія мнѣ я не могу разрѣшить.

КОНЬ (угрюмо).

А твоего разрѣшенія никто и не спрашиваетъ. Рвутъ себѣ и рвутъ...

ПОЛОГІЙ

(прижимая руку къ сердцу).

Но позвольте! Если вашу собственность нарушаютъ,— имѣете вы право просить защиты закона?

КОНЬ.

Проси. Сегодня огурцы рвутъ, а завтра головы рвать будутъ другъ другу... Вотъ тебѣ и законъ!

ПОЛОГІЙ.

Однако... это странно и даже опасно слышать. Какъ же вы, солдатъ и кавалеръ, можете пренебрегать закономъ?

КОНЬ.

Закона — нѣтъ. Есть — команда. Налѣво кругомъ, маршъ! И—ступай! Скажутъ—стой! Значитъ—стой.

АГРАФЕНА.

Вы бы, Конь, не курили здѣсь вашу махорку, отъ нея листъ на деревьяхъ вянетъ...

ПОЛОГІЙ.

Если бы они съ голоду,—это я понимаю... Голодъ можетъ объяснить многіе поступки; можно сказать, что всѣ подлости совершаются для утоленія голода. Когда хочется кушать, то, конечно...

КОНЬ.

Ангелы не ѣдятъ, а сатана противъ Бога пошелъ все-таки...

ПОЛОГІЙ (радостно).

Вотъ это я и называю озорствомъ!..

(Идетъ Яковъ Бардинъ. На лицѣ у него всегда виноватая улыбка. Движенія вялы и медленны. Въ глазахъ что-то больное, тусклое. Говоритъ негромко и какъ бы самъ прислушивается къ своимъ словамъ. Пологій кланяется ему)

ЯКОВЪ.

Здравствуйте, вы—что?

ПОЛОГІЙ.

Къ Захару Ивановичу съ покорной просьбой...

АГРАФЕНА.

Жаловаться пришелъ. У него этой ночью фабричные ребята огурцы украли.

ЯКОВЪ.

А-а... Это нужно сказать брату...

ПОЛОГІЙ.

Совершенно вѣрно... я къ нимъ и направляюсь.

КОНЬ (ворчливо).

Никуда ты не направляешься, а стоишь на одномъ мѣстѣ и ноешь.

ПОЛОГІЙ.

Я вамъ, думается, не мѣшаю? Если бы вы газету читали или что другое, то, конечно, я бы вамъ мѣшалъ.

ЯКОВЪ.

Конь, подите сюда...

КОНЬ (идетъ).

Крохоборъ ты, Пологій, кляузникъ!

ПОЛОГІЙ.

Вы совершенно напрасно произносите эти слова... Языкъ данъ человѣку для вознесенія жалобъ...

АГРАФЕНА.

Да перестаньте, Пологій... точно вы не человѣкъ, а комаръ...

ЯКОВЪ (Коню).

Чего онъ тутъ, а? Ушелъ бы...

ПОЛОГІЙ (Аграфенѣ).

Если слова мои безпокоятъ ваше ухо, но сердца не трогаютъ, — я замолчу. (Идетъ прочь и, прохаживаясь по дорожкѣ, щупаетъ рукой деревья)

ЯКОВЪ (смущенно).

Что, Конь, я, кажется, вчера опять... обидѣлъ кого-то?

КОНЬ (усмѣхаясь).

Было. Это —было.

ЯКОВЪ (прохаживаясь).

Гм... удивительно! Почему я всегда дерзости говорю пьяный... а, Конь?

КОНЬ.

Бываетъ такъ... Пьяные люди часто лучше трезвыхъ. У насъ въ ротѣ унтеръ-офицеръ былъ, трезвый—под-

лиза, ябедникъ, дерется. А пьяный—плачетъ. Братцы, говоритъ, я тоже человѣкъ, плюньте, проситъ, мнѣ въ рожу. Нѣкоторые—плевали.

ЯКОВЪ.

А съ кѣмъ я вчера говорилъ?

КОНЬ.

Съ прокуроромъ. Сказали ему, что у него деревянный языкъ... Сначала вы Захара Ивановича сконфузили.

ЯКОВЪ (задумчиво).

Всегда его, сначала...

КОНЬ.

Потомъ о директоровой женѣ сказали прокурору, что у нея любовниковъ много.

ЯКОВЪ.

Ну, вотъ... а какое мнѣ дѣло до этого?

КОНЬ.

Не знаю. Еще вы...

ЯКОВЪ.

Хорошо, Конь, довольно... а то окажется, что я всѣмъ что-нибудь сказалъ непріятное... Да, вотъ какое несчастіе водка... Я говорю о своей болѣзни, Аграфена

Ивановна!.. (Подошелъ къ столу и смотритъ на бутылки; наливаетъ большую рюмку; маленькими глотками высасываетъ ее. Аграфена, искоса глядя на него, вздыхаетъ) Вамъ немножко жалко меня, а?

АГРАФЕНА.

Очень жалко... такой вы простой со всѣми—точно и не баринъ...

ЯКОВЪ.

А вотъ Конь никого не жалѣетъ, онъ только философствуетъ. Философствуютъ—обиженные. Чтобы солдатъ задумался, его надо сильно обидѣть, такъ, Конь? (Въ палаткѣ раздается крикъ генерала: Конь! Эй!) Васъ сильно намучили, оттого вы и умный?

КОНЬ (идетъ).

Я какъ увижу генерала, то и самъ снова дуракомъ становлюсь...

ГЕНЕРАЛЪ

(выходитъ изъ палатки).

Конь! Купаться, живо!

(Идутъ въ глубину сцены)

ЯКОВЪ

(сѣлъ, качается на стулѣ).

Моя супруга еще спитъ?

АГРАФЕНА.

Уже встали. Купались.

ЯКОВЪ.

Такъ вамъ меня жалко?

АГРАФЕНА.

Вамъ бы полечиться.

ЯКОВЪ.

Ну, налейте мнѣ немножко коньяку. Тутъ есть коньякъ, я видѣлъ.

АГРАФЕНА.

Можетъ, не надо, Яковъ Ивановичъ?

ЯКОВЪ.

А почему? Если я не выпью однажды,—это ничему не поможетъ.

(Вздохнувъ, Аграфена наливаетъ большую рюмку коньяку. Быстро идетъ Михаилъ Скроботовъ, возбужденный; нервно теребитъ острую черную бородку. Шляпа въ рукѣ и онъ мнетъ ее пальцами)

МИХАИЛЪ.

Захаръ Ивановичъ всталъ? Нѣтъ еще? Разумѣется! Дайте мнѣ... есть тутъ холодное молоко? Спасибо. Доброе утро, Яковъ Ивановичъ!.. Вы знаете новость?—Эти подлецы требуютъ, чтобы я прогналъ мастера Дичкова... да! Грозятъ бросить работу... чертъ бы ихъ...

ЯКОВЪ.

А вы удалите мастера.

МИХАИЛЪ.

Это просто, да, но—не въ этомъ же дѣло! Дѣло въ томъ, что уступки ихъ развращаютъ. Сегодня они требуютъ прогнать мастера, завтра они захотятъ, чтобы я повѣсился для ихъ удовольствія...

ЯКОВЪ (мягко).

Вы думаете, они еще только завтра захотятъ этого?

МИХАИЛЪ.

Вамъ шутки! Нѣтъ, вы бы попробовали повозиться съ чумазыми джентельменами, когда ихъ около двухъ тысячъ человѣкъ, да имъ кружатъ головы—и вашъ братецъ разной либеральностью, и какіе-то идіоты прокламаціями... (Смотритъ на часы) Скоро десять... а въ обѣдъ они обѣщаютъ начать свои дурачества... Да-съ, Яковъ Ивановичъ, за время моего отпуска вашъ почтенный братецъ испортилъ мнѣ фабрику... онъ мнѣ развратилъ людей своими колебаніями, недостаткомъ твердости...

ЯКОВЪ.

Вы ему скажите это...

МИХАИЛЪ.

Говорилъ и скажу...

АГРАФЕНА.

Полина Дмитріевна идутъ.

ЯКОВЪ.

Значитъ, сейчасъ всѣ явятся.

(Справа является Синцовъ. Ему лѣтъ тридцать. Смотритъ исподлобья, часто улыбается. Въ его фигурѣ и лицѣ есть что-то спокойное и значительное)

СИНЦОВЪ.

Михаилъ Васильевичъ! Въ конторѣ пришли депутаты отъ рабочихъ, требуютъ хозяина.

МИХАИЛЪ.

Требуютъ? О! Пошлите вы ихъ ко всѣмъ чертямъ! (Полина идетъ съ лѣвой стороны) Извиняюсь, Полина Димитріевна!

ПОЛИНА (любезно).

Вы всегда ругаетесь. Почему—сейчасъ?

МИХАИЛЪ.

Да вотъ, все этотъ пролетаріатъ!.. Онъ тамъ требуетъ!.. Раньше онъ у меня смиренно просилъ...

ПОЛИНА.

Вы жестоки съ людьми, увѣряю васъ!

МИХАИЛЪ
(разводитъ руками).

Ну, вотъ!..

СИНЦОВЪ.

Что же сказать депутатамъ?

МИХАИЛЪ.

Пусть подождутъ... Идите!

(Синцовъ не спѣша уходитъ).

ПОЛИНА.

Интересное лицо у этого служащаго. Давно онъ у насъ?

МИХАИЛЪ.

Около года, кажется...

ПОЛИНА.

Онъ дѣлаетъ впечатлѣніе порядочнаго человѣка. Вы знаете, кто онъ?

МИХАИЛЪ

(пожимая плечами).

Конторщикъ. Недурной работникъ... Получаетъ сорокъ пять рублей. (Смотритъ на часы; вздыхая оглядывается, видитъ подъ деревомъ Пологаго) Вы что? За мной?

ПОЛОГІЙ.

Я, Михаилъ Васильевичъ, къ Захару Ивановичу ..

МИХАИЛЪ.

Зачѣмъ?

ПОЛОГІЙ.

По случаю нарушенія права собственности...

МИХАИЛЪ (Полинѣ).

Вотъ, рекомендую, тоже одинъ изъ новыхъ служащихъ! Человѣкъ недюжинный и съ стремленіемъ къ огородничеству. Глубоко убѣжденъ, что все на землѣ создано затѣмъ, чтобы нарушать его интересы. Все ему мѣшаетъ: солнце, Англія, новыя машины, лягушки...

ПОЛОГІЙ (улыбаясь).

Лягушки, смѣю замѣтить, всѣмъ мѣшаютъ, когда онѣ кричатъ...

МИХАИЛЪ.

Идите-ка вы въ контору! Что это за привычка у васъ—бросить дѣло и ходить жаловаться? Мнѣ это не нравится... Идите!

(Пологій поклонясь идетъ. Полина съ улыбкой смотритъ на него въ лорнетъ)

ПОЛИНА.

Вотъ, какой вы строгій! А онъ—смѣшной. Вы знаете, въ Россіи люди разнообразнѣе, чѣмъ за границей.

МИХАИЛЪ.

Безобразнѣе, скажите, и я соглашусь. Я командую народомъ пятнадцать лѣтъ... Я знаю, что это такое—добрый русскій народъ. У меня мозги вывернуты, и сердце

напоено желчью... Долго же не идетъ Захаръ Ивановичъ, ахъ!

ПОЛИНА (Аграфенѣ).

Позови, Груша, барина. Вы знаете, чѣмъ онъ занятъ? Доигрываетъ вчерашнюю партію въ шахматы съ вашимъ братомъ.

МИХАИЛЪ.

Такъ! А тамъ послѣ обѣда хотятъ работу бросать... Нѣтъ, знаете, изъ Россіи толку не выйдетъ никогда! Ужъ это вѣрно. Страна анархизма! Органическое отвращеніе къ работѣ и полная неспособность къ порядку... Уваженіе къ законности отсутствуетъ...

ПОЛИНА.

Но это естественно!—Какъ возможна законность въ странѣ, гдѣ нѣтъ законовъ? Вѣдь, между нами говоря, наше правительство...

МИХАИЛЪ.

Ну, да! Я не оправдываю никого! И правительство анархистично. Вы возьмите Англо-сакса, онъ передъ закономъ—мертвъ. (Идутъ Захаръ Бардинъ и Николай Скроботовъ) Нѣтъ лучшаго матеріала для строенія государства. Англичанинъ передъ закономъ ходитъ, какъ дрессированная лошадь въ циркѣ, на заднихъ ногахъ. Чувство законности у него въ костяхъ, въ мускулахъ... Вотъ идутъ... Дорогой Захаръ Ивановичъ, здравствуйте! Здравствуй, Николай! Позвольте вамъ сообщить о новомъ результатѣ вашей политики съ рабочими: они требуютъ, чтобы я немедля прогналъ Дичкова, въ про-

тивномъ случаѣ, послѣ обѣда бросаютъ работу... да-съ! Какъ вы на это смотрите?

ЗАХАРЪ

(потирая лобъ).

Я? Гм... Дичковъ? Это... который дерется? И насчетъ дѣвицъ что-то такое?.. да, да... знаю! Прогнать Дичкова, разумѣется! Это—справедливо.

МИХАИЛЪ (волнуется).

Ф-фу! Уважаемый патронъ и компаньонъ, давайте говорить серьезно. Рѣчь идетъ о дѣлѣ, а не о справедливости; справедливость, это вотъ задача Николая. И я извиняюсь, но я еще разъ скажу, что справедливость, какъ вы ее понимаете, пагубна для дѣла.

ЗАХАРЪ.

Позвольте, дорогой! Вы говорите парадоксы!

МИХАИЛЪ.

Нѣтъ! Это справедливость—парадоксъ въ промышленности!

НИКОЛАЙ.

Какъ ты кричишь...

ПОЛИНА.

Дѣловые разговоры при мнѣ... Развѣ это любезно?..

МИХАИЛЪ.

Тысяча извиненій, но я буду продолжать... Я считаю это объясненіе рѣшительнымъ. До моего отъѣзда въ отпускъ, я держалъ заводъ вотъ такъ (показываетъ сжатый кулакъ) и у меня никто не смѣлъ пищать! Всѣ эти воскресныя школы, чтенія и прочія штуки, я, какъ вамъ извѣстно, не считалъ полезными въ нашихъ условіяхъ... Сырой русскій мозгъ не вспыхиваетъ свѣтомъ разума, когда въ него попадаетъ искра знанія,—онъ тлѣетъ и чадитъ... Простите, я отвлекаюсь...

НИКОЛАЙ.

Говорить надо всегда спокойно.

МИХАИЛЪ
(едва сдерживаясь).

Благодарю за совѣтъ. Онъ очень мудръ, но—мнѣ не годится! Ваше отношеніе къ рабочимъ, Захаръ Ивановичъ, въ полгода развинтило и расшатало весь крѣпкій аппаратъ, созданный моимъ восьмилѣтнимъ трудомъ. Меня уважали, меня считали хозяиномъ... Теперь всѣмъ ясно, что въ дѣлѣ два хозяина, добрый и злой. Добрый, конечно, вы...

ЗАХАРЪ (смущенно).

Позвольте... Зачѣмъ же такъ?

ПОЛИНА.

Михаилъ Васильевичъ, вы говорите очень странно!

МИХАИЛЪ.

Я имѣю причину говорить такъ... я поставленъ въ глупѣйшее положеніе! Прошлый разъ я заявилъ рабочимъ, что скорѣе закрою фабрику, чѣмъ выгоню Дичкова... Они поняли, что я сдѣлаю такъ, какъ говорю, и—успокоились. Въ пятницу вы, Захаръ Ивановичъ, сказали въ чайной рабочему Грекову, что Дичковъ—грубый человѣкъ и вы его собираетесь прогнать...

ЗАХАРЪ (мягко).

Но, дорогой мой, если онъ бьетъ людей по зубамъ... и прочее? Согласитесь, этого нельзя терпѣть! Мы же европейцы, мы культурные люди!

МИХАИЛЪ.

Прежде всего мы—фабриканты! Рабочіе каждый праздникъ бьютъ другъ друга по зубамъ, какое намъ до этого дѣло!.. Но вопросъ о необходимости учить рабочихъ хорошимъ манерамъ вамъ придется рѣшать послѣ, а сейчасъ васъ ждетъ въ конторѣ депутація, она будетъ требовать, чтобы вы прогнали Дичкова. Что вы думаете дѣлать?

ЗАХАРЪ.

Но развѣ Дичковъ такой цѣнный человѣкъ, а? Мнѣ не кажется, знаете...

НИКОЛАЙ (сухо).

Насколько я понимаю, здѣсь дѣло идетъ не о человѣкѣ, а о принципѣ.

МИХАИЛЪ.

Именно! Стоитъ вопросъ: кто хозяинъ на фабрикѣ— мы съ вами или рабочіе?

ЗАХАРЪ (растерянно).

Ага... я понимаю!

МИХАИЛЪ.

Если мы уступимъ имъ,—я не знаю, куда они пойдутъ дальше. Это нахалы. Воскресныя школы и прочій европеизмъ сыграли свою роль за полгода: они смотрятъ на меня волками, и есть уже прокламаціи... слышенъ запахъ соціализма... да!

ЗАХАРЪ.

Да, да, представьте!

ПОЛИНА.

Такая глушь, и вдругъ—соціализмъ... это смѣшно, право!

МИХАИЛЪ.

Смѣшно? Вы думаете? Уважаемая Полина Дмитріевна, когда дѣти малы, они всѣ миленькія, всѣ забавныя; но постепенно они ростутъ, и однажды мы встрѣчаемся съ большими мерзавцами...

ЗАХАРЪ.

Что же вы хотите дѣлать, а?

МИХАИЛЪ.

Закрыть заводъ. Пусть немножко поголодаютъ, это ихъ охладитъ. (Яковъ встаетъ, подходитъ къ столу и выпиваетъ; потомъ медленно уходитъ налѣво) Когда мы закроемъ заводъ, въ дѣло вступятъ женщины... Онѣ будутъ плакать, а слезы женщинъ дѣйствуютъ на людей, опьяненныхъ мечтами, какъ нашатырный спиртъ,—онѣ отрезвляютъ!

ПОЛИНА.

Вы ужасно жестко говорите!

МИХАИЛЪ

Да, жестко. Такъ требуетъ жизнь.

ЗАХАРЪ.

Но, знаете, эта мѣра... вызвана ли она необходимостью? Мнѣ кажется, это слишкомъ...

МИХАИЛЪ.

Вы можете предложить что-нибудь другое?

ЗАХАРЪ.

Если я пойду поговорю съ ними, а?

МИХАИЛЪ.

Вы, конечно, уступите имъ и тогда мое положеніе станетъ невозможнымъ... я принужденъ буду оставить заводъ!.. Вы извините меня, но ваши колебанія мнѣ обидны, да!

ЗАХАРЪ (поспѣшно).

Но, дорогой, вѣдь я не возражаю, я только думаю. Вы знаете, я больше помѣщикъ, чѣмъ промышленникъ... Все это для меня ново, сложно... Хочется быть справедливымъ... Крестьяне мягче, добродушнѣе рабочихъ... съ ними я живу прекрасно!.. Какъ я вижу, среди рабочихъ есть очень любопытныя фигуры, но въ массѣ, я соглашаюсь, они очень распущены...

МИХАИЛЪ.

Особенно съ той поры, какъ вы надавали имъ обѣщаній...

ЗАХАРЪ.

Но, видите ли, послѣ вашего отъѣзда сразу началось какое-то оживленіе... т. е. возбужденіе... Я, можетъ быть, велъ себя неосторожно... однако, нужно было успокоить ихъ. Писали въ газетахъ о насъ... И очень рѣзко, знаете...

МИХАИЛЪ (нетерпѣливо).

Сейчасъ семнадцать минутъ одиннадцатаго. Вопросъ необходимо рѣшить; онъ стоитъ такъ: или я закрываю заводъ, или ухожу. Закрывъ заводъ, мы не терпимъ убытка: я принялъ мѣры. Спѣшные заказы готовы, и въ складахъ кое-что есть...

ЗАХАРЪ.

Н-да-а! Необходимо рѣшить сейчасъ... я понимаю! Какъ вы думаете, Николай Васильевичъ?

НИКОЛАЙ.

Я могу разсуждать только теоретически... Думаю, что братъ правъ. Необходимо твердо держаться принци-

повъ, если намъ дорога культура. Заводъ—маленькое государство...

МИХАИЛЪ

(махнувъ рукой).

Ты заѣдешь въ лужу съ этой аналогіей...

НИКОЛАЙ.

Не безпокойся. Во всякомъ государствѣ необходима твердая власть, которая окружаетъ разнообразіе интересовъ населенія желѣзными обручами законовъ...

МИХАИЛЪ.

Это изъ учебника?

НИКОЛАЙ.

Ты страшно нервозенъ... И власть только тогда есть твердая власть, когда она строго держитъ подчиненныхъ ей въ рамкахъ разъ навсегда выработанныхъ ею нормъ...

ЗАХАРЪ.

Т. е. вы тоже думаете—закрыть? Какъ это досадно!.. Дорогой Михаилъ Васильевичъ, не обижайтесь на меня... я отвѣчу минутъ... черезъ десять!.. Хорошо?

МИХАИЛЪ.

Пожалуйста!

ЗАХАРЪ

(спѣшно идетъ налѣво).

Полина, я тебя попрошу, иди со мной...

ПОЛИНА
(идя за мужемъ).

Ахъ, Боже мой!.. какъ это все тяжело!..

МИХАИЛЪ
(сквозь зубы и грозя кулакомъ).

Каша! Кисель!

НИКОЛАЙ.

Спокойнѣе, Михаилъ! Зачѣмъ такъ распускаться?

МИХАИЛЪ.

У меня нервы болятъ, пойми! Я иду на фабрику и—вотъ! (Вынимаетъ изъ кармана револьверъ) Я не слѣпъ и не дуракъ... Меня ненавидятъ, благодаря этому болвану! И я не могу бросить дѣло; ты первый осудилъ бы меня за это. Въ немъ весь нашъ капиталъ... Уйди я,—этотъ лысый идіотъ все погубитъ.

НИКОЛАЙ (спокойно).

Гм... Это скверно, если ты не преувеличиваешь.

СИНЦОВЪ (идетъ).

Васъ просятъ рабочіе...

МИХАИЛЪ.

Меня? Что такое?

СИНЦОВЪ.

Распространился слухъ, что съ обѣда заводъ закроютъ.

МИХАИЛЪ (брату).

Каково! Откуда они знаютъ?

НИКОЛАЙ.

Вѣроятно, это Яковъ Ивановичъ сказалъ.

МИХАИЛЪ.

А... чортъ! (Смотритъ на Синцова и съ раздраженіемъ, котораго не можетъ сдержать) Почему именно вы такъ безпокоитесь, г. Синцовъ? Приходите, спрашиваете... а?

СИНЦОВЪ.

Меня просилъ сходить за вами бухгалтеръ.

МИХАИЛЪ.

Да? Что это за привычка у васъ смотрѣть исподлобья и демонски кривить губы? Чему вы рады, смѣю спросить?..

СИНЦОВЪ

Я думаю, это мое дѣло.

МИХАИЛЪ.

А я думаю иначе... и предлагаю вамъ вести себя со мной болѣе прилично... да!

СИНЦОВЪ.

Могу уйти?

МИХАИЛЪ.

Пожалуйста!

ТАТЬЯНА

(выходитъ съ правой стороны).

А, директоръ... торопитесь? (Кричитъ Синцову) Матвѣй Николаевичъ, здравствуйте!

СИНЦОВЪ (ласково).

Добрый день! Какъ чувствуете себя? Не устали, нѣтъ?

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ, спасибо. Руки болятъ отъ веселъ... Идете на службу? Я васъ провожу до калитки. Знаете, что я вамъ хочу сказать?

СИНЦОВЪ.

Нѣтъ, разумѣется.

ТАТЬЯНА

(идетъ рядомъ съ Синцовымъ).

Во всемъ, что вы вчера говорили, много ума, но еще больше—чего-то враждебнаго, преднамѣреннаго... Есть рѣчи, которыя болѣе убѣдительны тогда, когда въ нихъ мало чувства...

(Не слышно, что говорятъ)

МИХАИЛЪ.

Извольте видѣть, какая ситуація! Служащій вашъ, котораго вы оборвали за дерзость, фамильярничаетъ на вашихъ глазахъ съ женой брата вашего компаньона... Братъ—пьяница, жена—актриса... И на кой чертъ они сюда пріѣхали? Неизвѣстно!..

НИКОЛАЙ.

Странная женщина. Красива, умѣетъ одѣваться, такъ соблазнительна и, кажется, устраиваетъ романъ съ нищимъ. Эксцентрично, но глупо.

МИХАИЛЪ (съ иронией).

Это демократизмъ. Она, видишь ли, дочь прачки и говоритъ, что ее всегда тянетъ къ простымъ людямъ...

НИКОЛАЙ.

Я думаю, она очень доступна... И, кажется, чувственная...

МИХАИЛЪ.

Ты не зѣвай... Этотъ либералъ—спать легъ тамъ, что-ли?.. Нѣтъ, Россія не жизнеспособна, говорю я!.. Люди сбиты съ толку, никто не въ состояніи точно опредѣлить свое мѣсто, всѣ бродятъ, мечтаютъ, говорятъ... Все разваливается, идетъ криво и косо, талантовъ мало, а тѣ, которые есть, анархисты. Правительство—кучка какихъ-то обалдѣвшихъ людей... злые, глупые, они ничего не понимаютъ, ничего не умѣютъ дѣлать... и вмѣсто русской исторіи, совершается безконечный русскій скандалъ... Главное, никто не находитъ удовольствія въ работѣ...

НИКОЛАЙ.

Удивительныя нелѣпости ты говоришь.

МИХАИЛЪ.

Почему?

ТАТЬЯНА (возвращается).

Кричите?.. Всѣ почему-то начинаютъ кричать...

АГРАФЕНА.

Михаилъ Васильевичъ, васъ просятъ Захаръ Ивановичъ...

МИХАИЛЪ

(идетъ, не дослушавъ).

Ну, наконецъ!

ТАТЬЯНА

(садится къ столу).

Почему онъ такой возбужденный?

НИКОЛАЙ.

Полагаю, вамъ это не интересно.

ТАТЬЯНА (спокойно).

Пожалуй. Онъ мнѣ напоминаетъ одного полицейскаго. У насъ, въ Костромѣ, часто дежурилъ на сценѣ полицейскій... такой длинный, съ вытаращенными глазами.

НИКОЛАЙ.

Не вижу сходства съ братомъ.

ТАТЬЯНА.

Я говорю не о внѣшнемъ сходствѣ... Онъ, полицейскій, тоже всегда торопился куда-то; онъ не ходилъ,

а бѣгалъ, не курилъ, а какъ-то задыхался дымомъ; казалось, онъ не живетъ, а прыгаетъ, кувыркается, стараясь поскорѣе достичь чего-то... а чего—онъ не зналъ.

НИКОЛАЙ.

Вы думаете?

ТАТЬЯНА.

Я увѣрена. Когда у человѣка есть ясная цѣль, онъ идетъ спокойно. А этотъ торопился. И торопливость была особенная: она хлестала его изнутри, и онъ бѣжалъ, бѣжалъ, мѣшая себѣ и другимъ. Онъ не былъ жаденъ, узко жаденъ... онъ только жадно хотѣлъ скорѣе сдѣлать все, что нужно, оттолкнуть отъ себя всѣ обязанности, и обязанность брать взятки, въ томъ числѣ. Взятки онъ не бралъ, а хваталъ: схватитъ, заторопится и забудетъ сказать спасибо... Наконецъ, онъ подвернулся подъ лошадей, и онѣ его убили...

НИКОЛАЙ.

Вы хотѣли сказать, что энергія брата безцѣльна?

ТАТЬЯНА.

Да? Такъ вышло! Я не хотѣла этого сказать .. Просто, онъ похожъ на того полицейскаго...

НИКОЛАЙ.

Лестнаго тутъ мало для брата.

ТАТЬЯНА.

Я не собиралась говорить о немъ лестно...

НИКОЛАЙ.

Вы оригинально кокетничаете.

ТАТЬЯНА.

Да?

НИКОЛАЙ.

Но—не весело.

ТАТЬЯНА (спокойно).

Развѣ есть женщины, которымъ съ вами весело?

НИКОЛАЙ.

Ого!

ПОЛИНА (идетъ).

Сегодня у насъ все какъ-то не клеится. Никто не завтракаетъ, всѣ раздражены... Точно не выспались. Надя рано утромъ ушла съ Клеопатрой Петровной въ лѣсъ за грибами... Я вчера просила ее не дѣлать этого... О, Боже... трудно становится жить.

ТАТЬЯНА.

Ты много кушаешь...

ПОЛИНА.

Таня, зачѣмъ этотъ тонъ? Ты ненормально относишься къ людямъ...

ТАТЬЯНА.

Потому что—спокойно?

ПОЛИНА.

Ахъ, легко быть спокойной, когда у тебя ничего нѣтъ и ты свободна! А вотъ, когда около тебя кормятся тысячи людей... это не шутка!

ТАТЬЯНА.

Ты брось, не корми ихъ, пусть они сами живутъ, какъ хотятъ... Отдай имъ все—заводъ, землю, и успокойся.

ПОЛИНА.

Зачѣмъ такъ говорить? Не понимаю!.. Ты бы видѣла, какъ разстроенъ Захаръ... Мы рѣшили закрыть заводъ на время, пока рабочіе успокоятся. Но ты подумай, какъ это тяжело! Сотни людей останутся безъ работы... у нихъ дѣти... ужасно!

ТАТЬЯНА.

Такъ не закрывайте, если ужасно... Зачѣмъ же дѣлать непріятности самимъ себѣ?

ПОЛИНА.

Ахъ, Таня, ты раздражаешь! Если мы не закроемъ,— рабочіе сдѣлаютъ стачку, и это будетъ еще хуже.

ТАТЬЯНА.

Что будетъ хуже?

ПОЛИНА.

Все вообще... Не можемъ же мы уступать всѣмъ ихъ требованіямъ? И, наконецъ, это совсѣмъ не ихъ

требованія, а просто, соціалисты научили ихъ, они и кричатъ... (Горячо) Этого я не понимаю! За границей соціализмъ на своемъ мѣстѣ, онъ очень разнообразитъ жизнь и дѣйствуетъ открыто... А у насъ, въ Россіи, его нашептываютъ рабочимъ изъ-за угловъ, совершенно не понимая, что въ монархическомъ государствѣ это неумѣстно!.. Намъ нужна конституція, а совсѣмъ не это... Какъ вы думаете, Николай Васильевичъ?

НИКОЛАЙ (усмѣхаясь).

Нѣсколько иначе. Соціализмъ очень опасное явленіе. И въ странѣ, гдѣ нѣтъ самостоятельной, такъ сказать, расовой философіи, гдѣ все хватаютъ со стороны и на лету, тамъ онъ долженъ найти для себя почву... Мы люди крайностей... вотъ наша болѣзнь.

ПОЛИНА.

Это очень вѣрно! Да, мы люди крайностей.

ТАТЬЯНА (вставая).

Особенно ты и твой мужъ. Или вотъ товарищъ прокурора...

ПОЛИНА.

Ты не знаешь, Таня... а Захара считаютъ однимъ изъ красныхъ въ губерніи!

ТАТЬЯНА (ходитъ).

Я думаю, онъ краснѣетъ только со стыда, да и то не часто...

ПОЛИНА.

Таня! Что ты, Богъ съ тобой?..

ТАТЬЯНА.

Развѣ это обидно? Я не знала... Мнѣ ваша жизнь кажется любительскимъ спектаклемъ. Роли распредѣлены скверно, талантовъ нѣтъ, всѣ играютъ отвратительно... Пьесу нельзя понять..

НИКОЛАЙ.

Въ этомъ есть правда... И всѣ жалуются: ахъ, какая скучная пьеса!

ТАТЬЯНА.

Да. Мы портимъ пьесу. Мнѣ кажется, это начинаютъ понимать статисты и всѣ закулисные люди... Однажды они прогонятъ насъ со сцены...

(Идутъ генералъ и Конь)

НИКОЛАЙ.

Однако! Куда вы метнули...

ГЕНЕРАЛЪ

(кричитъ, подходя).

Полина! Молока генералу,—х-хо! Холоднаго молока!.. А-а, гробъ законовъ!.. Моя превосходная племянница, ручку! Конь, отвѣчай урокъ: что есть солдатъ?

КОНЬ (скучно).

Какъ угодно начальству, ваше превосходительство!

ГЕНЕРАЛЪ.

Можетъ солдатъ быть рыбой, а?

КОНЬ.

Солдатъ долженъ все умѣть...

ТАТЬЯНА.

Милый дядя, вы и вчера забавляли насъ этой сценой... Неужели—каждый день?

ПОЛИНА (вздыхая).

Каждый день, послѣ купанья.

ГЕНЕРАЛЪ.

Каждый день, да! II всегда—разное обязательно! Онъ, старый шутъ, долженъ самъ выдумывать отвѣты и вопросы.

ТАТЬЯНА.

Вамъ это нравится, Конь?

КОНЬ.

Его превосходительству нравится.

ТАТЬЯНА.

А вамъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Ему тоже...

КОШЬ.

Мнѣ не очень... Старъ я для цирка... ну, а терпѣть надо, когда ѣсть нужно...

ГЕНЕРАЛЪ.

А! Хитрая каналья! Кругомъ маршъ... разъ-два!

ТАТЬЯНА.

Вамъ не скучно издѣваться надъ старикомъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Я самъ—старикъ! А вы сами скучная... Актриса должна смѣшить, а вы что?

ПОЛИНА.

Ты знаешь, дядя...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ничего не знаю..

ПОЛИНА.

Мы закрываемъ заводъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ага! Прекрасно! Онъ—свиститъ. Рано утромъ спишь такъ крѣпко, вдругъ—у-у-у! Закрыть его!..

МИХАИЛЪ

(быстро идетъ).

Николай, на минутку! Ну, заводъ закрытъ! Но на всякій случай, надо принять мѣры... Пошли телеграмму

вице-губернатору: кратко сообщи положеніе дѣла и требуй солдатъ... Подпиши моимъ именемъ.

НИКОЛАЙ.

Мы съ нимъ тоже пріятели.

МИХАИЛЪ.

Я знаю. Иду объявить этимъ депутатамъ—къ черту!.. Ты не говори о телеграммѣ, я самъ скажу, когда будетъ нужно... да?

НИКОЛАЙ.

Хорошо.

МИХАИЛЪ.

А великолѣпно чувствуется, когда поставишь на своемъ! Это—признакъ молодости! Я, братъ, старше тебя годами, но моложе душой, а?

НИКОЛАЙ

Это не молодость, а нервозность, я думаю...

МИХАИЛЪ

(съ ироніей).

Ну, конечно! До свиданья, старикъ... Вотъ я тебѣ покажу нервозность! Увидишь! (Смѣясь уходитъ)

ПОЛИНА.

Рѣшили, Николай Васильевичъ, да?

НИКОЛАЙ (уходя).

Да, кажется.

ПОЛИНА.

О, Боже мой!..

ГЕНЕРАЛЪ.

Что рѣшили?

ПОЛИНА.

Закрыть заводъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

А... Я это уже слышалъ... Трамъ-та-та-тамъ! Ти-та тамъ!.. Скучно!

ТАТЬЯНА.

Да.

ПОЛИНА.

И такъ тревожно, неловко...

ГЕНЕРАЛЪ.

Конь!

КОНЬ.

Здѣсь.

ГЕНЕРАЛЪ.

Удочки и лодку... Готово?

КОНЬ.

Готово.

ГЕНЕРАЛЪ.

Пойду молчать съ рыбами... Это болѣе умно, чѣмъ скучать съ людьми... (Хохочетъ) Ловко сказано, а? (Надя бѣжитъ) А-а, мотылекъ... что такое?

НАДЯ (радостно).

Приключеніе! (Обернувшись назадъ, зоветъ) Идите, пожалуйста! Вы возьмите его подъ руку, Клеопатра Петровна! Знаешь, тетя, выходимъ мы изъ лѣсу,—вдругъ, трое пьяныхъ рабочихъ... понимаешь?

ПОЛИНА.

Ну, вотъ! Я всегда говорила тебѣ...

КЛЕОПАТРА
(за нею Грековъ).

Представьте, какая гадость!

НАДЯ.

Почему—гадость? Просто смѣшно!.. Трое рабочихъ, тетя... Улыбаются и говорятъ: „барыни вы наши, милыя...“

КЛЕОПАТРА.

Я непремѣнно попрошу мужа прогнать ихъ...

ГРЕКОВЪ (улыбаясь).

За что же?

ГЕНЕРАЛЪ (Надѣ).

Это кто такой чумазый?

НАДЯ.

Нашъ спаситель, дѣдъ, понимаешь?

ГЕНЕРАЛЪ.

Ничего не понимаю!..

КЛЕОПАТРА (Надѣ).

Вы разсказываете, Богъ знаетъ какъ...

НАДЯ.

Я говорю, какъ нужно!

ПОЛИНА.

Но ничего нельзя понять, Надя!

НАДЯ.

Вы мнѣ мѣшаете потому что!—Подходятъ къ намъ и говорятъ: „барышни! давайте съ нами пѣсни пѣть...“

ПОЛИНА.

Ахъ, какое нахальство!

НАДЯ.

Вовсе нѣтъ!—„Мы, говорятъ, знаемъ, вы очень хорошо поете... Конечно—мы выпивши, но выпившіе мы лучше!“ Это вѣрно, тетя! Пьяные они не такіе хмурые, какъ всегда...

КЛЕОПАТРА.

На наше счастье вотъ этотъ молодой человѣкъ...

НАДЯ.

Я разскажу лучше васъ!—Клеопатра Петровна начала ихъ ругать... Это вы напрасно! Увѣряю васъ!.. Тогда одинъ изъ нихъ, такой высокій и худой...

КЛЕОПАТРА
(съ угрозой).

Я его знаю!

НАДЯ.

Взялъ ее за руку и—такъ грустно—сказалъ: „такая вы красивая, образованная женщина; смотрѣть на васъ пріятно, а вы—ругаетесь! Развѣ мы васъ обидѣли?“ Онъ очень хорошо сказалъ, такъ... отъ души! Ну, а другой, онъ, дѣйствительно... Онъ сказалъ: „чего ты съ ними говоришь? Развѣ онѣ что-нибудь могутъ понять? Онѣ—звѣрье!..“ Это мы звѣрье—я и она!

(Смѣется).

ТАТЬЯНА (усмѣхаясь).

Ты, кажется, очень довольна этимъ титуломъ?

ПОЛИНА.

Я говорила тебѣ, Надя... Вотъ ты бѣгаешь всюду...

ГРЕКОВЪ (Надѣ).

Я могу идти?

НАДЯ.

О, нѣтъ, пожалуйста! Хотите чаю?.. Или молока? Хотите?

(Генералъ хохочетъ. Клеопатра пожимаетъ плечами. Татьяна смо-

трить на Грекова и что-то напѣваетъ сквозь зубы. Полина опустила голову и тщательно вытираетъ ложки полотенцемъ)

ГРЕКОВЪ (улыбаясь).

Спасибо, не хочу.

НАДЯ (убѣдительно).

Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь!.. Это все... добрые люди, увѣряю васъ!

ПОЛИНА (протестуетъ).

О, Надя!

НАДЯ (Грекову).

Вы не уходите, я сейчасъ все разскажу...

КЛЕОПАТРА (недовольно).

Однимъ словомъ, этотъ молодой человѣкъ явился во-время и уговорилъ своихъ пьяницъ-товарищей оставить насъ въ покоѣ... а я попросила его проводить насъ. Вотъ и все!..

НАДЯ.

Ахъ, ну, что это! Если бы все было, какъ вы разсказываете... всѣ умерли бы со скуки!

ГЕНЕРАЛЪ.

Каково, а?

НАДЯ (Грекову).

Вы сядьте! Тетя, да пригласите же его сѣсть! Отчего вы всѣ такіе кислые? Вамъ жарко?

ПОЛИНА
(сидя Грекову).

Благодарю васъ, молодой человѣкъ...

ГРЕКОВЪ.

Не за что...

ПОЛИНА
(болѣе сухо).

Съ вашей стороны было очень хорошо защитить женщинъ.

ГРЕКОВЪ (спокойно).

Онѣ не нуждались въ защитѣ... ихъ никто не обпжалъ.

НАДЯ.

Но, тетя же! Развѣ можно такъ говорить?

ПОЛИНА.

Я попрошу не учить меня...

НАДЯ.

Но, пойми,—никакой защиты не было! Онъ просто сказалъ имъ: „оставьте, товарищи, это нехорошо!" Они обрадовались ему: „Грековъ. Идемъ съ нами, ты—милый!" Онъ, дѣйствительно, тетя, очень милый и умный... вы извините меня, Грековъ, но вѣдь это правда!..

ГРЕКОВЪ (усмѣхаясь).

Вы ставите меня въ неловкое положеніе...

НАДЯ.

Да? Но я этого не хочу... Это не я, а вотъ они, Грековъ!

ПОЛИНА.

Надя!.. Ты знаешь, я не понимаю экстаза... Все это смѣшно!.. И—довольно!..

НАДЯ (возбужденно).

Такъ смѣйтесь! Почему же вы сидите, какъ сычи? Смѣйтесь!

КЛЕОПАТРА.

У Нади способность изъ всякаго пустяка дѣлать исторію, съ шумомъ, съ восторгомъ. И особенно это хорошо сейчасъ, на глазахъ... чужого человѣка, который, видите,—смѣется надъ ней.

НАДЯ (Грекову).

Вы надо мной смѣетесь? Почему?

ГРЕКОВЪ (просто).

Я любуюсь вами, а не смѣюсь.

ПОЛИНА (поражена).

Что? Дядя...

КЛЕОПАТРА (усмѣхаясь).

Вотъ вамъ!

ГЕНЕРАЛЪ.

Ну, баста! Хорошенькаго понемножку. Молодой человѣкъ, вотъ, возьми себѣ и—ступай...

ГРЕКОВЪ (отвертываясь).

Благодарю... не нужно.

НАДЯ
(закрывъ лицо руками).

Дѣдъ... зачѣмъ?

ГЕНЕРАЛЪ
(останавливая Грекова).

Подожди! Это—десять рублей...

ГРЕКОВЪ (спокойно).

Ну, и что же?

(Секунду всѣ молчатъ)

ГЕНЕРАЛЪ (смущенъ).

Э... Вы кто такой?

ГРЕКОВЪ.

Рабочій.

ГЕНЕРАЛЪ.

Да! Кузнецъ?

ГРЕКОВЪ.

Слесарь.

ГЕНЕРАЛЪ (строго).

Это все равно! А почему ты не берешь деньги, а?

ГРЕКОВЪ.

Не хочу.

ГЕНЕРАЛЪ (раздражаясь).

Что за комедія? Чего же тебѣ нужно?

ГРЕКОВЪ.

Ничего.

ГЕНЕРАЛЪ.

А можетъ быть, ты хочешь попросить руку барышни, а?

(Хохочетъ. Всѣ смущены выходкой генерала).

НАДЯ.

Ой... что вы дѣлаете!

ПОЛИНА.

Дядя, пожалуйста.

ГРЕКОВЪ
(генералу спокойно).

Вамъ сколько лѣтъ?

ГЕНЕРАЛЪ (удивленъ).

Что? Мнѣ... лѣтъ?

ГРЕКОВЪ (такъ же).

Сколько вамъ лѣтъ?

ГЕНЕРАЛЪ (оглядываясь).

Что такое? Шестьдесятъ одинъ годъ... Ну, и что же?

ГРЕКОВЪ

(идетъ прочь).

Въ эти годы слѣдуетъ быть умнѣе!

ГЕНЕРАЛЪ.

Какъ?.. Мнѣ... умнѣе?..

НАДЯ

(бѣжитъ за Грековымъ).

Послушайте... вы не сердитесь! Онъ—старикъ. И всѣ они добрые люди, честное слово!

ГЕНЕРАЛЪ.

Что за чертовщина?

ГРЕКОВЪ.

Вы не безпокойтесь... это все естественно!

НАДЯ.

Имъ жарко... У нихъ, поэтому, дурное настроеніе... А я такъ плохо разсказала.

ГРЕКОВЪ (улыбаясь).

Какъ бы вы ни разсказали, васъ не поймутъ, повѣрьте.

(Они скрываются)

ГЕНЕРАЛЪ.

Это онъ меня... смѣлъ, а?

ТАТЬЯНА.

Вы напрасно сунули ваши деньги.

ПОЛИНА.

Ахъ, Надя!.. Эта Надя!

КЛЕОПАТРА.

Скажите? Какой гордый испанецъ! Вотъ я попрошу мужа, чтобъ онъ его...

ГЕНЕРАЛЪ.

Такой щенокъ!?

ПОЛИНА.

Надя—невозможна!.. Пошла съ нимъ... Какъ она волнуется!

КЛЕОПАТРА.

Они съ каждымъ днемъ все больше распускаются. ваши соціалисты...

ПОЛИНА.

Почему вы думаете, что онъ соціалистъ?

КЛЕОПАТРА.

Ужъ я вижу! Всѣ порядочные рабочіе—соціалисты...

ГЕНЕРАЛЪ.

Я скажу Захару... сегодня же въ шею съ завода этого молокососа!

ТАТЬЯНА.

Заводъ закрытъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Вообще—въ шею!

ПОЛИНА.

Таня! Позови Надю... я прошу тебя! Скажи ей, что я поражена...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ахъ, скотина! Сколько лѣтъ, а?

КЛЕОПАТРА.

Эти пьяные свистѣли вслѣдъ намъ... А вы съ ними любезничаете... чтенія разныя... къ чему это?..

ПОЛИНА.

Да, да!.. Вы представьте: въ четвергъ я ѣду въ деревню, вдругъ свистятъ!.. Даже мнѣ—свистятъ, а? Не говоря о неприличіи,—это можетъ испугать лошадей!

КЛЕОПАТРА (поучительно).

Захаръ Ивановичъ во многомъ виноватъ!.. Онъ невѣрно опредѣляетъ разстояніе между собой и этимъ народомъ, какъ говоритъ мужъ...

ПОЛИНА.

Онъ мягокъ... онъ хочетъ быть добрымъ со всѣми! Добрыя отношенія съ народомъ выгоднѣе для обѣихъ

сторонъ, это его убѣжденіе... Крестьяне очень оправдываютъ его взгляды... Берутъ землю, платятъ аренду и— все идетъ прекрасно. А эти... (Идутъ Татьяна и Надя) Надя! моя милая, ты понимаешь, какъ неприлично...

ПАДЯ (горячо).

Это вы... вы неприличны! Вы всѣ угорѣли отъ жары, вы злые, больные и ничего не понимаете!.. А вы, дѣдъ... ахъ, какой вы глупый!..

ГЕНЕРАЛЪ (взбѣшенъ).

Я? Глупъ? Еще разъ?

НАДЯ.

Зачѣмъ вы сказали это... о рукѣ? Не стыдно вамъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Стыдно? Нѣтъ, баста! Благодарю! Довольно, на сегодня! (Идетъ прочь и оретъ) Конь! Чортъ бы взялъ всю твою родню, гдѣ тамъ увязли твои дурацкія ноги, болванъ, тупая башка?!

ПАДЯ.

А вы, тетя, вы!.. Еще за границей жили, о политикѣ говорите!.. Не пригласить человѣка сѣсть, не дать ему чашку чая!.. Эхъ, вы... баронесса!

ПОЛИНА

(встаетъ, бросаетъ ложку на траву).

Это ужасно! Это нестерпимо... что ты говоришь?..

НАДЯ.

И вы, Клеопатра Петровна, тоже... дорогой вы были съ нимъ и ласковы и любезны, а здѣсь...

КЛЕОПАТРА.

Да что-жъ — цѣловать мнѣ его, что-ли? Извините, онъ не умытъ. И я не расположена слушать ваши выговоры. Вотъ, Полина Дмитріевна, видите? Это демократизмъ или, какъ тамъ, гуманизмъ!.. Это все ложится пока на шею моего мужа... но ляжетъ и на вашу, вы увидите!

ПОЛИНА.

Клеопатра Петровна, я извиняюсь передъ вами за Надю...

КЛЕОПАТРА (уходя).

Это лишнее... И не въ ней дѣло, не въ одной Надѣ... Всѣ виноваты!

ПОЛИПА.

Послушай, Надя! Когда твоя мать умирая поручала мнѣ тебя, твое воспитаніе...

НАДЯ.

Не трогайте мою маму! Вы говорите о ней всегда не такъ!

ПОЛИПА (изумленно).

Надя! Ты больна?.. Опомнись! Твоя мать была сестрой мнѣ, я ее знаю лучше тебя.

НАДЯ

(со слезами, но сдерживая ихъ).

Ничего вы не знаете, вотъ! И бѣдные богатымъ не родня... Моя мама была бѣдная, хорошая... Вы не понимаете бѣдныхъ!.. Вы вотъ даже тетю Таню не понимаете...

ПОЛИНА.

Надежда, я прошу тебя уйти! Уходи!

НАДЯ (уходя).

И уйду!.. А, все-таки, я права! Не вы, а—я!

ПОЛИНА.

Ф-фу! Боже мой!.. Здоровая дѣвушка и вдругъ... такой припадокъ, почти истерія! Ты извини меня, Таня, но здѣсь я вижу твое вліяніе... да! Ты говоришь съ нею обо всемъ, какъ со взрослой... вводишь ее въ компанію служащихъ... эти конторщики... какіе-то интеллигенты изъ рабочихъ... какой абсурдъ! Наконецъ, катанья въ лодкахъ...

ТАТЬЯНА.

Ты успокойся... выпей чего-нибудь, что-ли! Тебѣ нужно согласиться, что съ этимъ рабочимъ ты вела себя... довольно безтолково! Вѣдь онъ не изломалъ бы стула, если-бъ ты предложила ему сѣсть.

ПОЛИНА.

Ты не права, нѣтъ... Развѣ можно сказать, что я дурно отношусь къ рабочимъ? Но все должно имѣть свои границы, моя дорогая!..

(Медленно идетъ Яковъ, выпившій)

ТАТЬЯНА.

Затѣмъ, я ее никуда не ввожу, какъ ты говоришь. Она сама идетъ... и я не думаю, что ей нужно мѣшать.

ПОЛИНА.

Она сама идетъ! Какъ-будто она понимаетъ—куда?

ЯКОВЪ (садясь).

А на заводѣ будетъ бунтъ...

ПОЛИНА (тоскливо).

Ахъ, перестаньте, Яковъ Ивановичъ!..

ЯКОВЪ.

Будетъ. Бунтъ будетъ. Они зажгутъ заводъ и всѣхъ насъ изжарятъ на огнѣ... какъ зайцевъ.

ТАТЬЯНА (съ досадой).

Ты, кажется, ужъ выпилъ...

ЯКОВЪ.

Я въ это время всегда уже выпилъ... Сейчасъ видѣлъ Клеопатру... это очень дрянная баба! Не потому, что у нея много любовниковъ... но потому, что въ груди у нея, вмѣсто души, сидитъ старая, злая собака...

ПОЛИНА (встаетъ).

Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. Все шло хорошо и—вдругъ... (Ходитъ по саду)

ЯКОВЪ.

Небольшая собака, съ облѣзлой шерстью. Жадная. Сидитъ и скалитъ зубы... Уже сыта, все ѣла... но чего-то хочетъ еще... А чего—не знаетъ... И безпокоится...

ТАТЬЯНА.

Замолчи, Яковъ!.. Вонъ идетъ твой братъ.

ЯКОВЪ.

Мнѣ не нуженъ братъ! Таня, я понимаю, меня нельзя уже любить... но, все-таки, это мнѣ обидно! Обидно... и не мѣшаетъ мнѣ любить тебя...

ТАТЬЯНА

Ты бы освѣжился...

ЗАХАРЪ (подходя).

Что? Объявили уже, что заводъ закрывается?

ТАТЬЯНА.

Не знаю.

ЯКОВЪ.

Не объявили, но рабочіе знаютъ.

ЗАХАРЪ.

Почему? Кто сказалъ имъ?..

ЯКОВЪ.

Я. Пошелъ и сказалъ.

ПОЛИНА (подходитъ).

Зачѣмъ?

ЯКОВЪ

(пожимая плечами).

Такъ... Имъ это интересно. Я имъ все говорю... если они слушаютъ. Они меня любятъ, я думаю. Имъ пріятно видѣть, что братъ ихъ хозяина—пьяница. Это должно внушать идею равенства всѣхъ людей.

ЗАХАРЪ.

Гм... ты, Яковъ, часто бываешь на заводѣ... противъ этого я, конечно, ничего не имѣю!.. Но Михаилъ Васильевичъ говоритъ, что иногда ты, разговаривая съ рабочими, осуждаешь порядки на заводѣ...

ЯКОВЪ.

Это онъ вретъ. Я ничего не понимаю въ порядкахъ.

ЗАХАРЪ.

А также онъ говоритъ, что иногда ты приносишь съ собой водку...

ЯКОВЪ.

Вретъ. Не приношу, а посылаю за ней и не иногда, а всегда. Ты же понимаешь, что безъ водки—я имъ не интересенъ!

ЗАХАРЪ.

Но, Яковъ, посуди самъ, ты—братъ хозяина...

ЯКОВЪ.

Это не единственный мой недостатокъ...

ЗАХАРЪ (обиженно).

Ну, я молчу! Молчу! Вокругъ меня создается непонятная мнѣ атмосфера враждебности...

ПОЛИНА.

Да, это вѣрно. Ты послушалъ бы, что тутъ говорила Надежда!

ПОЛОГІЙ (бѣжитъ).

Позвольте сказать... сейчасъ... сейчасъ убитъ г. директоръ... выстрѣломъ...

ЗАХАРЪ.

Какъ?

ПОЛИНА.

Вы... что вы?

ПОЛОГІЙ.

Совершенно... убитъ... упалъ...

ЗАХАРЪ.

Кто... кто стрѣлялъ?

ПОЛОГІЙ.

Рабочіе...

ПОЛИНА.

Схватили ихъ?

ЗАХАРЪ.

Докторъ тамъ?

ПОЛОГІЙ.

Я не знаю.

ПОЛИНА.

Яковъ Ивановичъ!.. Да идите вы!

ЯКОВЪ
(разводя руками).

Куда?

ПОЛИНА.

Какъ это случилось?

ПОЛОГІЙ.

Г. директоръ были въ ажитаціи... и попали ногой въ животъ рабочему...

ЯКОВЪ.

Идутъ... сюда...

(Шумъ. Ведутъ Михаила Скроботова, подъ одну руку Лѣвшинъ, лысоватый, пожилой рабочій, подъ другую — Николай. Ихъ провожаютъ нѣсколько рабочихъ и служащихъ. Потомъ появляются становой, Клеопатра, Надя)

МИХАИЛЪ (устало).

Оставьте меня... положите...

НИКОЛАЙ.

Ты видѣлъ, кто стрѣлялъ?

МИХАИЛЪ.

Я усталъ... о, я усталъ...

НИКОЛАЙ (настойчиво).

Ты замѣтилъ, кто стрѣлялъ?

МИХАИЛЪ.

Мнѣ больно... Какой-то рыжій... Положите меня... Какой-то рыжій...

(Его укладывают на дерновую скамью)

НИКОЛАЙ (уряднику).

Вы слышали? Рыжій.

УРЯДНИКЪ.

Слушаю!..

МИХАИЛЪ.

А! Теперь все равно... у него зеленые глаза...

ЛѢВШИНЪ (Николаю).

Вы бы не тревожили его въ такую минуту...

НИКОЛАЙ.

Молчать! Гдѣ же докторъ?.. Докторъ гдѣ, я спрашиваю?

(Всѣ безтолково суетятся, шепчутся)

МИХАИЛЪ.

Не кричи... Мнѣ больно... Дайте же отдохнуть!

ЛѢВШИНЪ.

Отдохните, Михаилъ Васильевичъ, ничего! Эхъ, дѣла человѣческія, копеечныя дѣла! Изъ-за копейки пропадаемъ... Она и мать намъ, и смерть наша...

НИКОЛАЙ.

Урядникъ!.. Попросите удалиться всѣхъ лишнихъ.

УРЯДНИКЪ (негромко).

Пошелъ прочь, ребята! Нечего тутъ смотрѣть...

ЗАХАРЪ (тихо).

Гдѣ же докторъ?

НИКОЛАЙ.

Миша!.. Миша!.. (Наклоняется къ брату и всѣ наклоняются за нимъ) Мнѣ кажется... онъ скончался... да.

ЗАХАРЪ.

Не можетъ быть!

НИКОЛАЙ
(медленно, негромко).

Да. Онъ умеръ... Вы это понимаете, Захаръ Ивановичъ?..

ЗАХАРЪ.

Но... вы можете ошибиться!

НИКОЛАЙ.

Нѣтъ. Это вы поставили его подъ выстрѣлъ, вы!

ЗАХАРЪ (пораженъ).

Я?

ТАТЬЯНА.

Какъ это жестоко... глупо!

НИКОЛАЙ
(наступая на Захара).

Да, вы!..

СТАНОВОЙ (бѣжитъ).

Гдѣ г. директоръ? Тяжело раненъ?

ЛѢВШИНЪ.

Померъ. Торопилъ, торопилъ всѣхъ, а самъ—вотъ...

НИКОЛАЙ (становому).

Онъ успѣлъ сказать, что его убилъ какой-то рыжій...

СТАНОВОЙ.

Рыжій? Гм...

НИКОЛАЙ.

Да. Примите мѣры... немедленно!

СТАНОВОЙ (уряднику).

Немедленно собрать всѣхъ рыжихъ!

УРЯДНИКЪ.

Слушаю!

СТАНОВОЙ.

Всѣхъ!

КЛЕОПАТРА (бѣжитъ).

Гдѣ онъ?.. Миша!.. Что такое... обморокъ? Николай Васильевичъ!.. Это обморокъ? (Николай отвертывается въ сторону. Идетъ прихрамывая старичекъ докторъ) Умеръ? Нѣтъ?

ЛѢВШИНЪ.

Успокоился... Не достигъ...

НИКОЛАЙ

(злобно, но негромко).

Вы—прочь! (становому) Уберите этого!

КЛЕОПАТРА.

Ну, что... что, докторъ?

СТАНОВОЙ
(Лѣвшину тихо).

Ты! Пошелъ!

ЛѢВШИНЪ (тихо).

Иду. Зачѣмъ толкать?

ДОКТОРЪ.

Ну, къ сожалѣнію, я тутъ безполезенъ... п-да...

КЛЕОПАТРА (негромко).

Убили?

ПОЛИНА (Клеопатрѣ).

Моя дорогая!..

КЛЕОПАТРА
(негромко, зло).

Подите прочь! Вѣдь это ваше дѣло... ваше!

ЗАХАРЪ (подавленно).

Я понимаю... вы поражены... но, зачѣмъ же... зачѣмъ же такъ?

ПОЛИНА (со слезами).

Вы подумайте, дорогая, какъ это страшно!

КЛЕОПАТРА.

Страшно, да?

ТАТЬЯНА (Полинѣ).

Ты уйди...

КЛЕОПАТРА.

Это вы убили его вашей проклятой дряблостью!

НИКОЛАЙ (сухо).

Успокойтесь, Клеопатра!.. Захаръ Ивановичъ не можетъ не сознавать своей вины передъ нами...

ЗАХАРЪ (подавленный).

Господа!.. Я не понимаю!.. Что вы говорите? Развѣ можно бросать такое обвиненіе?..

ПОЛИНА.

Какой ужасъ! Боже мой... такъ безжалостно!

КЛЕОПАТРА.

А, безжалостно? Вы натравили на него рабочихъ, вы уничтожили среди нихъ его вліяніе... Они боялись его, они дрожали передъ нимъ... и — вотъ! Теперь они убили!.. Это вы... вы виноваты! На васъ его кровь!..

НИКОЛАЙ.

Довольно... не надо кричать!

КЛЕОПАТРА (Полинѣ).

Плачете? Пусть она изъ глазъ вашихъ потечетъ, его кровь...

УРЯДНИКЪ.

Ваше благородіе!..

СТАНОВОЙ.

Тише, ты!

УРЯДНИКЪ.

Рыжіе готовы!

(Въ глубинѣ сада идетъ генералъ и, толкая передъ собой Коня, громко хохочетъ)

НИКОЛАЙ.

Тише!..

КЛЕОПАТРА.

Что, убійцы?

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лунная ночь. На землѣ лежатъ густыя, тяжелыя тѣни. На столѣ въ безпорядкѣ набросано много хлѣба, огурцовъ, яицъ; стоятъ бутылки съ пивомъ. Горятъ свѣчи въ абажурахъ. А г р а ф е н а моетъ посуду. Я г о д и н ъ сидя на стулѣ, съ палкой въ рукѣ, куритъ. Слѣва стоятъ Т а т ь я н а, Н а д я, Л ѣ в ш и н ъ. Всѣ говорятъ тихо, пониженными голосами и какъ-будто прислушиваясь къ чему-то. Общее настроеніе — тоскливаго и тревожнаго ожиданія.

ЛѢВШИНЪ (Надѣ).

Все человѣческое на землѣ мѣдью отравлено, барышня милая! Вотъ отчего скучно душѣ вашей молодой... Всѣ люди связаны мѣдной копейкой, а вы свободная еще, и нѣтъ вамъ мѣста въ людяхъ. На землѣ каждому человѣку копейка звенитъ: возлюби меня, яко самого себя... А васъ это не касается.

ЯГОДИНЪ (Аграфенѣ).

Ефимычъ и господъ учить началъ... чудакъ!

АГРАФЕНА.

Что жъ? Онъ правду говоритъ. Немножко правды и господамъ знать надо.

ЛѢВШИНЪ.

Звенитъ, да...

ЯГОДИНЪ.

А кто нашего брата, кромѣ копейки, оградитъ можетъ? Никто!..

НАДЯ.

Вамъ очень тяжело жить, Ефимычъ?

ЛѢВШИНЪ.

Мнѣ—не очень. У меня дѣтей нѣтъ. Баба есть, жена, значитъ, а дѣти всѣ померли.

НАДЯ.

Тетя Таня! Почему, когда въ домѣ мертвый, всѣ говорятъ тихо?..

ТАТЬЯНА.

Я не знаю...

ЛѢВШИНЪ

(съ улыбкой)

Потому, барышня, что виноваты мы передъ покойникомъ, кругомъ виноваты...

НАДЯ.

Но вѣдь не всегда, Ефимычъ, людей... вотъ такъ... убиваютъ... При всякомъ покойникѣ тихо говорятъ.

ЛѢВШИНЪ.

Милая,—всѣхъ мы убиваемъ! которыхъ пулями, которыхъ словами, всѣхъ мы убиваемъ дѣлами нашими. Гонимъ людей со свѣту въ землю и не видимъ этого, и не чувствуемъ... а вотъ когда бросимъ человѣка смерти, тогда и поймемъ немножко нашу вину передъ нимъ. Станетъ жалко умершаго, стыдно передъ нимъ и страшно въ душѣ... Вѣдь и насъ также гонятъ, и мы въ могилу приготовлены!..

НАДЯ.

Да-а... это страшно!

ЛѢВШИНЪ.

Ничего! Теперь—страшно, а завтра—все пройдетъ. И опять начнутъ люди толкаться... Упадетъ человѣкъ, котораго затолкаютъ, всѣ замолчатъ на минутку, сконфузятся... вздохнутъ, да и опять за старое!.. Опять своимъ путемъ... Темнота! А путь у всѣхъ одинъ... тѣсновато, да... А вотъ вы, барышня, вины своей не чувствуете; вамъ и покойники не мѣшаютъ, вы и при нихъ можете громко говорить...

ТАТЬЯНА.

Что нужно сдѣлать, чтобы жить иначе?.. Вы знаете?

ЛѢВШИНЪ (таинственно).

Копейку надо уничтожить... схоронить ее надо! Ея не будетъ,—зачѣмъ враждовать, зачѣмъ тѣснить другъ друга?

ТАТЬЯНА.

Это—все?

ЛѢВШИНЪ.

Для начала—хватитъ!..

ТАТЬЯНА.

Хочешь пройтись по саду, Надя?

НАДЯ (задумчиво).

Хорошо...

(Онѣ идутъ въ глубину сада; Лѣвшинъ—къ столу. У палатки появляются генералъ, Конь и Шологій)

ЯГОДИНЪ.

Ты, Ефимычъ, и на кампѣ сѣешь... чудакъ!..

ЛѢВШИНЪ.

А что?

ЯГОДИНЪ.

Напрасно стараешься... Развѣ они поймутъ? Рабочая душа пойметъ, а господской это не по недугу...

ЛѢВШИНЪ.

Душа—душой... да вѣдь всѣ около одного мѣста трутся...

АГРАФЕНА.

Можетъ, еще выпьете чаю?..

ЛѢВШИНЪ.

Это—можно.

(Молчатъ. Слышенъ густой голосъ генерала. Мелькаютъ бѣлыя платья Нади и Татьяны)

ГЕНЕРАЛЪ.

Или протянуть черезъ дорогу веревку... такъ, чтобы ее не видно было... идетъ человѣкъ и вдругъ—хлопъ!

ПОЛОГІЙ.

Пріятно видѣть, когда человѣкъ падаетъ, ваше превосходительство!..

ЯГОДИНЪ.

Слышишь?

ЛѢВШИНЪ.

Слышу...

КОНЬ.

Сегодня этого нельзя ничего: покойникъ въ домѣ. При покойникѣ не шутятъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Не учить меня! Когда ты умрешь, я плясать буду!

(Къ столу идутъ Татьяна и Надя)

ЛѢВШИНЪ.

Старъ человѣкъ...

АГРАФЕНА

(идетъ къ дому).

Ужъ такъ онъ озорничать любитъ...

ТАТЬЯНА

(садится къ столу).

Ефимычъ, скажите, вы—соціалистъ?

ЛѢВШИНЪ (просто).

Я-то? Нѣтъ. Мы вотъ съ Тимофеемъ ткачи, мы—ткачи...

ТАТЬЯНА.

А вы знаете соціалистовъ? Слышали о нихъ?

ЛѢВШИНЪ.

Слыхали... Знать—не знаемъ, а слыхали, да!

ТАТЬЯНА.

Вы Синцова знаете? конторщика?

ЛѢВШИНЪ.

Знаемъ. Мы всѣхъ служащихъ знаемъ.

ТАТЬЯНА.

Говорили съ нимъ?

ЯГОДИНЪ (безпокойно).

О чемъ намъ говорить? Они—наверху, мы—внизу. Придешь въ контору, они намъ скажутъ, что имъ директоръ велѣлъ... и все! Вотъ и знакомство.

НАДЯ.

Вы, кажется, боитесь насъ, Ефимычъ? Вы не бойтесь, намъ интересно...

ЛѢВШИНЪ.

Зачѣмъ бояться? Мы ничего худого не сдѣлали. Насъ вотъ позвали сюда для охраны порядка,—мы пришли. Тамъ народъ, который разозлился, говоритъ: сожжемъ заводъ и все сожжемъ, одни угли останутся. Ну, а мы противъ безобразія. Жечь ничего не надо... зачѣмъ жечь? Сами же мы строили, и отцы наши, и дѣды... и вдругъ—жечь!

ТАТЬЯНА.

Вы не думаете ли, что мы разспрашиваемъ васъ съ какимъ-нибудь злымъ умысломъ?..

ЯГОДИНЪ.

Зачѣмъ? Мы зла не желаемъ!

ЛѢВШИНЪ.

Мы такъ думаемъ: что сработано, то свято. Труды людскіе цѣнить надо по справедливости, это такъ, а не жечь. Ну, а народъ теменъ,—огонь любитъ. Обозлились. Покойничекъ строгонекъ былъ съ нами, не тѣмъ будь помянутъ!

НАДЯ.

А дядя? онъ—лучше?

ЯГОДИНЪ.

Захаръ Ивановичъ?

НАДЯ.

Да! Онъ—добрый? Или онъ... тоже обижаетъ васъ?

ЛѢВШИНЪ.

Мы этого не говоримъ...

ЯГОДИНЪ (угрюмо).

Для насъ всѣ одинаковы. И строгіе, и добрые...

ЛѢВШИНЪ (ласково).

И строгій—хозяинъ, и добрый—хозяинъ. Болѣзнь костей не разбираетъ.

ЯГОДИНЪ (скучно).

Конечно, Захаръ Ивановичъ человѣкъ съ сердцемъ...

НАДЯ.

Значитъ, лучше Скроботова, да?

ЯГОДИНЪ (тихо).

Да вѣдь директора нѣтъ ужъ...

ЛѢВШИНЪ.

Дядюшка вашъ, барышня, мужчина хорошій... Только намъ... намъ отъ красоты его не легче.

ТАТЬЯНА
(съ досадой).

Пойдемъ, Надя... Они не хотятъ понять насъ... ты видишь!

НАДЯ (тихо).

Да...

(Молча идутъ. Лѣвшинъ смотритъ вслѣдъ имъ, потомъ на Ягодина; оба улыбаются.)

ЯГОДИНЪ.

Вотъ тянутъ за душу!

ЛѢВШИНЪ.

Интересно, видишь, имъ...

ЯГОДИНЪ.

А можетъ, думаютъ, и сболтнутъ чего-нибудь

ЛѢВШИНЪ.

Барышня-то хорошая... Жаль—богатая!

ЯГОДИНЪ.

Матвѣю-то Николаевичу надо сказать... барыня, молъ, разспрашиваетъ...

ЛѢВШИНЪ.

Скажемъ.

ЯГОДИНЪ.

Какъ-то тамъ, а? Должны намъ уступить...

ЛѢВШИНЪ.

Теперь, когда его пѣтъ, что имъ дѣлать?

ЯГОДИНЪ.

Да-а... Спать хочется!

ЛѢВШИНЪ.

Потерпи... Вонъ, генералъ идетъ.

(Генералъ идетъ къ столу. Рядомъ съ нимъ почтительно шагаетъ Ологій, сзади—Конь. Ологій вдругъ подхватываетъ генерала подъ руку)

ГЕНЕРАЛЪ.

Что?

ПОЛОГІЙ.

Ямочка...

ГЕНЕРАЛЪ.

А!.. Что тутъ на столѣ? Дрянь какая-то. Это вы ѣли?

ЯГОДИНЪ.

Такъ точно... Барышня тоже съ нами кушали.

ГЕНЕРАЛЪ.

Ну, что же?.. Охраняете, а?

ЯГОДИНЪ.

Такъ точно... караулимъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Молодцы! Скажу про васъ губернатору. Васъ сколько тутъ?

ЛѢВШИНЪ.

Двое.

ГЕНЕРАЛЪ.

Дуракъ! Я умѣю считать до двухъ... Сколько всѣхъ?

ЯГОДИНЪ.

Человѣкъ тридцать.

ГЕНЕРАЛЪ.

Оружіе есть?

ЛѢВШИНЪ (Ягодину).

Тимофей, у тебя гдѣ пистолетъ?

ЯГОДИНЪ.

Вотъ онъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Не бери за дуло... чертъ! Стой, почему съ него капаетъ?

ЯГОДИНЪ.

Жирно смазали, должно быть...

ГЕНЕРАЛЪ,

Да это молоко! Что же ты его въ молокѣ мочишь? Эдакое чучело! Конь, вытри! И научи болвановъ, какъ надо держать оружіе въ рукѣ. (Лѣвшину) У тебя есть револьверъ?

ЛѢВШИНЪ.

За пазухой.

ГЕНЕРАЛЪ.

Что же, если мятежники придутъ, вы будете стрѣлять?

ЛѢВШИНЪ.

Они не придутъ, ваше превосходительство.. такъ это они: погорячились, и прошло.

ГЕНЕРАЛЪ.

А если придутъ?

ЛѢВШИНЪ.

Обидѣлись они очень... по случаю закрытія завода... Нѣкоторые дѣтей имѣютъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

Что ты мнѣ поешь? Я спрашиваю: стрѣлять будешь?

ЛѢВШИНЪ.

Да мы, ваше превосходительство, готовы... почему же не пострѣлять? Только—не умѣемъ мы... Изъ ружей бы...

ГЕНЕРАЛЪ.

Конь! иди, научи ихъ... Ступай туда, къ рѣкѣ...

КОНЬ (угрюмо).

Докладаю вашему превосходительству: ночь теперь, и произойдетъ возбужденіе, если стрѣлять. Прилѣзетъ народъ. А мнѣ—какъ желаете.

ГЕНЕРАЛЪ.

Отложить до завтра!

ЛѢВШИНЪ.

А завтра все будетъ тихо. Заводъ откроютъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Кто откроетъ?

ЛѢВШИНЪ.

Захаръ Ивановичъ. Онъ теперь насчетъ этого собссѣдуетъ съ рабочими...

ГЕНЕРАЛЪ.

Чертъ! Я бы этотъ заводъ закрылъ навсегда.—Не свисти рано утромъ!

ЯГОДИНЪ.

Попознѣе и намъ бы лучше...

ГЕНЕРАЛЪ.

А васъ всѣхъ—уморить голодомъ! Не бунтуй!

ЛѢВШИНЪ.

Да мы развѣ бунтуемъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Молчать! Вы чего тутъ торчите? Вы должны ходить вдоль забора... и, если кто полѣзетъ, стрѣлять... Я отвѣчаю!

ЛѢВШИНЪ.

Идемъ, Тимофей! Пистолетъ-то захвати.

ГЕНЕРАЛЪ

(вслѣдъ имъ).

Пистолетъ!.. Ослы зеленые! Даже оружія не могутъ правильно назвать...

ПОЛОГІЙ.

Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству: народъ вообще грубый и звѣрскій... Возьму свой случай: имѣя огородъ, собственноручно развожу въ немъ овощи...

ГЕНЕРАЛЪ.

Да. Это похвально!

ПОЛОГІЙ.

Работаю по мѣрѣ свободнаго времени...

ГЕНЕРАЛЪ.

Всѣ должны работать!

(Татьяна и Надя идутъ)

ТАТЬЯНА (издали).

Зачѣмъ вы такъ кричите?

ГЕНЕРАЛЪ.

Меня раздражаютъ. (Пологому) Ну?

ПОЛОГІЙ.

Но почти каждую ночь рабочіе похищаютъ плоды моихъ трудовъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Воруютъ?

ПОЛОГІЙ.

Именно. Ищу защиты закона, но опытъ представилъ здѣсь г. становымъ приставомъ, личностью равнодушной къ бѣдствіямъ населенія..

ТАТЬЯНА (Пологому).

Послушайте, зачѣмъ это вы говорите такимъ глупымъ языкомъ?

ПОЛОГІЙ (смущенъ).

Я? Извините!.. Но я три года учился въ гимназіи и ежедневно читаю газету...

ТАТЬЯНА (улыбаясь).

А, вотъ что...

НАДЯ.

Вы очень смѣшной, Пологій!

ПОЛОГІЙ.

Если это вамъ пріятно видѣть, я очень радъ! Человѣкъ долженъ быть пріятенъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Вы рыбу удить любите?

ПОЛОГІЙ.

Не пробовалъ, ваше превосходительство!

ГЕНЕРАЛЪ
(пожимая плечами).

Странный отвѣтъ!

ТАТЬЯНА.

Чего не пробовали—удить или любить?

ПОЛОГІЙ (сконфузился).

Первое.

ТАТЬЯНА.

А второе?

ПОЛОГІЙ.

Второе пробовалъ.

ТАТЬЯНА.

Вы женаты?

ПОЛОГІЙ.

Только мечтаю объ этомъ... Но, получая всего сорокъ рублей въ мѣсяцъ... (Быстро идутъ Николай и Клеопатра)—не могу рѣшиться.

НИКОЛАЙ (возбужденно).

Нѣчто изумительное! полный хаосъ!

КЛЕОПАТРА.

Какъ онъ смѣетъ? Какъ онъ могъ!..

ГЕНЕРАЛЪ.

Въ чемъ дѣло?

КЛЕОПАТРА (кричитъ).

Вашъ племянникъ—тряпка! Онъ согласился на всѣ требованія бунтовщиковъ... убійцъ моего мужа!

ПАДЯ (тихо).

Но развѣ всѣ они убійцы?

КЛЕОПАТРА.

Это—глумленіе надъ трупомъ... и надо мной! Открыть заводъ въ то время, когда еще не похороненъ человѣкъ, котораго мерзавцы убили именно за то, что онъ закрылъ заводъ!..

НАДЯ.

Но дядя боится, что они все сожгутъ...

КЛЕОПАТРА.

Вы ребенокъ... и должны молчать...

НИКОЛАЙ.

А рѣчь этого мальчишки!.. Явная проповѣдь соціализма...

КЛЕОПАТРА.

Какой-то конторщикъ всѣмъ распоряжается, даетъ совѣты... осмѣлился сказать, что преступленіе было вызвано самимъ покойнымъ!..

НИКОЛАЙ

(записывая что-то въ записную книжку).

Этотъ человѣкъ подозрителенъ, — онъ слишкомъ уменъ для конторщика...

ТАТЬЯНА.

Вы говорите о Синцовѣ?

НИКОЛАЙ.

Именно.

КЛЕОПАТРА.

Я чувствую, что мнѣ какъ-будто плюнули въ лицо...

ПОЛОГІЙ (Николаю).

Позвольте замѣтить, читая газеты, г. Синцовъ всегда разсуждаетъ о политикѣ и очень пристрастно относится къ властямъ...

ТАТЬЯНА (Николаю).

Вамъ это интересно слышать?

НИКОЛАЙ
(съ вызовомъ).

Да, интересно!.. Вы думаете меня смутить?

ТАТЬЯНА.

Я думаю, что г. Пологій лишній здѣсь...

ПОЛОГІЙ (смущенно).

Извините... я уйду! (Уходитъ спѣшно)

КЛЕОПАТРА.

Онъ идетъ сюда... я не хочу, не могу его видѣть! (Быстро идетъ налѣво)

ПАДЯ.

Что такое творится?

ГЕНЕРАЛЪ.

Я слишкомъ старъ для такой канители. Убиваютъ, бунтуютъ!.. Пригласивъ меня къ себѣ отдыхать, Захаръ долженъ былъ предвидѣть... и я ему скажу, что мнѣ здѣсь неудобно, да! (Появляется Захаръ; взволнованъ, но доволенъ. Видитъ Николая, смущенно останавливается, поправляетъ очки) Послушай, дорогой племянникъ... э... ты понимаешь свои поступки?

ЗАХАРЪ.

Подождите, дядя, минутку... Николай Васильевичъ!..

НИКОЛАЙ.

Да-съ...

ЗАХАРЪ.

Рабочіе были такъ возбуждены... и боясь разгрома своего завода... я удовлетворилъ ихъ требованіе не прекращать работъ. А также насчетъ Дичкова... Я поставилъ имъ условіе—выдать преступника, и они уже принялись искать его...

НИКОЛАЙ (сухо).

Они могли бы не безпокоиться объ этомъ. Мы найдемъ убійцу безъ ихъ помощи.

ЗАХАРЪ.

Мнѣ кажется, лучше, если они сами... да... Заводъ мы рѣшили открыть завтра съ полудня...

НИКОЛАЙ.

Кто это—мы?

ЗАХАРЪ.

Я...

НИКОЛАЙ.

Ага... Благодарю за сообщеніе... Однако мнѣ кажется, что послѣ смерти брата его голосъ переходитъ ко мнѣ и къ женѣ его, и, если я не ошибаюсь, вы должны были посовѣтоваться съ нами, а не рѣшать вопросъ единолично...

ЗАХАРЪ.

Но я васъ приглашалъ! Синцовъ ходилъ за вами... вы отказались...

НИКОЛАЙ.

Согласитесь, что мнѣ трудно въ день смерти брата заниматься дѣлами!

ЗАХАРЪ.

Но вѣдь вы были тамъ, на заводѣ!

НИКОЛАЙ.

Да, былъ. Слушалъ рѣчи... ну, что-жъ изъ этого?

ЗАХАРЪ.

Но поймите,—покойный, оказывается, отправилъ въ городъ телеграмму... онъ просилъ солдатъ. Отвѣтъ полученъ: солдаты придутъ завтра до полудня...

ГЕНЕРАЛЪ.

Ага! Солдаты? Вотъ это такъ! Солдаты—это не шутка!..

НИКОЛАЙ.

Мѣра разумная...

ЗАХАРЪ.

Не знаю! Придутъ солдаты... настроеніе рабочихъ повысится... И Богъ знаетъ, что можетъ случиться, если не открыть заводъ! Мнѣ кажется, я поступилъ разумно: возможность кроваваго столкновенія теперь исчезла.

НИКОЛАЙ.

У меня сложился иной взглядъ на вопросъ... Вы не должны были уступать этимъ... людямъ, хотя бы изъ уваженія къ памяти убитаго...

ЗАХАРЪ.

Ахъ, Боже мой... но вы ничего не говорите о возможной трагедіи!

НИКОЛАЙ.

Это меня не касается.

ЗАХАРЪ.

Ну, да... но я-то? Вѣдь я долженъ буду жить съ рабочими! И, если прольется ихъ кровь... Наконецъ, они могли разбить весь заводъ!

ПИКОЛАЙ.

Въ это я не вѣрю.

ГЕНЕРАЛЪ.

Я тоже!

ЗАХАРЪ (подавленъ).

Итакъ, вы осуждаете меня?

ПИКОЛАЙ.

Да, осуждаю!

ЗАХАРЪ (искренно).

Зачѣмъ... зачѣмъ вражда? Я вѣдь хочу одного—избѣжать ужаса, такъ возможнаго... я не хочу крови. Неужели неосуществимо мирное, разумное теченіе жизни?.. А вы смотрите на меня съ ненавистью; рабочіе—съ недовѣріемъ... Я же хочу добра... только добра!

ГЕНЕРАЛЪ.

Что такое—добро? Даже не слово, а буква... Глаголь, добро... А дѣлай дѣло... Какъ сказано, а?

ПАДЯ

(со слезами).

Молчи, дѣдъ!.. Дядя... успокойся... онъ не понимаетъ!.. Ахъ, Николай Васильевичъ, — какъ вы не понимаете? Вы такой умный... почему вы не вѣрите дядѣ?

НИКОЛАЙ.

Я извиняюсь, Захаръ Ивановичъ, и ухожу. Я не могу, не привыкъ вести дѣловые разговоры съ участіемъ дѣтей... (Идетъ прочь)

ЗАХАРЪ.

Вотъ, видишь, Надя...

НАДЯ

(беретъ его за руку).

Это ничего, ничего... Знаешь, главное, чтобы рабочіе были довольны... ихъ такъ много, ихъ больше, чѣмъ насъ!..

ЗАХАРЪ.

Подожди... я долженъ тебѣ сказать... я очень недоволенъ тобой, да!

ГЕНЕРАЛЪ.

Я тоже!

ЗАХАРЪ.

Ты симпатизируешь рабочимъ... это естественно въ твои годы, но не надо терять чувства мѣры, дорогая моя! Вотъ, ты утромъ привела къ столу этого Грекова... я его знаю, онъ очень развитой парень,—однако тебѣ не слѣдовало изъ-за него устраивать тетѣ сцену.

ГЕНЕРАЛЪ.

Хорошенько ее!

НАДЯ.

Но вѣдь ты не знаешь, какъ это было...

ЗАХАРЪ.

Я знаю больше тебя, повѣрь мнѣ! Народъ нашъ грубъ, онъ не культуренъ... и если протянуть ему палецъ, онъ хватаетъ всю руку...

ТАТЬЯНА (негромко).

Какъ утопающій—соломенку.

ЗАХАРЪ.

Въ немъ, мой другъ, много животной жадности, и его нужно не баловать, а воспитывать... да! Ты, пожалуйста, подумай надъ этимъ.

ГЕНЕРАЛЪ.

А теперь я скажу. Ты обращаешься со мной чертъ знаетъ какъ, дѣвчонка! Напоминаю тебѣ, что ты моей ровестницей будешь лѣтъ черезъ сорокъ... тогда я, можетъ быть, позволю тебѣ говорить со мной, какъ съ равнымъ. Поняла? Конь!

КОПЬ
(за деревьями).

Здѣсь.

ГЕНЕРАЛЪ.

Гдѣ этотъ... какъ его... штопоръ?

КОПЬ.

Какой штопоръ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Этотъ.. какъ его? Плоскій... ползучій!..

КОПЬ.

Пологій. Не знаю.

ГЕНЕРАЛЪ

(идетъ въ палатку).

Найди!

(Захаръ, опустивъ голову и вытирая платкомъ очки, ходитъ; Надя задумчиво сидитъ на стулѣ; Татьяна стоитъ наблюдая)

ТАТЬЯНА.

Извѣстно, кто убилъ?

ЗАХАРЪ.

Они говорятъ—не знаемъ, но—найдемъ... Конечно, они знаютъ... Я думаю... (Оглядываясь понижаетъ голосъ) это коллективное рѣшеніе... заговоръ! Говоря правду, онъ раздражалъ ихъ, даже издѣвался надъ ними. Въ немъ была эдакая болѣзненная особенность... онъ любилъ власть... И вотъ они... ужасно это, ужасно своей простотой! Убили человѣка, и смотрятъ такими ясными глазами, какъ бы совершенно не понимая своего преступленія... Такъ страшно просто!

НАДЯ.

Ты бы сѣлъ... а?

ЗАХАРЪ.

Зачѣмъ онъ вызвалъ солдатъ? Они объ этомъ узнали... они все знаютъ! И это ускорило его смерть.

Я, конечно, долженъ былъ открыть заводъ... въ противномъ случаѣ, я надолго испортилъ бы мои отношенія съ ними. Теперь такое время, когда къ нимъ необходимо относиться болѣе внимательно и мягко... и кто знаетъ, чѣмъ оно можетъ кончиться? Надо быть готовымъ ко многому... да! Въ такія эпохи, разумный человѣкъ долженъ имѣть друзей въ массахъ... (Лѣвшинъ идетъ въ глубинѣ сцены) Это кто идетъ?

ЛѢВШИНЪ.

Это мы ходимъ... охраняемъ.

ЗАХАРЪ.

Что, Ефимычъ, убили человѣка, а теперь вотъ стали ласковые, смирные, а?

ЛѢВШИНЪ.

Мы, Захаръ Ивановичъ, всегда такіе .. мы—смирные.

ЗАХАРЪ (внушительно).

Да. И смиренно убиваете?.. Кстати, ты, Лѣвшинъ, что-то тамъ проповѣдуешь... какое-то новое ученіе: не нужно денегъ, не нужно хозяевъ и прочее... Ты бы, мой другъ, прекратилъ это! Изъ такихъ разговоровъ ничего хорошаго для тебя не будетъ.

(Татьяна и Надя идут направо, гдѣ звучатъ голоса Синцова и Якова; из-за деревьевъ появляется Ягодинъ)

ЛѢВШИНЪ (спокойно)

Да я что говорю? Пожилъ, подумалъ, ну, и говорю...

ЗАХАРЪ.

Хозяева—не всѣ звѣри, это надо понимать... Ты видишь—я не злой человѣкъ, я всегда готовъ помочь вамъ, я желаю добра...

ЛѢВШИНЪ (вздохнувъ).

Кто себѣ зла желаетъ?

ЗАХАРЪ.

Ты пойми: я вамъ, вамъ хочу добра!

ЛѢВШИНЪ.

Мы понимаемъ.

ЗАХАРЪ

(посмотрѣвъ на него).

Нѣтъ, ты ошибаешься. Вы не понимаете. Странные вы люди! То—звѣри, то—дѣти...

(Идетъ прочь. ЛѢВШИНЪ, опираясь руками на палку, смотритъ вслѣдъ ему)

ЯГОДИНЪ.

Опять проповѣдь читалъ?

ЛѢВШИНЪ.

Китаецъ... Совсѣмъ китаецъ... Что говоритъ? Вѣдь ничего не можетъ понять...

ЯГОДИНЪ.

Добра, говоритъ, хочу.

ЛѢВШИНЪ.

Вотъ.

ЯГОДИНЪ.

Идемъ... а то вонъ они!..

(Идутъ въ глубину сцены. Справа Татьяна, Надя, Яковъ, Синцовъ)

НАДЯ.

Кружимся мы всѣ, ходимъ.. точно во снѣ.

ТАТЬЯНА.

Хотите закусить, Матвѣй Николаевичъ?

СИНЦОВЪ.

Дайте лучше стаканъ чаю.. Я сегодня говорилъ, говорилъ... даже горло болитъ!

НАДЯ.

Вы ничего не боитесь?

СИНЦОВЪ
(садясь за столъ).

Я? Ничего!

ПАДЯ.

А мнѣ страшно!.. Вдругъ все какъ-то спуталось, и я ужъ и не понимаю... гдѣ хорошіе люди, гдѣ—дурные?

СИНЦОВЪ (улыбаясь).

Распутается. Вы только не бойтесь думать... думайте безстрашно, до конца!.. Вообще—бояться нечего.

ТАТЬЯНА.

Вы полагаете—все успокоилось?

СИНЦОВЪ.

Да. Рабочіе рѣдко побѣждаютъ, и даже маленькія побѣды даютъ имъ большое удовлетвореніе...

ПАДЯ.

Вы ихъ любите?

СИНЦОВЪ.

Это не то слово. Я съ ними долго жилъ, знаю ихъ, вижу ихъ силу... вѣрю въ ихъ разумъ...

ТАТЬЯНА.

И въ то, что имъ принадлежитъ будущее?

СИНЦОВЪ.

И въ это.

ЯКОВЪ.

Будущее... Вотъ штука, которой я не могу себѣ представить.

ТАТЬЯНА (усмѣхаясь).

Они очень хитрые, эти ваши пролетаріи! Вотъ мы съ Надей пробовали говорить съ ними... вышло глупо...

НАДЯ.

Обидно. Старикъ говорилъ такъ, точно мы обѣ—какіе-то нехорошіе люди... шпіоны, что ли! Тутъ есть другой... Грековъ... онъ иначе смотритъ на людей. А старикъ все улыбается... и—такъ, точно ему жалко насъ, точно мы больныя!..

ТАТЬЯНА.

Не пей ты такъ много, Яковъ! Непріятно смотрѣть.

ЯКОВЪ.

Что-жъ мнѣ дѣлать? Спрашиваю объ этомъ всѣхъ...

СИНЦОВЪ.

Развѣ ужъ нечего?

ЯКОВЪ.

Не хочется... Питаю отвращеніе... непобѣдимое отвращеніе къ дѣловитости и къ дѣламъ. Я, видите ли, человѣкъ третьей группы...

СИНЦОВЪ.

Какъ?

ЯКОВЪ.

Такъ ужъ! Люди дѣлятся на три группы: одни—всю жизнь работаютъ, другіе—копятъ деньги, а третьи—

пе хотятъ работать для хлѣба,—это же безсмысленно!— и не могутъ копить денегъ,—это и глупо, и неловко какъ-то. Такъ вотъ я—изъ третьей группы. Къ ней принадлежатъ всѣ лѣнтяи, бродяги, монахи, нищіе и другіе приживалы міра сего.

НАДЯ.

Скучно ты говоришь, дядя! И совсѣмъ ты не такой, а, просто, ты добрый и мягкій.

ЯКОВЪ.

То есть никуда не гожусь. Я это понялъ еще въ школѣ. Люди уже въ юности дѣлятся на три группы...

ТАТЬЯНА.

Надя вѣрно сказала, это скучно, Яковъ...

ЯКОВЪ.

Согласенъ. Матвѣй Николаевичъ, какъ вы думаете, жизнь имѣетъ лицо?

СПИЦОВЪ.

Можетъ быть...

ЯКОВЪ.

Имѣетъ. Оно всегда—молодое. Не такъ давно жизнь смотрѣла на меня равнодушно, а теперь смотритъ строго и спрашиваетъ... спрашиваетъ: „вы кто такой? Вы куда идете, а?"

(Онъ испуганъ чѣмъ то, хочетъ улыбнуться, но губы у него дрожатъ, не слушаются, лицо искажаетъ жалкая и страшная гримаса)

ТАТЬЯНА.

Ты оставь это, пожалуйста, Яковъ!.. Вонъ прокуроръ гуляетъ... мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ты при немъ говорилъ.

ЯКОВЪ.

Хорошо.

НАДЯ (тихо).

Всѣмъ—грустно. Всѣ чего-то ждутъ... и боятся. Почему мнѣ запрещаютъ знакомиться съ рабочими? Это глупо!

НИКОЛАЙ (подходитъ).

Могу я попросить стаканъ чая?

ТАТЬЯНА.

Пожалуйста.

(Нѣсколько секундъ всѣ сидятъ молча Николай стоитъ, размѣшивая ложкой чай)

НАДЯ.

Я хотѣла бы понять, почему рабочіе не вѣрятъ дядѣ и вообще...

НИКОЛАЙ (угрюмо).

Они вѣрятъ только тѣмъ, которые обращаются къ нимъ съ рѣчами на тему—„пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“... въ это они вѣрятъ!

НАДЯ

(поводя плечами, тихо).

Когда я слышу эти слова... этотъ всемірный созывъ... мнѣ кажется, что всѣ мы на землѣ—лишніе...

НИКОЛАЙ (возбуждаясь).

Конечно. Такъ долженъ себя чувствовать каждый культурный человѣкъ... И скоро, я увѣренъ, на землѣ раздастся другой кличъ: „культурные люди всѣхъ странъ, соединяйтесь“! Пора кричать это, пора! Идетъ варваръ, чтобы растоптать плоды тысячелѣтнихъ трудовъ человѣчества. Онъ идетъ, движимый жадностью...

ЯКОВЪ.

А душа у него въ животѣ, въ голодномъ животѣ... Картина, возбуждающая жажду. (Наливаетъ себѣ пива)

НИКОЛАЙ.

Идетъ толпа, движимая жадностью, организованная единствомъ своего желанія—жрать!

ТАТЬЯНА (задумчиво).

Толпа... Всюду толпа: въ театрѣ, въ церкви... Я не понимаю жизнь... но тутъ что-то не такъ!

НИКОЛАЙ.

Такъ! Что могутъ внести съ собой эти люди? Ничего, кромѣ разрушенія... И, замѣтьте, у насъ это разрушеніе будетъ ужаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо...

ТАТЬЯНА.

Когда я слышу о рабочихъ, какъ о передовыхъ людяхъ, мнѣ это странно! Это далеко отъ моего пониманія...

НИКОЛАЙ.

А вы, г. Синцовъ... вы, конечно, несогласны съ нами?..

СИНЦОВЪ (спокойно).

Нѣтъ.

НАДЯ.

Помнишь, тетя Таня, старикъ говорилъ о копейкѣ? Это ужасно просто.

НИКОЛАЙ.

Почему же вы несогласны, г. Синцовъ?

СИНЦОВЪ.

Иначе думаю.

НИКОЛАЙ.

Вполнѣ резонный отвѣтъ! Но, быть можетъ, вы подѣлитесь съ нами вашими взглядами?

СИНЦОВЪ.

Нѣтъ, мнѣ не хочется.

НИКОЛАЙ.

Крайне сожалѣю! Утѣшаюсь надеждой, что, когда мы встрѣтимся съ вами еще разъ, ваше настроеніе измѣнится. Яковъ Ивановичъ, если можно, я попрошу васъ... проводите меня! Я до такой степени разстроилъ нервы...

ЯКОВЪ

(вставая съ трудомъ).

Пожалуйста. Пожалуйста...

(Идутъ)

ТАТЬЯНА.

Этотъ прокуроръ противная фигура. Мнѣ непріятно соглашаться съ нимъ.

НАДЯ (встала).

Почему же ты соглашаешься?

СИНЦОВЪ (усмѣхаясь).

Почему, Татьяна Павловна?

ТАТЬЯНА.

Я сама чувствую такъ же...

НАДЯ (ходитъ).

Онъ давечь обидѣлъ меня и хоть бы извинился.

СИНЦОВЪ (Татьянѣ).

Вы думаете такъ, но чувствуете иначе, чѣмъ онъ. Вы хотите понять, онъ объ этомъ не заботится... ему понимать не нужно!

ТАТЬЯНА.

Онъ мнѣ жалокъ почему-то. Вѣроятно, онъ очень жестокъ.

СИНЦОВЪ.

Да. Тамъ, въ городѣ, онъ ведетъ политическія дѣла и отвратительно относится къ арестованнымъ.

ТАТЬЯНА.

Кстати, онъ что-то записывалъ себѣ въ книжку о васъ.

СИНЦОВЪ

(съ улыбкой).

Вѣроятно, записывалъ. Бесѣдуетъ съ Пологимъ... вообще — работаетъ!.. Татьяна Павловна, у меня къ вамъ есть просьба...

ТАТЬЯНА.

Пожалуйста... повѣрьте, если я могу, я сдѣлаю съ удовольствіемъ..

СИНЦОВЪ.

Спасибо. Вѣроятно, вызваны жандармы...

ТАТЬЯНА.

Да, вызваны.

СИНЦОВЪ.

Разумѣется! Значитъ, будутъ обыски... Вы не поможете мнѣ кое-что спрятать?

ТАТЬЯНА.

Вы думаете, у васъ будетъ обыскъ?

СИНЦОВЪ.

Навѣрное.

ТАТЬЯНА.

И могутъ арестовать?

СИНЦОВЪ.

Не думаю. За что?.. Говорилъ рѣчи? Но Захаръ Ивановичъ знаетъ, что я въ этихъ рѣчахъ призывалъ рабочихъ къ порядку...

ТАТЬЯНА.

А въ прошломъ у васъ... ничего?

СИНЦОВЪ

У меня нѣтъ прошлаго... Такъ вотъ, поможете вы мнѣ? Я не безпокоилъ бы васъ... но я думаю, что всѣ, кто могъ бы спрятать эти вещи, завтра будутъ обысканы. За этотъ день страсти такъ сильно разыгрались, что всѣ разумные люди должны были выступать впередъ, угашая ихъ... (Смѣется тихонько)

ТАТЬЯНА (смущена).

Я буду говорить открыто... Мое положеніе въ домѣ не позволяетъ мнѣ смотрѣть на комнату, отведенную мнѣ, какъ на мою...

СИНЦОВЪ.

Не можете, значитъ. Ну, что-жъ...

ТАТЬЯНА.

Не обижайтесь на меня!

СИНЦОВЪ.

О, нѣтъ! Вашъ отказъ понятенъ...

ТАТЬЯНА.

Но, подождите, я поговорю съ Надей...

(Идетъ. Синцовъ барабанитъ пальцами по столу, глядя вслѣдъ ей. Слышны осторожные шаги)

СИНЦОВЪ (тихо).

Кто это?

ГРЕКОВЪ.

Я. Вы одни?

СИНЦОВЪ.

Да. Тамъ ходятъ люди... Что на заводѣ?

ГРЕКОВЪ (усмѣхаясь).

Противно! Очень. Вы знаете, они рѣшили найти стрѣлявшаго. Теперь тамъ производятъ слѣдствіе. Нѣкоторые кричатъ: „соціалисты убили“! Вообще, запѣла шкура свою скверную пѣсню.

СИНЦОВЪ.

Вы знаете—кто?

ГРЕКОВЪ.

Якимовъ.

СИНЦОВЪ.

Неужели? Ахъ... не ожидалъ!—Такой славный, разумный парень... это странно!

ГРЕКОВЪ.

Горячъ онъ. Хочетъ заявить... У него жена, ребенокъ... Ждутъ другого... Сейчасъ я говорилъ съ Лѣвшинымъ. Онъ, конечно, сочиняетъ фантазіи: надо, говоритъ, подмѣнить Якимова кѣмъ-нибудь помельче...

СИНЦОВЪ.

Чудакъ... Но какъ это грустно и досадно! (Пауза) Вотъ что, Грековъ, зарывайте все въ землю... Спрятать негдѣ.

ГРЕКОВЪ.

Я нашелъ мѣсто. Телеграфистъ согласился все взять. Вамъ бы, Матвѣй Николаевичъ, уйти отсюда?

СИНЦОВЪ.

Нѣтъ, я не уйду.

ГРЕКОВЪ.

Арестуютъ васъ.

СИНЦОВЪ.

Ну, что-жъ! А если я уйду, это произведетъ скверное впечатлѣніе на рабочихъ. Ясно, что лучше...

ГРЕКОВЪ.

Это—такъ... Но жалко васъ.

СИНЦОВЪ.

А мнѣ вотъ Якимова жалко.

ГРЕКОВЪ.

Да. И ничѣмъ не поможешь!.. Хочетъ заявить... Ну, до свиданія! А смѣшно на васъ смотрѣть въ роли начальника охраны хозяйской собственности!

СИНЦОВЪ (улыбаясь).

Что подѣлаешь?.. Команда моя, кажется, спитъ?

ГРЕКОВЪ.

Нѣтъ. Собрались кучками, разсуждаютъ. Хорошая ночь! Ну, пока до свиданія!

СИНЦОВЪ.

Я бы тоже ушелъ отсюда... да вотъ жду... Васъ, навѣрное, тоже арестуютъ.

ГРЕКОВЪ.

Посидимъ! Иду. (Уходитъ)

СИНЦОВЪ.

До свиданія! (Татьяна идетъ) Не трудитесь, Татьяна Павловна, все устроилось. До свиданія!

ТАТЬЯНА.

Мнѣ, право, очень грустно!

СИНЦОВЪ.

Доброй ночи!

(Уходитъ. Татьяна тихо шагаетъ, глядя на носки своихъ сапогъ. Идетъ Яковъ)

ЯКОВЪ.

Почему ты не идешь спать?

ТАТЬЯНА.

Не хочу. Я думаю уѣхать отсюда...

ЯКОВЪ.

Да. А вотъ мнѣ—некуда ѣхать... я проѣхалъ уже мимо всѣхъ континентовъ и острововъ.

ТАТЬЯНА.

Здѣсь тяжело. Все качается и странно кружитъ голову. Приходится лгать, а я этого не люблю.

ЯКОВЪ.

Гм... Ты этого не любишь... къ сожалѣнію для меня... къ сожалѣнію...

ТАТЬЯНА

(говоритъ сама себѣ).

Но сейчасъ—я солгала. Зачѣмъ? Я же сама предложила поговорить съ Надей... Она, конечно, согласилась бы спрятать эти вещи... но я не имѣю права толкать ее на такую дорогу. Они не очень церемонятся съ людьми...

ЯКОВЪ.

О комъ ты говоришь?

ТАТЬЯНА.

Я? О Синцовѣ... Какъ это странно все... еще недавно жизнь была ясна, желанія опредѣленны...

ЯКОВЪ (тихо).

Талантливые пьяницы, красивые бездѣльники и прочіе веселыхъ спеціальностей люди, увы, перестали обращать на себя вниманіе!.. Пока мы стояли внѣ скучной суеты, нами любовались... Но суета становится все болѣе драматической... Кто-то кричитъ: „эй, комики и забавники, прочь со сцены!...“ Но сцена—это уже твоя область, Таня!

ТАТЬЯНА (безпокойно).

Моя область?.. Я думала, что я стою на сценѣ твердо... что могу вырости высоко... (Съ тоской и силой) Мнѣ тяжело, мнѣ неловко передъ людьми, которые смотрятъ на меня холодными глазами и молча говорятъ: „мы это знаемъ. Это старо и скучно намъ!“ Я чувствую себя слабой, безоружной передъ ними... я не могу взять ихъ, не могу возбудить!.. Я хочу дрожать отъ страха, отъ радости, я хочу говорить слова, полныя огня, страсти, гнѣва... слова, острыя, какъ ножи, горящія, точно факелы... я хочу бросить ихъ людямъ множество, бросить щедро, страшно!.. Пусть люди вспыхнутъ, закричатъ, бросятся бѣжать... Я останавливаю ихъ и снова бросаю имъ слова, прекрасныя, какъ цвѣты, полныя надежды, радости, любви!.. Всѣ плачутъ... и я тоже... такими хорошими слезами плачу!.. Мнѣ апплодируютъ, цвѣты меня душатъ... меня несутъ на рукахъ... На минуту я владыка людей... въ этой минутѣ жизнь... вся жизнь въ одной минутѣ.

ЯКОВЪ.

Да, я это знаю... Мы всѣ умѣемъ жить только минутами...

ТАТЬЯНА.

Все лучшее всегда въ одной минутѣ. Какъ хочется другихъ людей—болѣе отзывчивыхъ, менѣе осторожныхъ!—другой жизни, не такой суетливой... жизни, въ которой искусство было бы всегда необходимо... всѣмъ и всегда! Чтобы я не была лишней... (Яковъ смотритъ во тьму, широко открывъ глаза) Что съ тобой? Зачѣмъ ты такъ пьешь? Это убило тебя... Ты былъ красивъ... былъ красивъ изнутри...

ЯКОВЪ.

Оставь...

ТАТЬЯНА.

Ты чувствуешь, какъ мнѣ тяжело?

ЯКОВЪ

(съ ужасомъ).

Какъ бы я ни былъ пьянъ, я все понимаю... вотъ несчастье! Мозгъ съ проклятой настойчивостью работаетъ, работаетъ... всегда! И передо мною—морда, широкая, неумытая морда съ огромными глазами, которые спрашиваютъ: „ну“? Понимаешь, она спрашиваетъ только одно слово: „ну?“

ПОЛИНА (бѣжитъ).

Таня!.. Таня, прошу тебя, иди туда... Эта Клеопатра... она сошла съ ума! Она всѣхъ оскорбляетъ... Ты, можетъ быть, успокоишь ее.

ТАТЬЯНА (тоскливо).

Ахъ, да отстаньте вы отъ меня съ вашими дрязгами!.. Съѣшьте скорѣе другъ друга, но не мечитесь, не путайтесь подъ ногами у людей!

ПОЛИНА (испугалась).

Таня!.. что ты? что съ тобой?

ТАТЬЯНА.

Я васъ не понимаю! Чего вамъ нужно? Чего вы хотите? Что безпокоитъ васъ?

ПОЛИНА.

Да ты пойди, посмотри на нее... она идетъ сюда!

ЗАХАРЪ
(его еще не видно).

Я васъ прошу—замолчите, наконецъ!

КЛЕОПАТРА (также).

Вы... это вы должны молчать передо мной!..

ПОЛИНА.

Она будетъ кричать здѣсь... тутъ ходятъ мужики... это ужасно. Таня, я прошу тебя...

ЗАХАРЪ (идетъ).

Послушайте... я, кажется, съума сойду!

КЛЕОПАТРА

(идетъ за нимъ).

Вы отъ меня не убѣжите, я васъ заставлю выслушать меня!.. А, вы заигрывали съ рабочими, вамъ нужно ихъ уваженіе, и вы бросаете имъ жизнь человѣка, точно кусокъ мяса злымъ собакамъ! Вы гуманисты за чужой счетъ, за чужую кровь!

ЗАХАРЪ.

Что она говоритъ?

КЛЕОПАТРА.

Правду, предатели!..

ЯКОВЪ (Татьянѣ)

Ну, я этого не люблю. (Уходитъ)

ПОЛИНА.

Сударыня! Мы порядочные люди и не можемъ позволить кричать на насъ женщинѣ съ такой репутаціей...

ЗАХАРЪ (испуганно).

Молчи, Полина... ради Бога!

КЛЕОПАТРА.

Почему вы порядочные люди? Потому что болтаете о политикѣ? о несчастіяхъ народа? о прогрессѣ и гуманности, да?

ТАТЬЯНА.

Клеопатра Петровна!.. довольно!

КЛЕОПАТРА.

Я не говорю съ вами, нѣтъ! Вы здѣсь лишняя, это не ваше дѣло!.. Мой мужъ былъ честный человѣкъ... прямой и честный... Онъ зналъ народъ лучше васъ... Онъ не болталъ, какъ вы... А вы вашими подлыми глупостями предали, убили его!..

ТАТЬЯНА
(Полинѣ и Захару).

Да уйдите вы!

КЛЕОПАТРА.

Я сама уйду... Вы ненавистны мнѣ... всѣ ненавистны! (Уходитъ)

ЗАХАРЪ.

Вотъ, бѣшеная баба... а?

ПОЛИНА
(со слезами).

Нужно бросить все... нужно уѣхать! Такъ оскорблять людей...

ЗАХАРЪ.

И почему она такъ?.. Если бы она любила мужа, жила съ нимъ въ мирѣ... А то мѣняетъ каждый годъ по два любовника... и въ то же время—кричитъ!

ПОЛИНА.

Нужно продать заводъ!

ЗАХАРЪ
(съ досадой).

Бросить, продать... это не такъ, не то! Надо подумать... надо хорошенько подумать!.. Вотъ я сейчасъ говорилъ съ Николаемъ Васильевичемъ... эта баба ворвалась и помѣшала намъ...

ПОЛИНА.

Онъ ненавидитъ насъ, Николай Васильевичъ... онъ золъ!

ЗАХАРЪ (успокаиваясь).

Онъ слишкомъ озлобленъ и потрясенъ, но онъ умный человѣкъ и у него нѣтъ причинъ ненавидѣть насъ. Его связываютъ со мной теперь, послѣ смерти Михаила, вполнѣ реальные интересы... да!

ПОЛИНА.

Я ему не вѣрю, я боюсь его... онъ тебя обманетъ!

ЗАХАРЪ.

Ахъ, Полина, это все пустяки!.. Онъ очень разумно судитъ... да! Каждая высота, говоритъ онъ, открываетъ строго опредѣленный горизонтъ... Гм... да! Это—ясно! И если я, желая видѣть больше, чѣмъ это физически возможно, буду тянуться выше, я упаду или буду смѣшенъ... Здѣсь есть правда!.. Дѣло въ томъ, что въ моихъ отношеніяхъ съ рабочими я выбралъ шаткую

позицію... въ этомъ надо сознаться. Вечеромъ, когда я говорилъ съ ними... о, Полина, эти люди слишкомъ враждебно настроены, они слишкомъ остро смотрятъ...

ПОЛИНА.

Я говорила тебѣ... говорила! Они всегда—враги! (Татьяна идетъ прочь и тихо смѣется. Полина глядитъ на нее и, нарочно повышая голосъ, продолжаетъ) Намъ всѣ враги! Всѣ завидуютъ... и потому бросаются на насъ!..

ЗАХАРЪ
(быстро ходитъ).

Ну, да... отчасти такъ, конечно! Николай Васильевичъ говоритъ: не борьба классовъ, а борьба расъ—бѣлой и черной!.. Это, разумѣется, грубо, это натяжка... но, если подумать, что мы, культурные люди, мы создали науки, искусства и прочее... Равенство... физіологическое равенство... гм... да! Хорошо. Но сначала, будьте людьми, пріобщитесь культурѣ... потомъ будемъ говорить о равенствѣ!..

ПОЛИНА (вслушиваясь).

Я не понимаю, что ты говоришь... Это новое у тебя...

ЗАХАРЪ.

Все это схематично, недодумано... это напоръ мыслей... но въ этомъ есть нѣчто цѣнное! Надо понять себя, вотъ въ чемъ дѣло!..

ПОЛИНА
(беретъ его за руку).

Ты слишкомъ мягокъ, мой другъ, вотъ отчего тебѣ такъ трудно!

ЗАХАРЪ.

Мы мало знаемъ и часто удивляемся... Вотъ, напримѣръ, Синцовъ: онъ удивилъ меня, расположилъ меня къ себѣ... такая простота, такая ясная логика!.. Оказывается, онъ соціалистъ, вотъ откуда простота и логика!..

ПОЛИНА.

Да, да... онъ обращаетъ на себя вниманіе... такое непріятное лицо!.. Но ты отдохнулъ бы... пойдемъ, а?

ЗАХАРЪ

(идетъ за ней).

И еще одинъ рабочій, Грековъ... ужасно заносчивъ! Сейчасъ намъ съ Николаемъ Васильевичемъ вспомнилась его рѣчь... Мальчишка... но такъ говоритъ... съ такимъ нахальствомъ...

(Ушли. Тишина. Гдѣ-то поютъ пѣсню. Потомъ раздаются тихіе голоса. Появляются Ягодинъ, Лѣвшинъ и Рябцовъ, молодой парень. Онъ часто встряхиваетъ головой; лицо добродушное, круглое. Всѣ трое останавливаются у деревьевъ)

ЛѢВШИНЪ

(тихо, таинственно).

Тутъ, Пашокъ, дѣло товарищеское.

РЯБЦОВЪ.

Знаю я...

ЛѢВШИНЪ.

Дѣло общее, человѣческое... Теперь, братъ, всякая хорошая душа большую цѣну имѣетъ. Поднимается

народъ разумомъ, слушаетъ, читаетъ, думаетъ... Люди, которые кое-что поняли, дороги...

ЯГОДИНЪ.

Это вѣрно, Пашокъ...

РЯБЦОВЪ.

Знаю... Чего же? Я пойду.

ЛѢВШИНЪ.

Зря никуда идти не надо, надо понять... Ты молодой, а это каторга...

РЯБЦОВЪ.

Ничего. Я убѣгу...

ЯГОДИНЪ.

Можетъ, и не каторга! Для каторги тебѣ, Пашокъ, года не вышли...

ЛѢВШИНЪ.

Будемъ говорить—каторга! Въ этомъ дѣлѣ страшное—лучше. Ежели человѣкъ и каторги не боится, значитъ, рѣшилъ твердо!

РЯБЦОВЪ.

Я рѣшилъ.

ЯГОДИНЪ.

Погоди. Подумай...

РЯБЦОВЪ.

Чего же думать? Убили, такъ кто-нибудь долженъ терпѣть за это...

ЛѢВШИНЪ.

Вѣрно! Долженъ. Мы по чести—вашего вышибли, нашимъ платимъ! А ежели одному не пойти, многихъ потревожатъ. Потревожатъ лучшихъ, которые дороже тебя, Пашокъ, для товарищескаго дѣла.

РЯБЦОВЪ.

Да вѣдь я ничего не говорю. Хоть молодой, а я понимаю,—намъ надо цѣпью... крѣпче другъ за друга...

ЛѢВШИНЪ (вздохнувъ).

Вѣрно. Мы, братъ, одни на землѣ...

ЯГОДИНЪ (улыбаясь).

Соединимся, окружимъ, тиснемъ и готово.

РЯБЦОВЪ.

Ладно. Я ужъ кончилъ это. Чего же? Я одинъ, мнѣ и слѣдуетъ. Только противно, что за такую кровь...

ЛѢВШИНЪ.

За товарищей, а не за кровь.

РЯБЦОВЪ.

Нѣтъ, я про то, что человѣкъ онъ былъ ненавистный... Злой очень...

ЛѢВШИНЪ.

Злого и убить. Добрый самъ помретъ, онъ людямъ не помѣха.

РЯБЦОВЪ.

Ну, все?

ЯГОДИНЪ.

Все, Пашокъ! Такъ, значитъ, завтра утромъ скажешь...

РЯБЦОВЪ.

Да чего же до завтра-то? Я говорю: я иду!

ЛѢВШИНЪ.

Нѣтъ, ты лучше завтра скажи! Ночь, какъ мать, она добрая совѣтчица...

РЯБЦОВЪ.

Ну, ладно... Я пойду теперь?

ЛѢВШИНЪ.

Съ Богомъ!

ЯГОДИНЪ.

Иди, братъ, иди твердо...

(Рябцовъ уходитъ не спѣша. Ягодинъ вертитъ палку въ рукахъ, разсматривая ее. Лѣвшинъ смотритъ въ небо)

ЛѢВШИНЪ (тихо).

Хорошій народъ рости началъ, Тимофей!

ЯГОДИНЪ.

По погодѣ и чеснокъ...

ЛѢВШИНЪ.

Эдакъ-то пойдетъ, выправимся мы.

ЯГОДИНЪ (грустно).

Жалко парня-то...

ЛѢВШИНЪ (тихо).

Какъ не жалко! И мнѣ жалко. Душа милая такая, а вотъ иди-ка въ тюрьму, да еще по нехорошему дѣлу. Одно ему утѣшеніе: за товарищей пропалъ.

ЯГОДИНЪ.

Да-а... Жалко...

ЛѢВШИНЪ.

Ты... молчи ужъ!.. Эхъ, напрасно Андрей курокъ спустилъ! Что сдѣлаешь убійствомъ? Ничего не сдѣлаешь! Одного пса убить—хозяину другого купить... вотъ и вся сказка!

ЯГОДИНЪ (грустно).

Сколько нашего брата погибаетъ...

ЛѢВШИНЪ.

Идемъ, караульный, хозяйское добро сторожить! (Идутъ) О, Господи!..

ЯГОДИНЪ.

Чего ты?

ЛѢВШИНЪ.

Тяжело! Скорѣе бы распутать жизнь-то!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая комната въ домѣ Бардиныхъ. Въ задней стѣнѣ четыре окна и дверь, выходящія на террасу; за стеклами видны солдаты, жандармы, группа рабочихъ, среди нихъ Лѣвшинъ, Грековъ. Комната имѣетъ нежилой видъ: мебели мало, она стара, разнообразна, на стѣнахъ отклеились обои. У правой стѣны поставленъ большой столъ. Конь сердито двигаетъ стульями, разставляя ихъ вокругъ стола. Аграфена мететъ полъ. Въ лѣвой стѣнѣ большая, двухстворчатая дверь, въ правой тоже.

АГРАФЕНА.

На меня сердиться не за что...

КОНЬ.

Я не сержусь. Мнѣ наплевать на всѣхъ... Я, слава Богу, умру скоро... У меня ужъ сердце останавливается.

АГРАФЕНА.

Всѣ умремъ... хвастаться нечѣмъ...

КОНЬ.

Будетъ ужъ... омерзѣло все! Въ шестьдесятъ пять лѣтъ пакости какъ орѣхи... зубовъ у меня нѣтъ заниматься ими... Нахватали народу... мочатъ его на дождѣ...

(Изъ лѣвой двери выходятъ ротмистръ Бобоѣдовъ и Николай)

БОБОЪДОВЪ (весело).

Вотъ и залъ засѣданія, чудесно! Такъ, значитъ, вы при исполненіи служебныхъ обязанностей?

БОБОѢДОВЪ.

А, этотъ нашъ собесѣдникъ! Ну, разумѣется, мы его пристроимъ...

(Николай идетъ къ столу и аккуратно раскладываетъ на немъ бумаги)

КЛЕОПАТРА

(въ дверяхъ направо).

Ротмистръ, хотите еще чаю?

БОБОѢДОВЪ.

Благодарю васъ, пожалуйста! Красиво здѣсь... очень! Чудесная мѣстность!.. А вѣдь я г. Луговую знаю! Какъ же,—она въ Воронежѣ играла?

КЛЕОПАТРА.

Да, кажется, играла... Ну, а что ваши обыски, нашли вы что-нибудь?

БОБОѢДОВЪ (любезно).

Все, все нашли! Мы найдемъ, не безпокойтесь! Для насъ даже тамъ гдѣ ничего нѣтъ, всегда что-нибудь есть...

КЛЕОПАТРА.

Я очень рада... очень! Покойникъ смотрѣлъ легко на всѣ эти прокламаціи... онъ говорилъ, что бумага не дѣлаетъ революціи...

БОБОѢДОВЪ.

Гм... Это не совсѣмъ вѣрно!

КЛЕОПАТРА.

И называлъ прокламаціи—предписанія, исходящія изъ тайной канцеляріи явныхъ идіотовъ къ дуракамъ.

БОБОѢДОВЪ (смѣясь).

Это мѣтко... хотя тоже невѣрно!

КЛЕОПАТРА.

Но вотъ они отъ бумажекъ перешли къ дѣлу.

БОБОѢДОВЪ.

Вы будьте увѣрены, что они понесутъ строжайшее наказаніе, строжайшее!

КЛЕОПАТРА.

Это меня очень утѣшаетъ. При васъ мнѣ сразу стало какъ-то легче... свободнѣе!

БОБОѢДОВЪ.

Наша обязанность вносить въ общество бодрость...

КЛЕОПАТРА.

И такъ отрадно видѣть довольнаго, здороваго человѣка... вѣдь это рѣдкость!

БОБОѢДОВЪ.

О, у насъ, въ корпусѣ жандармовъ, мужчины на подборъ!

КЛЕОПАТРА.

Пойдемте же къ столу!..

БОБОѢДОВЪ (идетъ).

Съ удовольствіемъ! А, скажите, въ этотъ сезонъ, гдѣ будетъ играть г. Луговая?

(Съ террасы входятъ Татьяна и Надя)

НАДЯ (взволнованно).

Ты видѣла, какъ посмотрѣлъ на насъ старикъ... Ефимычъ?

ТАТЬЯНА.

Видѣла.

НАДЯ.

Какъ это все нехорошо... какъ стыдно! Николай Васильевичъ, зачѣмъ это? За что ихъ арестовали?

НИКОЛАЙ (сухо).

Причинъ для арестовъ болѣе, чѣмъ достаточно... вы не безпокойтесь! И, попрошу васъ, не ходите черезъ террасу, пока тамъ эти...

НАДЯ.

Не будемъ .. не будемъ...

ТАТЬЯНА

(смотритъ на Николая).

И Синцовъ арестованъ?

НИКОЛАЙ.

И г. Синцовъ арестованъ.

НАДЯ

(ходитъ по комнатѣ).

Семнадцать человѣкъ! Тамъ, у воротъ, плачутъ жены... а солдаты толкаютъ ихъ, смѣются! Скажите солдатамъ, чтобы они хоть вели себя прилично!

НИКОЛАЙ.

Это меня не касается. Солдатами командуетъ поручикъ Стрепетовъ.

НАДЯ.

Пойду попрошу его...

(Уходитъ въ дверь направо. Татьяна улыбаясь подошла къ столу)

ТАТЬЯНА.

Послушайте, кладбище законовъ, какъ васъ называетъ генералъ...

НИКОЛАЙ.

Генералъ не кажется мнѣ остроумнымъ человѣкомъ. Я бы не повторялъ его остротъ.

ТАТЬЯНА.

Я ошиблась, онъ называетъ васъ—гробъ законовъ. Васъ это сердитъ?

НИКОЛАЙ.

Просто, я не расположенъ шутить.

ТАТЬЯНА.

Будто вы такой серьезный?..

НИКОЛАЙ.

Напомню вамъ—вчера убили моего брата.

ТАТЬЯНА.

Да вамъ-то что до этого?

НИКОЛАЙ.

Позвольте... какъ?

ТАТЬЯНА (усмѣхаясь).

Не надо никакихъ ужимокъ! Вамъ не жалко брата... Дайте мнѣ руку и будемъ ходить... такъ. Вамъ никого не жалко... вотъ, какъ мнѣ, напримѣръ. Смерть, т. е. неожиданность смерти, на всѣхъ скверно дѣйствуетъ... но, увѣряю васъ,—вамъ ни одной минуты не было жалко брата настоящей, человѣческой жалостью... нѣтъ ея у васъ!

НИКОЛАЙ
(съ усиліемъ).

Это интересно. Но, что вы хотите отъ меня?

ТАТЬЯНА.

Вы не замѣчаете, что мы съ вами родственныя души? Нѣтъ? Напрасно! Я актриса, человѣкъ холодный, же-

лающій всегда только одного—играть хорошую роль. Вы тоже хотите играть хорошую роль и тоже бездушное существо. Скажите, вамъ хочется быть прокуроромъ, а?

НИКОЛАЙ (негромко).

Я хочу, чтобы вы кончили это...

ТАТЬЯНА

(помолчавъ смѣется).

Нѣтъ, я не способна къ дипломатіи. Я шла къ вамъ съ цѣлью... я хотѣла быть любезной съ вами, обворожительной... Но увидала васъ и начала говорить дерзости... Вы всегда вызываете у меня желаніе наговорить вамъ обидныхъ словъ... ходите вы или сидите, говорите или молча осуждаете людей... Да, я хотѣла васъ просить...

НИКОЛАЙ (усмѣхаясь).

Догадываюсь о чемъ!

ТАТЬЯНА.

Можетъ быть. Но теперь это уже безполезно, да?

НИКОЛАЙ.

Теперь и раньше—все равно. Г. Синцовъ скомпрометированъ очень сильно.

ТАТЬЯНА.

Вы чувствуете маленькое удовольствіе, говоря мнѣ это? Такъ?

НИКОЛАЙ.

Да... не скрою.

ТАТЬЯНА (вздохнувъ).

Вотъ, видите, какъ мы похожи другъ на друга. Я тоже очень мелочная и злая... Скажите, Синцовъ всецѣло въ вашихъ рукахъ... именно въ вашихъ?

НИКОЛАЙ.

Конечно!

ТАТЬЯНА.

А если я попрошу васъ оставить его?

НИКОЛАЙ.

Это не будетъ имѣть успѣха.

ТАТЬЯНА.

Даже если я очень попрошу васъ?

НИКОЛАЙ.

Все равно... Удивляюсь вамъ!

ТАТЬЯНА.

Да? Почему?

НИКОЛАЙ.

Вы—красавица... женщина, несомнѣнно, оригинальнаго склада ума... у васъ чувствуется характеръ. Вы имѣете десятки возможностей устроить свою жизнь роскошно, красиво... и занимаетесь какимъ-то ничтожествомъ. Эксцентричность—болѣзнь. И всякаго интел-

лигентнаго человѣка вы должны возмущать... Кто цѣнитъ женщину, кто любитъ красоту, тотъ не проститъ вамъ подобныхъ выходокъ!

ТАТЬЯНА

(смотритъ на него съ любопытствомъ).

Итакъ, я осуждена... увы! Синцовъ тоже?

НИКОЛАЙ.

Вечеромъ этотъ господинъ поѣдетъ въ тюрьму.

ТАТЬЯНА.

Рѣшено?

НИКОЛАЙ.

Да.

ТАТЬЯНА.

Никакихъ уступокъ изъ любезности къ дамѣ? Не вѣрю! Если-бъ я сильно захотѣла, вы отпустили бы Синцова.

НИКОЛАЙ (глухо).

Попробуйте захотѣть... попробуйте.

ТАТЬЯНА.

Не могу. Не умѣю... Но, все-таки, скажите правду — сказать однажды правду, это не трудно, — вы отпустили бы?

НИКОЛАЙ

(не сразу).

Не знаю...

ТАТЬЯНА.

А я знаю! (Помолчавъ вздохнула) Какія мы съ вами оба дряни...

НИКОЛАЙ.

Однако, есть вещи, которыя нельзя прощать и женщинѣ!

ТАТЬЯНА (небрежно).

Ну, что тамъ? Мы одни... никто насъ не слышитъ. Вѣдь я имѣю право сказать вамъ и себѣ, что оба мы...

НИКОЛАЙ.

Прошу васъ... я не хочу болѣе слушать...

ТАТЬЯНА

(настойчиво, спокойно).

А, все-таки, вы цѣните эти ваши принципы ниже поцѣлуя женщины!

НИКОЛАЙ.

Я уже сказалъ, что не хочу васъ слушать.

ТАТЬЯНА (спокойно).

Такъ уйдите. Развѣ я васъ держу?

(Онъ быстро уходитъ. Татьяна кутается въ шаль, стоитъ среди комнаты и смотритъ на террасу. Изъ двери съ правой стороны идутъ Надя и поручикъ)

ПОРУЧИКЪ.

Солдатъ никогда не обижаетъ женщину, даю вамъ честное слово! Женщина для него—святыня...

НАДЯ.

Вотъ, вы увидите...

ПОРУЧИКЪ.

Это невозможно! Только въ арміи еще сохранилось рыцарское отношеніе къ женщинѣ...

(Проходятъ въ дверь налѣво. Идутъ Полина, Захаръ и Яковъ)

ЗАХАРЪ.

Видишь ли, Яковъ...

ПОЛИНА.

Вы подумайте, какъ же иначе?

ЗАХАРЪ.

Тутъ реальность, необходимость...

ТАТЬЯНА.

Что такое?

ЯКОВЪ.

Вотъ отпѣваютъ меня...

ПОЛИНА.

Удивительная жестокость! Всѣ нападаютъ на насъ! И даже Яковъ Ивановичъ, всегда такой мягкій... Но развѣ мы вызывали солдатъ? И никто не приглашалъ жандармовъ. Они всегда сами являются.

ЗАХАРЪ.

Обвинять меня за эти аресты...

ЯКОВЪ.

Я не обвиняю...

ЗАХАРЪ.

Ты не говоришь прямо, но я чувствую...

ЯКОВЪ (Татьянѣ).

Я сижу, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ—„что, братъ?“ А я сказалъ—„противно, братъ?“.. вотъ и все!

ЗАХАРЪ.

Но надо же понять, что пропаганда соціализма въ такой формѣ, какъ это дѣлается у насъ, нигдѣ невозможна, нигдѣ недопустима...

ПОЛИНА.

Занимайтесь политикой, это всѣмъ нужно, но причемъ тутъ соціализмъ?—Вотъ что говоритъ Захаръ. И онъ правъ!

ЯКОВЪ (угрюмо).

Какой же соціалистъ старикъ Лѣвшинъ? Просто, онъ заработался и бредитъ... отъ усталости...

ЗАХАРЪ.

Они всѣ бредятъ!

ПОЛИНА.

Надо щадить людей, господа! Мы такъ измучены!

ЗАХАРЪ.

Ты думаешь, мнѣ не тяжело, что вотъ у меня въ домѣ устраивается судилище? Но все это—затѣи Николая Васильевича, а спорить съ нимъ послѣ такой драмы... было бы невозможно!

КЛЕОПАТРА

(быстро идетъ).

Вы слышали? Убійца найденъ... Сейчасъ его приведутъ сюда.

ЯКОВЪ (ворчитъ).

Ну вотъ...

ТАТЬЯНА.

Кто это?

КЛЕОПАТРА.

Какой-то мальчишка... Я рада... Можетъ быть, съ точки зрѣнія гуманности это и нехорошо, но я—рада! И если онъ—мальчишка, я бы велѣла его пороть каждый день до суда... Николай Васильевичъ гдѣ?.. Не видали?

(Идетъ въ дверь налѣво, навстрѣчу ей генералъ)

ГЕНЕРАЛЪ (угрюмо).

Ну вотъ!.. Стоятъ всѣ, какъ мокрыя курицы.

ЗАХАРЪ.

Непріятно, дядя.

ГЕНЕРАЛЪ.

Жандармы? Да... этотъ ротмистръ порядочный нахалъ! Мнѣ хочется сыграть съ нимъ штуку... Они не останутся ночевать?

ПОЛИНА.

Я думаю нѣтъ... зачѣмъ же?

ГЕНЕРАЛЪ.

Жаль! А то бы... ведро холодной воды на него, когда онъ ляжетъ спать! Это дѣлали у меня въ корпусѣ съ трусливыми кадетами... Ужасно смѣшно, когда голый и мокрый человѣкъ прыгаетъ и оретъ!..

КЛЕОПАТРА
(стоя въ дверяхъ).

Богъ знаетъ, что вы говорите, генералъ! И почему? Ротмистръ очень приличный человѣкъ и удивительно дѣятельный... явился и всѣхъ переловилъ! Это надо цѣнить! (Уходитъ)

ГЕНЕРАЛЪ.

Гм... для нея всѣ мужчины съ большими усами—приличные люди! Каждый долженъ знать свое мѣсто, вотъ что... Именно—въ этомъ порядочность! (Идетъ въ двери налѣво) Каждый твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ... Эй, Конь! Я тебя ищу... въ палатку натекла вода...

ПОЛИНА (негромко).

Она, положительно, чувствуетъ здѣсь себя хозяйкой. Вы посмотрите, какъ она себя ведетъ!.. Невоспитанная, грубая...

ЗАХАРЪ.

Скорѣе кончалось бы все это! Такъ хочется покоя, мира... нормальной жизни!

НАДЯ (вбѣгаетъ).

Тетя Таня, онъ глупъ, этотъ поручикъ!.. И онъ, должно быть, бьетъ солдатъ... Кричитъ, дѣлаетъ страшное лицо... Дядя, надо, чтобы къ арестованнымъ пустили женъ... тутъ есть пять человѣкъ женатыхъ!.. Ты поди, скажи этому жандарму... оказывается, онъ тутъ главный.

ЗАХАРЪ.

Видишь ли, Надя...

НАДЯ.

Вижу, ты не идешь!.. Иди, иди скажи ему!.. Тамъ плачутъ... Иди же!

ЗАХАРЪ (уходя).

Я думаю, это безполезно...

ПОЛИНА.

Ты, Надя, всегда всѣхъ тревожишь!

НАДЯ.

Это вы всѣхъ тревожите...

ПОЛИНА.

Мы? Ты подумай...

НАДЯ (возбужденно).

Всѣ мы: и я, и ты, и дядя... это мы всѣхъ тревожимъ! Ничего не дѣлаемъ, а все изъ-за насъ... И солдаты, и жандармы, и все! Эти аресты—тоже... и бабы плачутъ... все изъ-за насъ!

ТАТЬЯНА.

Поди сюда, Надя...

НАДЯ (подходитъ).

Ну, пришла... ну, что?

ТАТЬЯНА.

Сядь и успокойся... Ты ничего не понимаешь, ничего не можешь сдѣлать...

НАДЯ.

А ты даже сказать ничего не можешь! И не хочу я успокоиться, не хочу!

ПОЛИНА.

Твоя покойница мать, говоря о тебѣ, была права,—ужасный характеръ!

НАДЯ.

Да, она была права... Она работала и ѣла свой хлѣбъ А вы, что вы дѣлаете? Чей хлѣбъ ѣдите вы?

ПОЛИНА.

Вотъ, начинается! Надежда, я тебя прошу оставить этотъ тонъ... что за окрики на старшихъ!

НАДЯ.

Да вы не старшіе! Ну, какіе вы старшіе?... Просто— старые вы!

ПОЛИНА.

Таня, право, это все твои идеи! И ты должна сказать ей, что она глупая дѣвочка...

ТАТЬЯНА

Слышишь, ты—глупая дѣвочка...

НАДЯ.

Ну, вотъ. И больше вы ничего не можете сказать!.. ничего! Вы даже защищать себя не умѣете... удивительные люди! Вы, право, всѣ какіе-то лишніе, даже здѣсь, въ вашемъ домѣ—лишніе!

ПОЛИНА (строго).

Ты понимаешь, что ты говоришь?..

НАДЯ.

Пришли къ вамъ жандармы, солдаты, какіе-то дурачки съ усиками, распоряжаются, пьютъ чай, гремятъ саблями, звенятъ шпорами, хохочутъ... и хватаютъ людей, кричатъ на нихъ, грозятъ имъ, женщины плачутъ... Ну, а вы? При чемъ тутъ вы? Васъ куда-то затолкали въ углы...

ПОЛИНА.

Пойми, ты говоришь вздоръ! Эти люди пришли защищать насъ.

НАДЯ (горестно).

Ахъ, тетя! Солдаты не могутъ защитить отъ глупости, не могутъ!

ПОЛИНА (возмущена).

Что-о?

НАДЯ

(протягивая къ ней руки).

Ты не сердись! Я это о всѣхъ говорю! (Полина быстро уходитъ) Вотъ... убѣжала! Скажетъ дядѣ, что я груба, строптива... дядя будетъ говорить длинную рѣчь... и всѣ мухи умрутъ со скуки!

ТАТЬЯНА (задумчиво).

Какъ ты будешь жить? Не понимаю!

НАДЯ

(обводя руками кругомъ себя).

Не такъ! Ни за что—такъ! Я не знаю, что я буду дѣлать... но ничего не сдѣлаю такъ, какъ вы! Сейчасъ

иду мимо террасы съ этимъ офицеромъ... а Грековъ смотритъ, куритъ... и глаза у него смѣются. Но вѣдь онъ знаетъ, что его... въ тюрьму? Видишь! Тѣ, которые живутъ, какъ хотятъ, они ничего не боятся... Имъ весело! Мнѣ стыдно смотрѣть на Ефимыча, на Грекова... другихъ я не знаю, но эти! Этихъ я никогда не забуду... Вотъ идетъ дурачекъ съ усиками!.. у-у!

БОБОѢДОВЪ (входитъ).

Какъ страшно! Кого это вы пугаете?

НАДЯ.

Я васъ боюсь... Вы пустите женщинъ къ мужьямъ, да?

БОБОѢДОВЪ.

Нѣтъ, не пущу. Я—злой!

НАДЯ.

Конечно, если вы жандармъ. Почему вы не хотите пустить женщинъ?

БОБОѢДОВЪ (любезно).

Сейчасъ—невозможно! А вотъ потомъ, когда ихъ повезутъ, я разрѣшу проститься.

НАДЯ.

Но почему же невозможно! Вѣдь это отъ васъ зависитъ?

БОБОѢДОВЪ.

Отъ меня... т. е.—отъ закона!

НАДЯ.

Ну, какой тамъ законъ? Пустите... я васъ прошу!

БОБОѢДОВЪ.

Какъ это—какой законъ? И вы тоже законы отрицаете? Ай-яй-яй!

НАДЯ.

Не говорите со мной такъ! Я не ребенокъ...

БОБОѢДОВЪ.

Не вѣрю! Законы отрицаютъ только дѣти и революціонеры..

НАДЯ.

Такъ вотъ я революціонерка.

БОБОѢДОВЪ (смѣясь).

О! тогда васъ надо въ тюрьму... арестовать и въ тюрьму...

НАДЯ (съ тоской).

Ахъ, не надо шутить! Пустите ихъ!

БОБОѢДОВЪ.

Не могу. Законъ!

НАДЯ.

Дурацкій законъ!

БОБОѢДОВЪ (серьезно).

Гм... это вы напрасно! Если вы не дитя, какъ вы говорите, вы должны знать, что законъ установленъ властью и безъ него невозможно государство.

НАДЯ (горячо).

Законъ, власти, государство... фу, Боже мой! Но вѣдь это для людей?

БОБОѢДОВЪ.

Гм... я думаю! т. е. прежде всего—для порядка!

НАДЯ.

Такъ это тоже никуда не годится, если люди плачутъ. И ваши власти, и государство, все это не нужно, если люди плачутъ! Государство... какая глупость! Зачѣмъ оно мнѣ? (Идетъ къ двери) Государство? Ничего не понимаютъ, а говорятъ!

(Уходитъ. Бобоѣдовъ нѣсколько растерялся)

БОБОѢДОВЪ (Татьянѣ).

Оригинальная барышня! Но — опасное направленіе ума... Ея дядюшка, кажется, человѣкъ либеральныхъ взглядовъ, да?

ТАТЬЯНА.

Вамъ это лучше знать. Я не знаю, что такое либеральный человѣкъ.

БОБОѢДОВЪ.

Ну, какъ же? Это всѣ знаютъ!.. Неуваженіе ко власти—вотъ и либерализмъ!.. А вѣдь я васъ, m-me Луговая, видѣлъ въ Воронежѣ... какъ же! Наслаждался вашей тонкой, удивительно-тонкой игрой! Можетъ быть, вы замѣтили, я всегда сидѣлъ рядомъ съ кресломъ вице-губернатора? Я тогда былъ адъютантомъ при управленіи...

ТАТЬЯНА.

Не помню... Можетъ быть. Въ каждомъ городѣ есть жандармы, неправда ли?

БОБОѢДОВЪ.

О, еще бы! обязательно въ каждомъ! И долженъ вамъ сказать, что мы, администрація... именно мы являемся истинными цѣнителями искусства! Пожалуй, еще купечество. Возьмите, напримѣръ, сборы на подарокъ любимому артисту въ его бенефисъ... на подписномъ листѣ вы обязательно увидите фамиліи всѣхъ жандармскихъ офицеровъ. Это, такъ сказать, традиція! Гдѣ вы играете будущій сезонъ?

ТАТЬЯНА.

Еще не рѣшила... Но, конечно, въ городѣ, гдѣ непремѣнно есть истинные цѣнители искусства!.. Вѣдь это неустранимо?

БОБОѢДОВЪ.

(не понялъ).

О, конечно! Въ каждомъ городѣ они есть, обязательно! Люди, все-таки, становятся культурнѣе... понемножку!

КВАЧЪ.

(съ террасы).

Ваше благородіе! Ведутъ этого... который стрѣлялъ! Куда прикажете?

БОБОѢДОВЪ.

Сюда... введи всѣхъ ихъ! Позови товарища прокурора. (Татьянѣ) Извиняюсь!.. Долженъ немножко заняться дѣломъ.

ТАТЬЯНА.

Вы будете допрашивать?

БОБОѢДОВЪ (любезно).

Чуть-чуть, поверхностно, чтобы познакомиться съ людьми... маленькая перекличка, такъ сказать!

ТАТЬЯНА.

Мнѣ можно послушать?

БОБОѢДОВЪ.

Гм... Вообще это не принято у насъ... въ политическихъ дѣлахъ. Но это уголовное дѣло, мы находимся не у себя и мнѣ хочется доставить вамъ удовольствіе...

ТАТЬЯНА.

Меня не будетъ видно... Я вотъ отсюда посмотрю.

БОБОѢДОВЪ.

Прекрасно! Я очень радъ, и хоть чѣмъ-нибудь отплатить вамъ за тѣ наслажденія, которыя испытывалъ,

видя васъ на сценѣ. Я только возьму нѣкоторыя бумаги.

(Онъ уходитъ. Съ террасы двое пожилыхъ рабочихъ вводятъ подъ руки Рябцова. Сбоку идетъ Конь, заглядывая ему въ лицо. За ними Лѣвшинъ, Ягодинъ, Грековъ и еще нѣсколько рабочихъ. Жандармы)

РЯБЦОВЪ (сердито).

Зачѣмъ руки связали? Развяжите... ну!

ЛѢВШИНЪ.

Вы, братцы, развяжите руки ему!.. Зачѣмъ обижать человѣка?

ЯГОДИНЪ.

Не убѣжитъ!

ОДИНЪ ИЗЪ РАБОЧИХЪ.

Для порядку—надо! По закону требуется, чтобы вязать...

РЯБЦОВЪ.

Не хочу я этого! Развязывай!

ДРУГОЙ РАБОЧІЙ (Квачу).

Г. жандармъ! можно? Парень смирный... Мы диву даемся... какъ это онъ?

КВАЧЪ.

Можно. Развяжи... ничего!

КОНЬ (внезапно).

Вы его напрасно схватили!.. Когда тамъ стрѣляли—онъ на рѣкѣ былъ... я его видѣлъ и генералъ видѣлъ! (Рябцову) Ты чего молчишь, дуракъ? Ты говори—не я, молъ, стрѣлялъ... чего ты молчишь?

РЯБЦОВЪ (твердо).

Нѣтъ, это я.

ЛѢВШИНЪ.

Ужъ ему, кавалеръ, лучше знать, кто.

РЯБЦОВЪ.

Я.

КОНЬ (кричитъ).

Врешь ты! Пакостникъ... (Входятъ Бобоѣдовъ и Николай Скроботовъ) Ты въ тотъ часъ въ лодкѣ по рѣкѣ ѣхалъ и пѣсни пѣлъ... что?

РЯБЦОВЪ (спокойно).

Это я... послѣ.

БОБОѢДОВЪ.

Который убійца? Этотъ?

КВАЧЪ.

Такъ точно!

КОНЬ

Нѣтъ, не онъ!

БОБОѢДОВЪ.

Что? Квачъ, уведи старика! Откуда старикъ?

КВАЧЪ.

Состоитъ при генералѣ, ваше благородіе!

НИКОЛАЙ
(присматриваясь къ Рябцову).

Позвольте, Богданъ Денисовичъ... Оставьте, Квачъ!

КОНЬ.

Не хватай! Я самъ солдатъ!

БОБОѢДОВЪ.

Стой, Квачъ!

НИКОЛАЙ (Рябцову).

Это ты убилъ моего брата?

РЯБЦОВЪ.

Я.

НИКОЛАЙ.

За что?

РЯБЦОВЪ.

Онъ насъ мучилъ.

НИКОЛАЙ.

Какъ тебя зовутъ?

РЯБЦОВЪ.

Павелъ Рябцовъ.

НИКОЛАЙ.

Такъ! Конь... вы говорите что?

КОНЬ (волнуясь).

Не онъ убилъ! Онъ по рѣкѣ ѣхалъ въ тотъ часъ!.. Присягу приму!.. Мы съ генераломъ видѣли его... Еще генералъ говорилъ—хорошо бы, говоритъ, опрокинуть лодку, чтобы выкупался онъ... да! Ишь ты, мальчишка! Ты это что дѣлаешь, а?

НИКОЛАЙ.

Почему вы, Конь, такъ увѣренно говорите, что именно въ минуту убійства онъ былъ на рѣкѣ?

КОНЬ.

До того мѣста, гдѣ онъ былъ, отъ завода два часа пути... Ѣдетъ въ лодкѣ и пѣсни поетъ. Убивши человѣка пѣсню не запоешь!

НИКОЛАЙ (Рябцову).

Ты знаешь, что законъ строго наказываетъ за попытку скрыть преступника и за ложное показаніе... знаешь ты это?

РЯБЦОВЪ.

Мнѣ все равно.

НИКОЛАЙ.

Хорошо. Итакъ, это ты убилъ директора?

РЯБЦОВЪ.

Я.

БОБОѢДОВЪ.

Какой звѣренышъ!..

КОНЬ.

Вретъ!

ЛѢВШИНЪ.

Эхъ, кавалеръ, посторонній вы тутъ!

НИКОЛАЙ.

Что такое?

ЛѢВШИНЪ.

Я говорю—посторонній кавалеръ-то, а мѣшается...

НИКОЛАЙ.

А ты не посторонній? Ты причастенъ къ убійству, да?

ЛѢВШИНЪ (смѣется).

Я-то? Я, баринъ, одинъ разъ зайца палкой убилъ, такъ и то душа тосковала...

НИКОЛАЙ.

Ну, и молчать! (Рябцову) Гдѣ револьверъ, изъ котораго ты стрѣлялъ?

РЯБЦОВЪ.

Въ воду бросилъ.

НИКОЛАЙ.

Какой онъ былъ? Разскажи!

РЯБЦОВЪ (смущенъ).

Какой... какіе они бываютъ? Желѣзный...

КОНЬ

(съ радостью).

А, сукинъ котъ! И револьвера-то не видалъ!

НИКОЛАЙ.

Величины какой? (Показываетъ размѣръ руками въ полъ-аршина) Такой? да?

РЯБЦОВЪ.

Да... Поменьше.

НИКОЛАЙ.

Богданъ Денисовичъ, пожалуйте сюда. (Отводитъ Бобоѣдова въ сторону, говоритъ вполголоса) Тутъ скрыта какая-то пакость. Необходимо болѣе строгое отношеніе къ мальчишкѣ... Оставимъ его до пріѣзда слѣдователя.

БОБОѢДОВЪ.

Но вѣдь онъ сознается... чего же?

НИКОЛАЙ (внушительно).

Мы съ вами имѣемъ подозрѣніе, что этотъ мальчишка не настоящій преступникъ, а подставное лицо, понимаете?

(Изъ двери около Татьяны осторожно выходитъ Яковъ и молча смотритъ, то закрывая, то открывая глаза. Порою голова его безсильно опускается, точно онъ задремалъ; вскинувъ голову, испуганно оглядывается)

БОБОѢДОВЪ
(не понимаетъ).

Ага-а.. да, да, да! Скажите, а?..

НИКОЛАЙ.

Это заговоръ! Коллективное преступленіе... Онъ мнѣ дорого заплатитъ!..

БОБОѢДОВЪ.

Каковъ мерзавецъ, а?

НИКОЛАЙ.

Пусть вахмистръ уведетъ его пока. Самая строгая изоляція! Я сейчасъ уйду на минуту... Конь, вы пойдете со мной! Гдѣ генералъ?

КОНЬ.

Червей роетъ...

(Уходятъ)

БОБОѢДОВЪ.

Квачъ, уведи-ка этого. И смотрѣть за нимъ! Чтобы ни-ни.

КВАЧЪ.

Слушаю! Ну, идемъ, малый.

ЛѢВШИНЪ (ласково).

Прощай, Пашокъ, прощай, милый!..

ЯГОДИНЪ (угрюмо).

Прощай, Павлуха!..

РЯБЦОВЪ.

Прощайте... ничего!

БОБОѢДОВЪ (Лѣвшину).

Ты, старикъ, знаешь его?

ЛѢВШИНЪ.

А какъ не знать? Работаемъ вмѣстѣ.

БОБОѢДОВЪ.

А тебя какъ зовутъ?

ЛѢВШИНЪ.

Ефимъ Ефимовъ Лѣвшинъ.

БОБОѢДОВЪ
(Татьянѣ негромко).

Вы посмотрите, что будетъ! Скажи мнѣ, Лѣвшинъ, правду—ты человѣкъ старый, разумный, ты долженъ говорить начальству только правду...

ЛѢВШИНЪ.

Зачѣмъ врать...

БОБОѢДОВЪ

(съ упоеніемъ).

Да. Такъ вотъ, скажи ты мнѣ по чистой совѣсти— что у тебя дома за образами спрятано, а? Правду говори!

ЛѢВШИНЪ (спокойно).

Ничего тамъ нѣтъ.

БОБОѢДОВЪ.

Это правда?

ЛѢВШИНЪ.

Да ужъ такъ.

БОБОѢДОВЪ.

Эхъ, Лѣвшинъ, стыдно тебѣ! Ты вотъ лысый, сѣдой, а врешь, какъ мальчишка!.. Вѣдь начальство знаетъ не только то, что ты дѣлаешь, а что думаешь—знаетъ. Плохо, Лѣвшинъ! А это что такое въ рукахъ у меня?

ЛѢВШИНЪ.

Не видать мнѣ... слабъ я глазами...

БОБОѢДОВЪ.

Я скажу. Это запрещенныя правительствомъ книжки, призывающія народъ къ бунту противъ Государя. Эти книжки взяты у тебя за образами... ну?

ЛѢВШИНЪ (спокойно).

Такъ.

БОБОѢДОВЪ.

Ты признаешь ихъ своими?

ЛѢВШИНЪ.

Можетъ быть, и мои... Вѣдь онѣ всѣ похожи одна на другую...

БОБОѢДОВЪ.

Такъ какъ же ты, старый человѣкъ, лжешь?

ЛѢВШИНЪ.

Да я вамъ, ваше благородіе, сущую правду сказалъ. Вы спросили, что у меня за образами лежитъ, а ужъ если вы спрашиваете объ этомъ, значитъ, тамъ ничего нѣтъ, значитъ—вытащили. Я и сказалъ—ничего тамъ нѣтъ. Зачѣмъ же стыдить меня? Я этого не заслужилъ!

БОБОѢДОВЪ (смущенъ).

Вотъ какъ? Прошу, однако, поменьше разговаривать... со мной шутки плохи! Кто далъ тебѣ эти книжки?

ЛѢВШИНЪ.

Ну, это зачѣмъ же вамъ знать? Этого я не скажу. Ужъ я и позабылъ, откуда они... Вы ужъ не безпокойте себя.

БОБОѢДОВЪ.

Ага... такъ? Хорошо!.. Алексѣй Грековъ? Который Грековъ?

ГРЕКОВЪ.

Это я.

БОБОѢДОВЪ.

Вы привлекались къ дознанію въ Смоленскѣ по дѣлу о революціонной пропагандѣ среди ремесленниковъ—да?

ГРЕКОВЪ.

Да, привлекался.

БОБОѢДОВЪ.

Такой молодой и такой талантливый? Пріятно познакомиться!.. Жандармы, выведите ихъ на террасу... здѣсь стало душно. Вырыпаевъ Яковъ? Ага... Свистовъ Андрей?..

(Жандармы выводятъ всѣхъ на террасу. Бобоѣдовъ со спискомъ въ рукахъ идетъ туда же)

ЯКОВЪ (тихо).

Нравятся мнѣ эти люди!

ТАТЬЯНА.

Да. Но почему они такъ просты... такъ просто говорятъ, просто смотрятъ... и страдаютъ? почему? Въ нихъ нѣтъ страсти? нѣтъ героизма?

ЯКОВЪ.

Они спокойно вѣрятъ въ свою правду...

ТАТЬЯНА.

Должна быть у нихъ страсть! И должны быть герои... Но здѣсь... ты чувствуешь—они презираютъ всѣхъ!

ЯКОВЪ.

Хорошъ Ефимычъ!.. Какіе у него все понимающіе, грустно-ласковые глаза. Онъ какъ бы говоритъ:—„ну, зачѣмъ все это? Ушли бы вы въ сторону... дали бы намъ свободу... ушли бы!“

ЗАХАРЪ

(выглядывая изъ дверей).

Удивительно тупы, эти господа представители закона! Устроили судьбище... Николай Васильевичъ держится какимъ-то завоевателемъ.

ЯКОВЪ.

Ты, Захаръ, только противъ того, что вся эта исторія разыгрывается у тебя на глазахъ?

ЗАХАРЪ.

Ну, конечно, меня могли бы избавить отъ этого удовольствія!.. Надя совсѣмъ взбѣсилась... наговорила мнѣ и Полинѣ дерзостей, назвала Клеопатру щукой, а теперь валяется у меня на диванѣ и реветъ... Богъ знаетъ что дѣлается!

ЯКОВЪ (задумчиво).

А мнѣ, Захаръ, становится все болѣе противенъ смыслъ происходящаго.

ЗАХАРЪ.

Да, я понимаю... Но что же дѣлать? Если нападаютъ—надо защищаться. Я, положительно, не могу найти себѣ мѣста въ домѣ... точно онъ перевернулся

книзу крышей! Сыро сегодня, холодно... этотъ дождь!.. Рано идетъ осень!

(Идутъ Николай и Клеопатра оба возбужденные)

НИКОЛАЙ.

Я убѣжденъ теперь,—его подкупили.

КЛЕОПАТРА.

Сами они не могли этого выдумать... Богданъ Денисовичъ! Тутъ необходимо искать умнаго человѣка.

НИКОЛАЙ.

Вы думаете—Синцовъ?

КЛЕОПАТРА.

А кто же? Богданъ Денисовичъ!..

БОБОѢДОВЪ
(съ террасы).

Чѣмъ могу служить?

НИКОЛАЙ.

Я окончательно убѣдился, что мальчишку подкупили... (Говоритъ тихо)

БОБОѢДОВЪ (негромко).

О-о? Мм...

КЛЕОПАТРА (Бобоѣдову).

Вы понимаете?

БОБОѢДОВЪ.

М-н-да-а... Какіе мерзавцы!

(Оживленно разговаривая, Николай и ротмистръ скрываются въ дверяхъ. Клеопатра оглянувшись видитъ Татьяну)

КЛЕОПАТРА.

А... вы здѣсь?

ТАТЬЯНА.

Еще что-то случилось?

КЛЕОПАТРА.

Вамъ это безразлично, я думаю... Вы слышали о Синцовѣ?

ТАТЬЯНА.

Знаю.

КЛЕОПАТРА

(съ вызовомъ).

Да, арестованъ! Я рада, что, наконецъ, выкосили на заводѣ всю эту сорную траву... а вы?

ТАТЬЯНА.

Я думаю, вамъ это безразлично...

КЛЕОПАТРА (злорадно).

Вы симпатизировали этому Синцову! (Смотритъ на Татьяну и лицо ея становится мягче) Какъ вы странно смотрите... и лицо измученное... почему?

ТАТЬЯНА

Вѣроятно, отъ погоды.

КЛЕОПАТРА

(подходитъ къ ней).

Вотъ что... можетъ быть, это глупо... но я—человѣкъ прямой!.. Пожила я... много! Много чувствовала... и очень обозлилась! Я знаю, что только женщина можетъ быть другомъ женщины...

ТАТЬЯНА.

Вы что-то хотите спросить?

КЛЕОПАТРА.

Сказать, не спросить! Вы мнѣ нравитесь... такая вы свободная, такъ ловко одѣты всегда... и хорошо держитесь съ мужчинами. Я завидую вамъ... и какъ вы говорите, и какъ ходите... А иногда я васъ не люблю... даже ненавижу!

ТАТЬЯНА.

Это интересно. За что?

КЛЕОПАТРА (странно).

Кто вы такая?

ТАТЬЯНА.

То есть?

КЛЕОПАТРА.

Не понимаю я—кто вы? Я хочу видѣть всѣхъ людей опредѣленными, я люблю знать, чего человѣкъ хо-

четъ! По моему, люди, которые не твердо знаютъ, чего они хотятъ—такіе люди опасны! Имъ нельзя вѣрить!

ТАТЬЯНА.

Странныя вещи говорите вы! Зачѣмъ мнѣ нужно знать ваши взгляды?

КЛЕОПАТРА

(горячо и тревожно).

Нужно, чтобы люди жили тѣсно, дружно, чтобы всѣ мы могли вѣрить другъ другу! Вы видите—насъ начинаютъ убивать, насъ хотятъ ограбить! Вы видите, какія разбойничьи рожи у этихъ арестантовъ? Они знаютъ, чего хотятъ, они это знаютъ. И они живутъ дружно, они вѣрятъ другъ другу... Я ихъ ненавижу. Я ихъ боюсь. А мы живемъ всѣ враждуя, ничему не вѣря, ничѣмъ не связанные, каждый самъ по себѣ... Мы вотъ на жандармовъ опираемся, на солдатъ, а они—на себя... и они сильнѣе насъ!

ТАТЬЯНА.

Мнѣ тоже хочется спросить васъ прямо... Вы были счастливы съ мужемъ?

КЛЕОПАТРА.

Зачѣмъ вамъ это?

ТАТЬЯНА.

Такъ. Любопытно!

КЛЕОПАТРА (подумавъ).

Нѣтъ. Онъ былъ всегда занятъ и слишкомъ красивъ. Онъ нравился вамъ, да?

ТАТЬЯНА.

Нѣтъ.

КЛЕОПАТРА.

Странно! Онъ нравился всѣмъ женщинамъ. Въ этомъ для жены мало радости!

ПОЛИНА (идетъ).

Слышали? Конторщикъ Синцовъ—оказался соціалистомъ! А Захаръ былъ съ нимъ откровененъ и даже хотѣлъ сдѣлать его помощникомъ бухгалтера! Это, конечно, пустяки, но, подумайте, какъ трудно становится жить. Рядомъ съ вами—ваши принципіальные враги, а вы ихъ не замѣчаете!

ТАТЬЯНА.

Какъ хорошо, что я не богата!

ПОЛИНА.

Ты скажи это въ старости! (Клеопатрѣ мягко) Клеопатра Петровна, васъ просятъ еще разъ примѣрить платье... И прислали крепъ...

КЛЕОПАТРА.

Иду... Нехорошо... не ровно бьется сердце у меня... Не люблю быть больной!

ПОЛИНА.

Хотите, я вамъ капель дамъ отъ сердцебіенія?.. Очень помогаютъ.

КЛЕОПАТРА (идя).

Спасибо!..

ПОЛИНА.

Я сейчасъ приду. (Татьянѣ) Съ ней необходимо быть мягче: это ее успокаиваетъ! Это хорошо, что ты поговорила съ ней... И вообще, я завидую тебѣ, Таня... ты всегда умѣешь встать на такую удобную центральную позицію!.. Пойду, дамъ ей капель.

(Оставшись одна, Татьяна смотритъ на террасу, гдѣ подъ карауломъ солдатъ расположились арестованные. Изъ двери выглядываетъ Яковъ)

ЯКОВЪ

(съ усмѣшкой).

А я стоялъ за дверью и слушалъ.

ТАТЬЯНА (разсѣянно).

Говорятъ, это не хорошо... подслушивать...

ЯКОВЪ.

Вообще не хорошо слышать, что говорятъ люди. Какъ-то жалко ихъ... и скучно. Вотъ что, Таня! Я уѣзжаю.

ТАТЬЯНА.

Куда?

ЯКОВЪ.

Вообще... Не знаю еще... Прощай!

ТАТЬЯНА (ласково).

Прощай!.. Напиши!

ЯКОВЪ.

Ужасно скверно здѣсь!

ТАТЬЯНА.

Ты когда ѣдешь?

ЯКОВЪ.

(странно улыбаясь).

Сегодня... Уѣзжай и ты... а?

ТАТЬЯНА.

Да, я уѣду. Почему ты улыбаешься?

ЯКОВЪ.

Такъ... Можетъ быть, мы не увидимся болѣе...

ТАТЬЯНА.

Глупости!

ЯКОВЪ.

Ну, прости меня. (Татьяна цѣлуетъ его въ лобъ. Онъ смѣется, отстраняя ее) Ты поцѣловала меня точно пок ника...

(Медленно уходитъ. Татья посмотрѣвъ вслѣдъ ему, хочетъ за нимъ, но останавливается, сдѣ слабый жестъ рукой. Выходитъ На съ зонтомъ въ рукахъ)

НАДЯ.

Пожалуйста, пойдемъ со мной въ садъ... У меня лова болитъ... я сейчасъ плакала, плакала... какъ д Если я пойду одна, снова буду плакать.

ТАТЬЯНА.

О чемъ плакать, дѣвочка? Не о чемъ!

НАДЯ.

Мнѣ досадно. Я ничего не понимаю. Кто же правъ? ядя говоритъ—онъ... а я не чувствую этого! Онъ дорый, дядя? Я была увѣрена, что онъ добрый... а теерь—не знаю! Когда онъ говоритъ со мной, мнѣ кается, что я сама злая и глупая... а когда я начну дуать о немъ... и спрашивать себя обо всемъ... ничего е понимаю!

ТАТЬЯНА (грустно).

Если ты будешь сама себѣ ставить вопросы—ты дѣлаешься революціонеркой... и погибнешь въ этомъ аосѣ, милая ты моя!..

НАДЯ.

Надо чѣмъ-нибудь быть, надо! (Татьяна тихо смѣется) Чему ты смѣешься? Надо! Нельзя жить и хлопать глазами, ничего не понимая!

ТАТЬЯНА.

Я потому засмѣялась, что сегодня всѣ это говорятъ... всѣ, вдругъ! Почему?

(Идутъ. Навстрѣчу имъ генералъ и поручикъ. Поручикъ ловко уступаетъ дорогу)

ГЕНЕРАЛЪ.

Мобилизація, поручикъ, необходима! Она имѣетъ двоякую цѣль... (Надѣ и Татьянѣ) Вы куда, а?

ТАТЬЯНА.

Гулять.

ГЕНЕРАЛЪ.

Если встрѣтите этого конторщика... какъ его? Поручикъ, какъ фамилія этого человѣка, съ которымъ я васъ познакомилъ давеча?

ПОРУЧИКЪ.

Покатый, ваше превосходительство.

ГЕНЕРАЛЪ (Татьянѣ).

Пошлите его ко мнѣ, я буду въ столовой пить чай съ коньякомъ и съ поручикомъ... х-хо-хо! (Оглядывается, прикрывъ ротъ рукой) Благодарю поручикъ! У васъ хорошая память, да! Это прекрасно! Офицеръ долженъ помнить имя и лицо каждаго солдата своей роты. Когда солдатъ рекрутъ, онъ хитрое животное, хитрое, лѣнивое и глупое. Офицеръ влѣзаетъ ему въ душу и тамъ все поворачиваетъ по своему, чтобы сдѣлать изъ животнаго человѣка, разумнаго и преданнаго долгу...

(Идетъ Захаръ, озабоченный)

ЗАХАРЪ.

Дядя, вы не видѣли Якова?

ГЕНЕРАЛЪ.

Не видалъ Якова... Тамъ есть чай?

ЗАХАРЪ.

Есть, есть! (Генералъ и поручикъ уходятъ. Съ террасы идетъ Конь, сердитый, растрепанный) Конь, вы не видѣли брата?

КОНЬ (сурово).

Нѣтъ. Я теперь не буду говорить ничего. И увижу человѣка—не скажу... Буду молчать... Ладно! Я поговорилъ на своемъ вѣку...

ПОЛИНА (идетъ).

Тамъ пришли мужики, они опять просятъ отсрочить аренду.

ЗАХАРЪ.

Вотъ! Нашли время...

ПОЛИНА.

Жалуются, что урожай плохой и платить имъ нечѣмъ.

ЗАХАРЪ.

Они всегда жалуются!.. Ты не встрѣчала Якова?

ПОЛИНА.

Нѣтъ. Что же имъ сказать?

ЗАХАРЪ.

Мужикамъ? Пусть идутъ въ контору... я не буду съ ними говорить!

ПОЛИНА.

Но въ конторѣ нѣтъ никого! Ты же знаешь—у насъ полная анархія. Вотъ ужъ скоро обѣдъ, а этотъ ротмистръ все проситъ чаю... Въ столовой съ утра не убранъ самоваръ и вообще—жизнь похожа на какое-то дурачество!

ЗАХАРЪ.

Ты знаешь, Яковъ вдругъ собрался куда-то ѣхать! Эти больные люди!..

ПОЛИНА.

Ты прости мнѣ, но, право, хорошо, что онъ уѣдетъ...

ЗАХАРЪ.

Да, конечно. Онъ ужасно раздражаетъ, говоритъ чепуху... Вотъ сейчасъ, присталъ ко мнѣ, спрашиваетъ, можно ли изъ моего револьвера убить ворону? Говорилъ какія-то дерзости. Наконецъ, ушелъ и унесъ револьверъ... Всегда пьяный...

(Съ террасы входятъ Синцовъ съ двумя жандармами и Квачъ. Полина, молча посмотрѣвъ на Синцова въ лорнетъ, уходитъ. Захаръ смущенно поправляетъ очки, потомъ отступивъ)

ЗАХАРЪ (укоризненно).

Вотъ, г. Синцовъ... какъ это грустно! Мнѣ очень жаль васъ... очень!

СИНЦОВЪ

(съ улыбкой).

Не безпокойтесь... стоитъ ли?

ЗАХАРЪ.

Стоитъ! Люди должны сочувствовать другъ другу... И даже, если человѣкъ, которому я довѣрялъ, не оправдалъ моего довѣрія, все равно, видя его въ несчастіи

я считаю долгомъ сочувствовать ему... да! Прощайте, г. Синцовъ!

СИНЦОВЪ.

До свиданія.

ЗАХАРЪ.

Вы не имѣете ко мнѣ... какихъ-либо претензій.

СИНЦОВЪ.

Рѣшительно никакихъ.

ЗАХАРЪ (смущенно).

Прекрасно. Прощайте! Ваше жалованіе будетъ выслано вамъ... да! (Идетъ) Но это невозможно! Мой домъ становится какой-то жандармской канцеляріей!

(Синцовъ усмѣхается. Квачъ все время пристально разсматриваетъ его, особенно руки. Замѣтивъ это, Синцовъ тоже нѣсколько секундъ смотритъ въ глаза Квача. Тотъ усмѣхается)

СИНЦОВЪ.

Ну? Въ чемъ дѣло?

КВАЧЪ (радостно).

Ничего... ничего!

ВОВОѢДОВЪ (выходитъ).

Г. Синцовъ, вы сейчасъ отправитесь въ городъ...

КВАЧЪ (радостно).

Ваше благородіе, они совсѣмъ не г. Синцовъ, а другое!..

БОБОѢДОВЪ.

Какъ? Говори яснѣе!

КВАЧЪ.

Да я же ихъ знаю! Они жили на Брянскомъ заводѣ и тамъ ихъ имя было Максимъ Марковъ!.. Тамъ мы ихъ арестовали... два года назадъ, ваше благородіе!.. Они и не баринъ, а, просто, слесарь, и на лѣвой рукѣ на большомъ пальцѣ у нихъ ногтя нѣтъ, я знаю! Они не иначе, какъ бѣжали откуда-нибудь, если по чужому паспорту живутъ!

БОБОѢДОВЪ
(пріятно удивленъ).

Это правда, г. Синцовъ?

КВАЧЪ.

Все правда, ваше благородіе!..

БОБОѢДОВЪ.

Что же вы молчите, а? Позвольте-ка вашу руку... Квачъ, ноготь есть?

КВАЧЪ.

Да нѣтъ же!

БОБОѢДОВЪ.

Какъ же васъ зовутъ, а?

СИНЦОВЪ (спокойно).

Какъ вамъ угодно...

БОБОѢДОВЪ.

Такъ, значитъ, вы не Синцовъ, те-те-те!

СИНЦОВЪ.

Кто бы я ни былъ, вы обязаны вести себя со мной прилично... не забывайте!

БОБОѢДОВЪ.

Ого-го? Сразу видно серьезнаго человѣка. Квачъ ты самъ повезешь его!.. Смотри въ оба!

КВАЧЪ.

Слушаю!

БОБОѢДОВЪ (радостно).

Такъ вотъ, г. Синцовъ, или какъ васъ тамъ зовутъ, вы ѣдете въ городъ. Ты, Квачъ, немедленно доложишь начальнику все, что знаешь о немъ, и сейчасъ же затребовать прежнее производство... впрочемъ, это я самъ! Подожди, Квачъ... (Быстро уходитъ)

КВАЧЪ (добродушно).

Вотъ и снова встрѣтились!

СИНЦОВЪ (усмѣхаясь).

Вы рады?

КВАЧЪ.

А какъ же? Знакомый!

СИНЦОВЪ (брезгливо).

Вамъ—пора бы уже бросить это дѣло. Волосы сѣдые, а приходится, какъ собакѣ, выслѣживать... Неужели вамъ не обидно?

КВАЧЪ (добродушно).

Ничего, я привыкъ! Я уже двадцать три года служу... И совсѣмъ не какъ собака!—Начальство меня уважаетъ. Орденъ обѣщали—Анну, да! Теперь—дадутъ!

СИНЦОВЪ.

За меня?

КВАЧЪ.

А за васъ! Вы откуда бѣжали?

СИНЦОВЪ.

Потомъ узнаете.

КВАЧЪ.

Узнаемъ! А помните, тамъ, на Брянскомъ, черный такой былъ, въ очкахъ? Учитель Савицкій? То онъ тоже былъ недавно опять арестованъ... Ну, только умеръ онъ въ тюрьмѣ... Очень больной былъ! Мало васъ, все-таки!

СИНЦОВЪ (задумчиво).

Будетъ много... подождите!

КВАЧЪ.

О? Это хорошо! Больше политическихъ — намъ лучше!

СИНЦОВЪ.

Награды чаще получаете?

(Въ дверяхъ появляются Бобоѣдовъ, генералъ, поручикъ, Клеопатра и Николай)

НИКОЛАЙ (взглянувъ на Синцова).

Я чувствовалъ это... (Исчезаетъ)

ГЕНЕРАЛЪ.

Хорошъ!

КЛЕОПАТРА.

Теперь понятно, откуда все пошло!

СИНЦОВЪ
(съ иронiей).

Послушайте, г. жандармъ, вамъ не кажется, что вы ведете себя глупо?

БОБОѢДОВЪ.

Не... не учить меня!

СИНЦОВЪ (настойчиво).

Нѣтъ, я поучу! Прекратите этотъ дурацкiй спектакль!

ГЕНЕРАЛЪ.

О-о... какой, а?

БОБОѢДОВЪ (кричитъ).

Квачъ, уведи его!

КВАЧЪ.

Слушаю! (Уводитъ Синцова).

ГЕНЕРАЛЪ.

Это, должно бытъ, звѣрь, а? Какъ онъ... рычитъ, а?

КЛЕОПАТРА.

Я увѣрена, что это онъ началo всему!

БОВОѢДОВЪ.

Возможно... очень возможно!

ПОРУЧИКЪ.

Будутъ его судить, да?

БОВОѢДОВЪ (усмѣхаясь).

Мы ихъ безъ соуса ѣдимъ... и такъ вкусно!

ГЕНЕРАЛЪ.

Это остроумно! Какъ устрицъ... хамъ!

КОНЬ

(съ террасы).

Слѣдователь пріѣхалъ!

БОВОѢДОВЪ.

Ага! Ну, вотъ, ваше превосходительство, теперь мы живо раздѣлимъ всю дичь и избавимъ васъ отъ

этого анекдота! Николай Васильевичъ, вы гдѣ? Слѣдователь пріѣхалъ...

(Всѣ скрываются въ дверяхъ. Съ террасы входитъ становой)

СТАНОВОЙ (Коню).

Допросъ здѣсь будетъ?

КОНЬ (угрюмо).

Я не знаю. Ничего не знаю!

СТАНОВОЙ.

Столъ, бумаги... значитъ, здѣсь! (Говоритъ на террасу) Введите сюда всѣхъ! (Коню) Покойникъ-то ошибся: сказалъ, рыжій его застрѣлилъ; а оказывается, черноватый!

КОНЬ (ворчливо).

И живые ошибаются...

(Съ террасы снова вводятъ арестованныхъ)

СТАНОВОЙ.

Ставь ихъ здѣсь... рядомъ! Старикъ, становись съ краю! Не стыдно тебѣ? Старый чертъ!

ГРЕКОВЪ.

Зачѣмъ же вы ругаетесь?

ЛѢВШИНЪ.

Ничего, Алеша! Пускай его...

СТАНОВОЙ (грозя).

Я тебѣ поговорю!

ЛѢВШИНЪ.

Ничего! Должность такая... обижающая человѣка!

(Входятъ Николай, Бобоѣдовъ и слѣдователь, толстый человѣкъ, съ большимъ краснымъ лицомъ. Садятся за столъ. Сбоку — письмоводитель, маленькій, сѣдой старичекъ въ очкахъ. Генералъ усаживается на кресло въ углу, сзади него поручикъ. Въ дверяхъ Клеопатра и Полина, потомъ, сзади нихъ, Татьяна и Надя. Черезъ ихъ плечи недовольно смотритъ Захаръ. Откуда-то бокомъ и осторожно идетъ Пологій, кланяется сидящимъ за столомъ и растерянно останавливается посреди комнаты. Генералъ манитъ его къ себѣ движеніемъ пальца. Онъ идетъ на носкахъ сапогъ и становится рядомъ съ кресломъ генерала. Вводятъ Рябцова)

НИКОЛАЙ.

Начнемъ. Павелъ Рябцовъ...

РЯБЦОВЪ.

Ну?

БОБОѢДОВЪ.

Не—ну, дуракъ, а что угодно!

НИКОЛАЙ.

Итакъ, вы настаиваете, что директоръ убитъ вами?

РЯБЦОВЪ (недовольно).

Я сказалъ ужъ... чего же еще?

НИКОЛАЙ.

Вы знаете Алексѣя Грекова?

РЯБЦОВЪ.

Это какого?

НИКОЛАЙ.

А вотъ, рядомъ съ вами стоитъ!

РЯБЦОВЪ.

Онъ у насъ работаетъ.

НИКОЛАЙ.

Значитъ, вы знакомы съ нимъ?

РЯБЦОВЪ.

Мы всѣ знакомы.

НИКОЛАЙ.

Конечно. Но вы у него бывали въ домѣ, гуляли съ нимъ... вообще, вы его коротко, близко знаете? Вы—товарищи?

РЯБЦОВЪ.

Я со всѣми гуляю. Всѣ мы—товарищи.

НИКОЛАЙ.

Да? Я думаю—вы лжете! Г. Пологій, скажите намъ, Рябцовъ и Грековъ въ какихъ отношеніяхъ?

ПОЛОГІЙ.

Въ тѣсныхъ отношеніяхъ дружбы... Здѣсь имѣется двѣ компаніи—молодыми предводительствуетъ Грековъ, юноша очень дерзкій въ обращеніи съ лицами, которыя стоятъ неизмѣримо выше его. А пожилыми — руководствуетъ Ефимъ Лѣвшинъ... человѣкъ фантастическій въ своихъ рѣчахъ и лисообразный въ обращеніи...

НАДЯ (тихо).

Ахъ, какой мерзавецъ!

(Пологій оглядывается на нее и вопросительно смотритъ на Николая. Николай тоже кидаетъ взглядъ въ сторону Нади)

НИКОЛАЙ.

Ну-съ, дальше!

ПОЛОГІЙ (вздохнувъ).

Ихъ соединяетъ г. Синцовъ, который со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ. Это личность, непохожая на простого человѣка, съ нормальнымъ умомъ. Онъ читаетъ разныя книги и имѣетъ обо всемъ свои сужденія. Въ квартирѣ у него, которая наискось моей и состоитъ изъ трехъ комнатъ...

НИКОЛАЙ.

Вы не такъ подробно...

ПОЛОГІЙ.

Извините!.. Правда требуетъ полноты формъ!

НИКОЛАЙ.

Да, но намъ некогда!

ПОЛОГІЙ.

Въ квартиру его заходятъ всевозможныя личности, а также присутствующіе здѣсь, какъ-то, Грековъ...

НИКОЛАЙ.

Грековъ, эт правда?

ГРЕКОВЪ (спокойно).

Прошу ко мнѣ не обращаться съ вопросами,—я отвѣчать не буду.

НИКОЛАЙ.

Напрасно!

НАДЯ (громко).

Вотъ хорошо!

КЛЕОПАТРА.

Что за выходки?

ЗАХАРЪ.

Надя, дорогая моя!..

БОБОѢДОВЪ.

Тсс...

(На террасѣ шумъ)

НИКОЛАЙ.

Я нахожу излишнимъ присутствіе здѣсь посторонних лицъ...

ГЕНЕРАЛЪ.

Гм... Кто же тутъ посторонніе?

БОБОѢДОВЪ.

Квачъ, посмотри, что за шумъ!

КВАЧЪ.

Человѣкъ рвется въ дверь, ваше благородіе! Претъ въ дверь и ругается, ваше благородіе!

НИКОЛАЙ.

Что ему надо? кто это?

БОБОѢДОВЪ.

Спроси!

ПОЛОГІЙ.

Прикажете продолжать или пріостановиться?

НАДЯ.

О, подлецъ!

НИКОЛАЙ.

Пріостановитесь... Постороннихъ лицъ я прошу уйти!

ГЕНЕРАЛЪ.

Позвольте... это какъ понять?

НАДЯ
(кричитъ задорно).

Посторонніе здѣсь—вы! Вы, а не я! Вы вездѣ посторонніе... я здѣсь дома! Это я могу требовать, чтобы вы удалились...

ЗАХАРЪ

(возбужденно Надѣ).

Наконецъ, уйди! Немедленно... уйди!

НАДЯ.

Да? Вотъ какъ!.... Значитъ, это я... дѣйствительно, я посторонняя здѣсь? Такъ я уйду, но я скажу вамъ...

ПОЛИНА.

Удержите ее... она скажетъ что-нибудь ужасное!

НИКОЛАЙ (Бобоѣдову).

Скажите жандармамъ, чтобы закрыли двери!

НАДЯ.

Вы всѣ безсовѣстные люди... безъ сердца, жалкіе... несчастные.

КВАЧЪ

(входитъ радостно).

Ваше благородіе! Еще одинъ открывается!

БОБОѢДОВЪ.

Что?

КВАЧЪ.

Еще одинъ убійца пришелъ!

(Къ столу идетъ не торопясь Якимовъ, рыжеватый парень съ большими усами)

НИКОЛАЙ

(невольно приподнимаясь).

Что вамъ нужно?

ЯКИМОВЪ.

Это я убилъ директора.

НИКОЛАЙ.

Вы?

ЯКИМОВЪ.

Я.

КЛЕОПАТРА (тихо).

А-а... мерзавецъ! Совѣсть имѣешь!

ПОЛИНА.

Боже мой! Какіе ужасные люди!

ТАТЬЯНА (спокойно).

Эти люди побѣдятъ!

ЯКИМОВЪ (угрюмо).

Ну, что же? Нате, ѣшьте!

(Общее смущеніе. Николай что-то быстро шепчетъ слѣдователю. Бобоѣдовъ растерянно улыбается. Въ толпѣ арестованныхъ молчаніе; всѣ стоятъ неподвижно. Въ дверяхъ Надя смотритъ на Якимова и плачетъ. Полина и Захаръ шепчутся. Въ тишинѣ ясно слышенъ негромкій голосъ Татьяны)

ТАТЬЯНА (Надѣ).

Не плачь, эти люди побѣдятъ!..

НИКОЛАЙ.

Ну-съ, г. Рябцовъ! А какъ же вы теперь?..

РЯБЦОВЪ (смущенно).

А—никакъ...

ЯКИМОВЪ.

Молчи, Паша... Ты—молчи!

ЛѢВШИНЪ (радостно).

Э-эхъ, братики, милые!...

НИКОЛАЙ

(ударивъ кулакомъ по столу).

Молчать!

ЯКИМОВЪ (спокойно).

Не кричи, баринъ. Мы не кричимъ.

НАДЯ

(Якимову громко).

Послушайте... развѣ это вы убили? Это они всѣхъ убиваютъ... это они убиваютъ всю жизнь своей жадностью, своей трусостью!.. (Ко всѣмъ) Это вы, вы—преступники!

ЛѢВШИНЪ (горячо).

Вѣрно, барышня! Не тотъ убилъ, кто ударилъ, а тотъ, кто злобу родилъ!.. Вѣрно, милая!

(Общее смятеніе, шумъ).

ЗАНАВѢСЪ.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ПУГАЧЪ.

Онъ сѣлъ въ глуши, въ шатрѣ столѣтней ели.
На яркій свѣтъ, сквозь вѣтки и сучки,
Съ безумнымъ изумленіемъ глядѣли
Сверкающіе золотомъ зрачки.

Я выстрѣлилъ. Онъ вздрогнулъ—и безшумно
Сорвался внизъ, на мохъ корней витыхъ.
Но и во мху блестятъ, глядятъ безумно
Круги зрачковъ лучисто-золотыхъ.

Раскинулись изломанныя крылья,
Но хищный взглядъ все такъ же дикъ и золъ.
И сталь когтей съ отчаяньемъ безсилья
Вонзается въ ружейный скользкій стволъ.

II.

УТРО.

И скрипъ, и визгъ надъ бухтой, наводненой
Буграми влаги пѣнисто-зеленой:
Какъ въ забытьи, шатаются надъ ней
Кресты нагихъ запутанныхъ снастей,
А чайки съ крикомъ падаютъ межъ ними,
Сверкая въ реяхъ крыльями тугими,
Иль бѣлою яичной скорлупой
Скользятъ въ волнѣ зелено-голубой.
Еще бѣгутъ поспѣшно и высоко
Лохмотья тучъ, но вѣтеръ отъ востока
Ужъ далъ горамъ лиловые цвѣта,
Чеканитъ грани снѣжнаго хребта
На синемъ небѣ, свѣжемъ и блестящемъ,
И сыплетъ въ морѣ золотомъ кипящимъ.

III.

ДЖОРДАНО БРУНО.

„Ковчегъ подъ предводительствомъ осла —
Вотъ міръ людей. Живите во Вселенной.
Земля—вертепъ обмана, лжи и зла.
Живите красотою неизмѣнной.

„Ты, мать-земля, душѣ моей близка—
И далека. Люблю я смѣхъ и радость,
Но въ радости моей—всегда тоска,
Въ тоскѣ всегда—таинственная сладость!“

И вотъ онъ посохъ странника беретъ.
„Открой забрало, Sancta Asinita!
Готовься въ бой!“—Мечта зоветъ впередъ
И келья монастырская забыта.

Въ дни дѣтства, у Везувія, весь свѣтъ
Кончался тамъ... за древнимъ валомъ въ Нолѣ.
Въ дни юности ему предѣла нѣтъ,—
Предѣла нѣтъ для знанія и воли.

„Вы всѣ рабы. Царь вашей вѣры—Звѣрь:
Я свергну тронъ слѣпой и мрачной вѣры.
Вы въ капищѣ: я распахну вамъ дверь
На блескъ и свѣтъ, въ лазурь и бездну Сферы.

„Ни безднѣ безднъ, ни жизни грани нѣтъ.
Мы остановимъ солнце Птоломея—
И тьмы міровъ, горящій вихрь планетъ
Предъ нами развернется, пламенѣя!“

И онъ дерзнулъ на все—вплоть до небесъ.
Но разрушенье—жажда созиданья,
И, разрушая, жаждалъ онъ чудесъ—
Божественной гармоніи Созданья.

Глаза сіяютъ, дерзкая мечта
Въ міръ откровеній радостныхъ уноситъ.
Лишь въ истинѣ—и цѣль и красота.
Но тѣмъ сильнѣе сердце жизни проситъ.

„Ты, дѣвочка! ты, съ ангельскимъ лицомъ,
Поющая надъ старой, звонкой лютней!
Я могъ твоимъ быть другомъ и отцомъ...
Но я одинъ. Нѣтъ въ мірѣ безпріютнѣй!

„Высоко несъ я стягъ своей любви.
Но есть другія радости, другія:
Оледенивъ желанія свои,
Я только твой, познаніе, Софія!“

И вотъ опять онъ странникъ. И опять
Глядитъ онъ въ даль. Глаза горятъ, но строго
Его лицо. Враги, вамъ не понять,
Что Богъ есть Свѣтъ. И онъ умретъ за Бога.

„Міръ—бездна безднъ. И каждый атомъ въ немъ
Проникнутъ свѣтомъ, жизнью, красотою.
И свѣтъ есть Богъ. И въ Богѣ мы живемъ
Единою всемірною Душою.

„Ты, съ лютнею! Мечты твоихъ очей
Не эту-ль Жизнь и Радость отражали?
Ты, солнце! вы, созвѣздія ночей!
Вы только этой Радостью дышали“.

И маленькій тревожный человѣкъ
Съ блестящимъ взглядомъ, яркимъ и холоднымъ,
Идетъ въ огонь. *„Умершій въ рабскій вѣкъ*
Безсмертіемъ вѣнчается—въ свободномъ!

„Я умираю—ибо такъ хочу.
Развѣй, палачъ, развѣй мой прахъ, презрѣнный!
Привѣть Вселенной, Солнцу! Палачу!—
Онъ мысль мою развѣетъ по Вселенной!“

А. ТЕННИСОНЪ.

ГОДИВА.

ПОЭМА.

Съ англійскаго. Переводъ Ив. Бунина.

Я въ Ковентри ждалъ поѣзда, толкаясь
Въ толпѣ народа по мосту, смотрѣлъ
На три высокихъ башни—и въ поэму
Облекъ одну изъ древнихъ мѣстныхъ былей.

Не мы одни—плодъ новыхъ дней, послѣдній
Посѣвъ Временъ, въ своемъ нетерпѣливомъ
Стремленьи въ даль злословящій Былое,—
Не мы одни, съ чьихъ праздныхъ устъ не сходятъ
Добро и Зло, сказать имѣемъ право,
Что мы народу преданы: Годива,
Супруга графа Ковентри, что правилъ
Назадъ тому почти тысячелѣтье,
Любила свой народъ и претерпѣла
Не меньше насъ. Когда налогомъ тяжкимъ
Графъ обложилъ свой городъ, и предъ замкомъ
Съ дѣтьми столпились матери, и громко
Звучали вопли: „Подать намъ грозитъ
Голодной смертью!“—въ графскіе покои,
Гдѣ графъ, съ своей аршинной бородой
И полсаженной гривою, по залу
Шагалъ среди собакъ, пошла Годива
И, разсказавъ о вопляхъ, повторила
Мольбу народа: „Подати грозятъ
Голодной смертью!“ Графъ отъ изумленья
Раскрылъ глаза.—„Но вы за эту сволочь

Мизинца не уколете!“—сказалъ онъ.
„Я умереть согласна“—возразила
Ему Годива. Графъ захохоталъ,
Петромъ и Павломъ громко побожился,
Потомъ по брилліантовой сережкѣ
Годивѣ щелкнулъ:—„Розсказни!“—„Но чѣмъ же
Мнѣ доказать?“—отвѣтила Годива.
И жесткое, какъ длань Исава, сердце
Не дрогнуло. „Ступайте, молвилъ графъ,
По городу нагая—и налоги
Я отмѣню“—насмѣшливо кивнулъ ей
И зашагалъ среди собакъ изъ залы.

Такой отвѣтъ сразилъ Годиву. Мысли,
Какъ вихри, закружились въ ней и долго
Вели борьбу, пока не побѣдило
Ихъ Состраданье. Въ Ковентри герольда
Тогда она отправила, чтобъ городъ
Узналъ при трубныхъ звукахъ о позорѣ,
Назначенномъ Годивѣ: только этой
Цѣною облегчить могла Годива
Его удѣлъ. Годиву любятъ,—пусть же
До полдня ни единая нога
Не ступитъ за порогъ, и ни единый
Не взглянетъ глазъ на улицу: пусть всѣ
Затворятъ двери, спустятъ въ окнахъ ставни
И въ часъ ея проѣзда будутъ дома.

Потомъ она поспѣшно поднялась
На верхъ, въ свои покои, разстегнула
Орловъ на пряжкѣ пояса—подарокъ
Суроваго супруга—и на мигъ
Замедлилась, блѣдна, какъ лѣтній мѣсяцъ,

Полузакрытый облачкомъ... Но тотчасъ
Тряхнула головой и, уронивши
Почти до пятъ волну волосъ тяжелыхъ,
Одежду быстро сбросила, прокралась
Внизъ по дубовымъ лѣстницамъ—и вышла,
Скользя какъ лучъ среди колоннъ, къ воротамъ,
Гдѣ ужъ стоялъ ея любимый конь,
Весь въ пурпурѣ, съ червонными гербами.

На немъ она пустилась въ путь—какъ Ева,
Какъ геній цѣломудрія. И замеръ,
Едва дыша отъ страха, даже воздухъ
Въ тѣхъ улицахъ, гдѣ ѣхала она.
Разинувъ пасть, лукаво вслѣдъ за нею
Косился желобъ. Тявканье дворняжки
Ее кидало въ краску. Звукъ подковъ
Пугалъ, какъ грохотъ грома. Каждый ставень
Былъ полонъ дыръ. Причудливой толпою
Шпили домовъ глазѣли. Но Годива,
Крѣпясь, все дальше ѣхала, пока
Въ готическія арки укрѣпленій
Не засіяли цвѣтомъ бѣлоснѣжнымъ
Кусты густой цвѣтущей бузины.

Тогда назадъ поѣхала Годива—
Какъ геній цѣломудрія. Былъ нѣкто,
Чья низость въ этотъ день дала начало
Пословицѣ: онъ сдѣлалъ въ ставнѣ щелку
И ужъ хотѣлъ, весь трепеща, прильнуть къ ней,
Какъ у него глаза одѣлись мракомъ
И вытекли,—да торжествуетъ вѣчно
Добро надъ Зломъ. Годива же достигла
Въ невѣдѣніи замка—и лишь только

Вошла въ свои покои, какъ ударилъ
И загудѣлъ со всѣхъ несмѣтныхъ башенъ
Стозвучный полдень. Въ мантіи, въ коронѣ
Она супруга встрѣтила, сняла
Съ народа тяжесть податей—и стала
Съ тѣхъ поръ безсмертной въ памяти народа.

ВѢРА ФИГНЕРЪ.

МОЯ НЯНЯ.

Этотъ разсказъ имѣетъ автобіографическій характеръ. Онъ написанъ въ Шлиссельбургѣ въ 1892 г. по просьбѣ моего товарища, Н. А. Морозова, чѣмъ и объясняются начальныя строки разсказа.

В. Фигнеръ.

Если у тебя была хорошая няня, то ты съ удовольствіемъ припомнишь ее... Если же ея не было, то тебѣ будетъ пріятно узнать о моей... И такъ какъ въ обоихъ случаяхъ ты останешься доволенъ, то слушай!

Жило-было одно дворянское семейство. Это было мое семейство: отецъ, мать да насъ 8 человѣкъ—дѣтей. Двое умерли маленькими, а я осталась старшею. И была у насъ, какъ водится, няня. Звали ее: Наталья Макарьевна, но мы-то, дѣти, конечно, звали ее попросту „няней". Какъ я ее помню, она была уже стара: „седьмой десятокъ идетъ"... отвѣчаетъ, бывало, когда ее спросишь о лѣтахъ... и этотъ 7-ой десятокъ былъ, кажется, безконеченъ, потому что, сколько и когда бы ее ни спросили, вплоть до самой смерти, все былъ ей седьмой десятокъ: и когда я была маленькой, и когда выросла большой... вышла изъ института, вышла замужъ,—няня все твердила: „седьмой десятокъ"... И, такъ какъ ей, кажется, не было причинъ скрывать свои годы, то справедливость заставляетъ думать, что она искренно забыла свой возрастъ или сбилась со счету.

Во всякомъ случаѣ, няня была еще чрезвычайно бодрая и дѣятельная старушка и, не покладая рукъ, работала на господъ: варила варенье, маринады, пастилу, брагу; заготовляла наливки и всевозможные запасы фруктовъ, ягодъ и грибовъ на зиму; плела на клюшкахъ прекрасное кружево и вязала тончайшіе, всѣ въ узорахъ, чулочки, которыми не побрезговала бы

бѣглыхъ, о злодѣйствахъ извѣстнаго Быкова, о кладахъ, которыхъ видимо-невидимо кругомъ, подъ землей. Бѣглые и клады были положительно слабостью няни. Въ каждомъ лѣсочкѣ, въ каждомъ оврагѣ чудились ей ихъ скрытыя убѣжища и мѣстонахожденіе, такъ, что первая мысль, которая у меня и теперь явится, когда я посѣщу дикія и уединенныя мѣста, гдѣ я бывала въ дѣтствѣ, будетъ непремѣнно о бѣглыхъ. О кладахъ и говорить нечего: навѣрное, гдѣ-нибудь да таятся они! все дѣтство мы мечтали о нихъ,— жаль только, что не нашли ничего. Уже лѣтъ 12—13 увидимъ, бывало, гдѣ-нибудь вдали, въ полѣ, блеститъ что-то... солнце на стеклышкѣ играетъ... сестры, братья сейчасъ же въ походъ... за алмазомъ или брилліантомъ.

То были, конечно, дальніе отголоски Поволжья, преданья о городѣ Болгарахъ, традиціи о находимыхъ коекогда древнихъ серебряныхъ монетахъ.

Но развѣ одни разсказы привлекали насъ къ нянѣ?! У нея всегда былъ лакомый кусокъ для насъ: всякія сласти, заповѣдныя баночки съ груздочками, рыжиками и вареньемъ; всегда кипѣлъ самоварчикъ, и была мята и малина, чтобъ напоить, если головка болитъ или глазки невеселые... былъ, наконецъ, завѣтный желтый сундукъ, предметъ всѣхъ дѣтскихъ вожделѣній... Тамъ, въ этомъ сундукѣ, который раскрывался въ особенно добрыя минуты,—на крышкѣ виднѣлись налѣпленныя картинки съ конфектъ, которыя мы великодушно дарили нянѣ, съѣвъ содержимое, и которыя теперь имѣли вновь прелесть новизны для насъ... Въ сундукѣ, какъ у прохожаго венгерца, лежали накопленныя десятками лѣтъ различныя матеріи, шерстяныя и ситцевыя, съ цвѣточками и безъ цвѣточковъ, подаренныя дѣдушкой, мамочкой, дядей, и исторію которыхъ мы охотно выслушивали... Тамъ же хранились разныя табакерки, ко-

робочки и прочая дребедень, которую дѣти такъ любятъ разсматривать, дай только волю ихъ рукамъ и не стѣсняй любознательность.

Но все это пустяки.... то есть я говорю пустяки, а дѣло-то въ томъ, что няня, въ первые десять лѣтъ нашей жизни, была единственнымъ существомъ, съ которымъ мы чувствовали себя свободно и которое не ломало насъ; она одна, какъ умѣла и какъ могла, любила и ласкала насъ, и ее одну мы могли любить и ласкать безъ стѣсненія.

Въ семьѣ насъ держали строго, даже очень строго: отецъ былъ вспыльчивъ, суровъ и деспотиченъ... Мать—добра, кротка, но безгласна. Ни ласкать, ни баловать, ни даже защитить передъ отцомъ она насъ не могла и не смѣла,—а безусловное повиновеніе и подавляющая дисциплина были девизомъ отца. Откуда онъ набрался военнаго духа—право, не знаю... Быть можетъ, самъ воспитывался такъ или эпоха Николаевщины наложила свою печать на его личность и на его взгляды на воспитаніе—только трудно намъ было... Вставай и ложись спать въ опредѣленный часъ; одѣвайся всегда въ одно и то же, какъ бы форменное, платье; причесывайся такъ-то... не забывай оффиціально здравствоваться и прощаться съ отцомъ и матерью, крестись и благодари ихъ послѣ каждаго пріема пищи; не разговаривай во время ѣды и жди за столомъ своей очереди послѣ взрослыхъ; никогда ничего не проси, не требуй ни прибавки, ни убавки и не отказывайся ни отъ чего, что тебѣ даютъ; доѣдай всякое кушанье безъ остатка, если даже оно тебѣ противно; если тебя тошнитъ отъ него—все равно—ѣшь, не привередничай, пріучайся съ дѣтства быть не прихотливымъ. Довольствуйся молокомъ вмѣсто чая и чернымъ хлѣбомъ вмѣсто бѣлаго, чтобъ не изнѣжить желудка; безъ жалобъ переноси холодъ.... Не бери ничего безъ спроса

и въ особенности не трогай никакихъ отцовскихъ вещей; если сломалъ, разбилъ или даже не на то мѣсто положилъ,—гроза на весь домъ и наказаніе: уголъ-дерка за уши или порка ременной плетью о трехъ концахъ, всегда висящей наготовѣ въ кабинетѣ отца. Наказывалъ же отецъ жестоко, безпощадно. Весь домъ ходилъ, какъ потерянный, послѣ экзекуцій надъ моими братьями. Никакая малость не проходила даромъ: былъ заведенъ порядокъ ничего не скрывать отъ отца—отъ насъ требовали всегда безукоризненной правдивости, и мать показывала примѣръ: сердце ея обливалось кровью, зная послѣдствія нашихъ проступковъ,—но ни одна черта нашего поведенія не утаивалась отъ строгости отца. А эта строгость распространялась даже на неосторожность съ огнемъ и кипяткомъ: если жгли руки, обваривали кипяткомъ, падали и получали поврежденія при дѣтскихъ проказахъ и затѣяхъ,—къ естественному наказанію—боли, прибавлялись нравственныя и физическія истязанія отъ отца. Правда, дѣвочекъ онъ не билъ; не билъ послѣ того, какъ меня, шестилѣтняго ребенка, за капризъ въ бурю, при переходѣ черезъ Волгу на паромѣ, чуть не искалѣчилъ... Но отъ этого не было легче: мы боялись его пуще огня.... одного его взгляда, холоднаго, пронизывающаго, было достаточно, чтобъ привести насъ въ трепетъ, въ тотъ нравственный ужасъ, когда всякое физическое наказаніе отъ болѣе добродушнаго человѣка было бы, кажется, легче перенести, чѣмъ эту безмолвную кару глазами.

И среди этой убійственной атмосферы казармы и бездушія—единственной свѣтлой точкой, одной отрадой и утѣшеніемъ была няня. Внѣ ея не было ни свободы, ни признанія личности въ ребенкѣ, какъ будущемъ человѣкѣ, ни пониманія дѣтскаго характера, дѣтскихъ потребностей... ни малѣйшаго снисхожденія къ дѣт-

скимъ слабостямъ.... одна безпощадность и плеть... Только въ комнатѣ няни, куда отецъ никогда не заходилъ, только съ ней одной чувствовали мы себя самими собой: людьми, дѣтьми и даже господами и притомъ любимыми, балованными дѣтьми и господами. Это былъ своего рода храмъ-убѣжище, гдѣ униженный и оскорбленный могъ отдохнуть душой. Здѣсь можно было излить всѣ дѣтскія горести и обиды, найти ласку и сочувствіе... зарывшись въ нянины колѣни, выплакать горе и осушить слезы ея поцѣлуями.... Добрая душа! Какъ бы безъ нея мы жили!? Это былъ цѣлый міръ теплоты и нѣжности, непринужденной веселости, любви и преданности....

И, какъ подумаешь, что эта привязанность и нѣжная отзывчивость изливалась въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ и не на одно, а на цѣлыя три дѣтскія поколѣнія,---невольно остановишься съ благоговѣніемъ. Да! Цѣлыхъ три поколѣнія!... Дѣвочкой лѣтъ 6 взяли ее къ дѣдушкѣ, Христофору Петровичу, не столько, чтобъ смотрѣть, сколько, чтобъ играть съ нимъ: ему было года 3 или 4. Выросъ дѣдушка—выросла и няня; его отдали въ ученье, а ее—въ дѣвичью учиться всякимъ рукодѣльямъ и домашнимъ искусствамъ. Когда дѣдушка женился на бабушкѣ—няню отдали молодымъ. Родилась мамочка, родился братъ ея и три сестры... Всѣхъ ихъ выняньчила няня. Выросла мамочка и вышла за папочку—няню отдали имъ. Родился братъ Саша... родилась я и еще шесть человѣкъ,—всѣхъ восьмерыхъ выняньчила няня и могла бы няньчить и моихъ дѣтей!...

Ну, не почтенная ли древность?! И няня знала себѣ цѣну: она была чрезвычайно чувствительна къ тому, что ей казалось уваженіемъ и почетомъ. Неудовольствіе, косой взглядъ, простая забывчивость со стороны матери или кого-нибудь изъ взрослыхъ—переворачи-

вали ее вверхъ дномъ. Она начинала плакать и плакала до тѣхъ поръ, пока мы не забивали тревогу... Затѣмъ начинались сборы: няня приводила въ порядокъ свои пожитки и говорила, что уѣзжаетъ „за Волгу“. Что такое было тамъ „за Волгой“, право, не знаю... Въ умѣ няни это, очевидно, былъ не географическій терминъ, не громадный районъ, а опредѣленный маленькій пунктъ, одной ей извѣстный и гдѣ, по ея словамъ, были ея родные. Какъ онъ назывался, и были ли вообще у нея родные—никто не зналъ,—а она подробностей не сообщала... Критическое изслѣдованіе, быть можетъ, привело бы къ тому, что все это было нѣчто въ родѣ миѳическаго буки, про котораго дѣтямъ говорятъ: „смотри! придетъ, придетъ бука.... съѣстъ!“. Но намъ-то было страшно: мы отправлялись къ матери съ мольбами помириться съ няней и дать ей удовлетвореніе. Мать шла и дѣло улаживалось...

Вообще, когда мы подросли и я съ сестрой были ужъ въ институтѣ, то няня изъ покровительницы мало-по-малу перешла подъ покровъ нашъ. Обстоятельства измѣнились, а вмѣстѣ съ тѣмъ и роли: отецъ, подъ вліяніемъ „реформы“, смягчился. Быть можетъ, великое общественное движеніе, уравнивавшее раба съ господиномъ и ломавшее всѣ нравственныя и экономическія отношенія стараго строя, пробудило лучшія стороны его натуры, и она была еще настолько пластична, чтобъ дозволить ему пойти по новому направленію,—во всякомъ случаѣ нравственный переворотъ въ отцѣ былъ глубокій: изъ крѣпостника, какимъ онъ являлся по отношенію къ прислугѣ, къ матери и къ намъ, онъ сталъ либераломъ и изъ человѣка необузданнаго—сдержаннымъ. Конечно, эта перемѣна произошла не въ одинъ день, не въ одинъ годъ... я не могу указать точно времени перелома... Новыя вѣянія доходили постепенно, вліянія были незамѣтныя... Въ

провинціи онѣ шли главнымъ образомъ чрезъ литературу, а мой отецъ читалъ много. Къ тому же мать, бывшая на 15 лѣтъ моложе и вышедшая замужъ совсѣмъ неразвитымъ, по уму и характеру, ребенкомъ, къ этому времени—медленнымъ житейскимъ путемъ саморазвитія и чтенія—окрѣпла нравственно, выросла умственно и могла уже не подчиняться, а сама вліять на отца. И это вліяніе было благотворно. Тогда-то мы, дѣти, сблизились съ нею и въ самую серьезную эпоху нашего развитія шли подъ ея руководствомъ.

Тогда и няня стала не нужна. Но мы любили ее горячо, любили и за прошлое, и за настоящее, потому что то же любовное отношеніе къ намъ было у нея и теперь, только теперь мы сами могли иногда и побаловать, и защитить ее. Мы зорко слѣдили, чтобъ у няни было всего вдостоль: чтобъ за обѣдомъ ей былъ посланъ хорошій кусокъ, чтобъ не забыли пирожнаго... Мы возмущались, что она получаетъ всего 1/4 ф. чаю и 3/4 ф. сахару въ мѣсяцъ и, такъ какъ не могли добиться прибавки, то опустошали въ ея пользу материнскую сахарницу. Посылали ли насъ въ кладовую, мы нагружали для няни карманы урюкомъ, изюмомъ-миндальными орѣхами... а няня, считая, что господское добро пойдетъ господамъ же, то есть намъ же при случаѣ, только въ претворенномъ видѣ, и правильно полагая, что у самихъ себя похитить нельзя—охотно принимала эти приношенія. Няня получала полтора рубля или, по ея счету, три рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ... Полтора рубля!—это ни на что не похоже! Но тутъ ужъ ничего не подѣлаешь... Мать неумолима, а у насъ самихъ было только по четыре рубля въ годъ: по рублю къ рождеству, къ пасхѣ, именинамъ и рожденію. Папочка, вообще щедрый и расточительный, кажется, считалъ нужнымъ, чтобъ мы учились, что денежка счетъ любитъ.....

Такъ-то мы росли, да росли, и не переставали любить няню. Да что мы! мы были всетаки молодежь, дѣти... а ей оказывалъ почтеніе и дядюшка, ея прежній питомецъ, а нынѣ мировой судья и земскій дѣятель, будущій членъ Земскаго Собора, если доживемъ до него... Каждый разъ, когда дядя бывалъ у насъ, передъ отъѣздомъ онъ говорилъ: „надо сходить къ нянѣ“, и поднимался на верхъ, поскрипывая сапогами, которые пищали подъ его тучнымъ тѣломъ. Дядя входилъ въ нянину комнату, здоровался и, грузно опускаясь на желтый сундукъ, начиналъ разговоръ о погодѣ, объ урожаѣ и о ломотѣ, которой страдала няня; а не то о новыхъ временахъ, чтобъ подзадорить ее къ ѣдкой критикѣ „карнолиновъ“ и прочихъ модъ или къ выраженію негодованія, что теперь и горничныя держатъ себя такъ, что „веретеномъ—хвостъ“. Затѣмъ дядя говорилъ: „а нельзя ли, Наталья Макарьевна, табачку понюхать?“

Ничѣмъ нельзя было больше угодить нянѣ; ея лицо свѣтлѣло, она вынимала изъ кармана серебряную табакерку, подарокъ дѣдушки, и, ударивъ двумя пальцами по крышкѣ, подносила ее дядѣ, а тотъ, взявъ крохотную щепотку, съ серьезнымъ видомъ важнаго дѣла начиналъ вдыхать табакъ то правой, то лѣвой ноздрей, а затѣмъ раздавалось богатырское „а...а...ччхи!“ точь-въ-точь какъ здѣсь для нашего увеселенія чихаетъ одинъ товарищъ. Нѣсколько рукъ со смѣхомъ протягивались затѣмъ къ табакеркѣ; мы брали всѣ по понюшкѣ и тогда-то поднималось такое радостное и разнообразное „а...ччхи“... „чххи...“, что, какъ говорится, стѣны дрожали... Дядя, поднявъ брови, смотрѣлъ поверхъ очковъ съ комически-удивленнымъ видомъ на племянниковъ, а няня, засланивая табакерку, прятала ее въ карманъ, говоря не то ласково, не то съ укоромъ: „озорники!“ послѣ чего дядя прощался, и церемоніальнымъ маршемъ всѣ спускались внизъ.

Черезъ годъ послѣ моего выпуска изъ института умеръ отецъ, и мать переѣхала въ губернскій городъ, гдѣ былъ купленъ домъ. Няня уѣхала со всѣми и жила на прежнихъ основаніяхъ, ежегодно пріѣзжая на лѣто въ деревню. Потомъ, когда я съ сестрой отправились учиться за границу, а братья должны были поступить въ высшія учебныя заведенія,—вмѣстѣ съ ними перебралась въ Петербургъ и мать. Но няню оставили въ деревнѣ, подъ предлогомъ смотрѣть за хозяйствомъ, на самомъ же дѣлѣ по денежнымъ разсчетамъ, не находя возможнымъ дать ей въ Петербургѣ прежнія удобства и возить ее каждое лѣто въ деревню и обратно.

Осталась няня въ деревнѣ и затосковала... Обидно да и скучно было ей... вѣдь любила же она всѣхъ насъ и цѣлую долгую жизнь провела неразлучно... А тутъ одиночество... И погибла няня. Быть можетъ, ужъ пора было ей сложить свои косточки; а можетъ быть, погибла она, какъ погибаетъ старый, хрупкій мохъ, который живетъ, пока лѣпится на стѣнѣ, хотя она и совсѣмъ голая и какъ-будто ничего не даетъ ему,—а отколупнешь его—посохнетъ мохъ и умретъ...

Осталась няня жить во флигелѣ съ семьей прикащика. Прикащикъ былъ отличный человѣкъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ моего дѣдушки и жена его тоже бывшая наша крѣпостная... семья у нихъ была большая, и няня считалась ихъ родственницей, потому ли, что крестила дѣтей у нихъ („крестная"—почтенное и близкое родство въ глазахъ людей, болѣе простодушныхъ, чѣмъ мы), или потому, что всѣ они были крѣпостными одного барина... Въ первую же зиму няня простудилась, схватила горячку или воспаленіе какое-то. Лѣчили ли ее—не знаю. Вѣрно, нѣтъ! Гдѣ тамъ, въ деревнѣ, докторовъ звать... ближе 20 верстъ и фельдшера-то нѣтъ! Заболѣла няня, а на душѣ у нея была одна мысль о насъ. Въ

бреду она вскакивала съ постели, радостно махала руками и съ крикомъ: „господа пріѣхали! господа пріѣхали!“ рвалась въ одной рубашкѣ, съ босыми ногами къ выходной двери. Ее схватывали, укладывали... она сопротивлялась и кричала: „что-жъ вы не встрѣчаете? что-жъ вы не встрѣчаете ихъ?! Развѣ не слышите: чу! колокольчикъ... Пріѣхали! пріѣхали!..“ и снова рвалась и металась... Такъ съ этими словами: „пріѣхали! господа пріѣхали!“ и умерла она.

Когда я возвратилась изъ-за границы, то съѣздила въ деревню, чтобъ повидаться съ дядей, котораго всегда любила, и посмотрѣть на родное пепелище. Я пріѣхала съ женой дяди и, пока она говорила съ прикащикомъ о хозяйствѣ, обошла домъ и садъ. Все было пусто и уныло. Мышь пробѣжала торопливо по полу комнаты, въ которой я присѣла на минуту... всѣ углы были заткапы паутиной... Въ саду прудъ, по которому я изъ шалости и на зависть братьямъ и сестрамъ когда-то плавала въ корытѣ, вооружась лопатой вмѣсто весла, заросталъ травой, и въ немъ пропала рыба: „за отсутствіемъ ловцовъ“, какъ говорила мать. Тетка торопила ѣхать къ нимъ, быть можетъ, для того, чтобъ сократить для меня тяжелое впечатлѣніе, которое всегда оставляетъ опустѣлый домъ, который мы видѣли когда-то оживленнымъ. Я попросила заѣхать на кладбище, которое было въ сторону отъ дороги. Тамъ я вышла изъ экипажа, перепрыгнула канавку, отдѣляющую деревенскій погостъ отъ луга, по которому иногда прогоняется стадо. Чугунная рѣшетка и крестъ стояли на могилѣ отца, а рядомъ лежала тетка и тутъ же няня... Невысокая полевая трава покрывала могилу... двѣ—три березки бѣлѣли своими тонкими стволами, и молодые, блестящіе листики трепетали въ лучахъ заходящаго солнца...

И повѣришь ли: изъ трехъ могилъ—самой дорогой была могила няни.

ЕВГ. ТАРАСОВЪ.

ЧЕРНЫЙ СУДЪ.

ЧЕРНЫЙ СУДЪ.

I.

Пугливо вздрогнулъ мостъ подъемный.
Часы собора полночь бьютъ.
Во тьмѣ оконченъ черный судъ
И скрытъ надежно ночью темной.
Минуетъ ночь—рукой наемной
Святую женщину убьютъ.

Боязнь во взорахъ ихъ чернѣла,
Надъ ними рѣялъ блѣдный страхъ,
Когда въ ослѣпнувшихъ стѣнахъ
Они свершили злое дѣло.
Она одна не поблѣднѣла—
Ихъ обреченный на смерть врагъ.

Не надо словъ—теперь безплодныхъ.
Упреки, просьбы, слезы?—Прочь!
Никто не въ силахъ ей помочь,
Она вдали отъ всѣхъ свободныхъ.
Она во власти стѣнъ холодныхъ.
Предъ нею—смерть и съ нею—ночь.

II.

Чернѣетъ островъ въ дымкѣ мутной,
Молчитъ молчаньемъ гробовымъ,
И тѣни носятся надъ нимъ,
И съ ними бродитъ ужасъ смутный.
Но тихъ покой ея минутный
Передъ покоемъ вѣковымъ.

Сейчасъ за сумрачной рѣшеткой
Блеснутъ разсвѣтные лучи.
Заплачутъ звонкіе ключи.
Все ближе, ближе. Мигъ короткій—
И къ жертвѣ медленной походкой
Войдутъ нѣмые палачи.

На плитахъ ляжетъ свѣтъ заемный.
Рѣка застынетъ въ серебрѣ.
На многовидѣвшемъ дворѣ
Угрюмо встанетъ призракъ темный.
Ея враги рукой наемной
Ее задушатъ на зарѣ.

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

КОРОЛЬ.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Семенъ Юшкевичъ. Король.

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, Ив. П. Ладыжникову, по слѣдующему адресу:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow".

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДАВИДЪ ГРОСМАНЪ, владѣлецъ мельницы.
ЭТЕЛЬ, его жена.
АЛЕКСАНДРЪ, студентъ.
ЖЕНЯ.
МАША.
ПЕТЯ, гимназистъ.
} Ихъ дѣти.
ЯКОВЪ РОЗЕНОВЪ, врачъ, мужъ Жени.
ВАЙЦЪ, репетиторъ Пети. Живетъ у ГРОСМАНА.
ГЕРМАНЪ, управляющій на мельницѣ.
Горничная.
ЭРШЪ, портной.
РОЗА, его жена.
МИРОНЪ.
БЕТЯ.
НАХМАНЪ.
} Ихъ дѣти. Рабочіе.
ШМИЛЬ, сапожникъ. Живетъ у Эрша.
МАНЯ, сестра госпожи Гросманъ.
АБРАМЪ, мужъ ея.
ЧАРНА, сосѣдка Эрша. Старуха.
ДАВИДКА.
ІОСЬКА.
АРНЪ.
ЯКОВЪ.
СТЕПАНЪ.
} Рабочіе на мельницѣ Гросмана.

Рабочіе, служащіе на мельницѣ, сосѣди, сосѣдки.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Столовая въ домѣ Гросмана. Большая, просторная комната. Четыре окна на улицу, балконъ. Посреди длинный, дубовый столъ. Вдоль стѣнъ дубовые стулья съ высокими спинками. Надъ столомъ виситъ тяжелая бронзовая лампа. Двѣ двери: направо и налѣво. Дверь съ лѣвой стороны ведетъ въ кабинетъ Гросмана, а съ правой въ другія комнаты. Съ правой же стороны колоссальный буфетъ и стѣнныя часы въ деревянномъ футлярѣ. Нѣсколько картинъ—копій въ большихъ золоченыхъ рамахъ. У стѣны слѣва широкій кожаный диванъ съ высокой спинкой. Изъ оконъ видно море. Нѣсколько ближе вырисовывается большое зданіе мельницы съ высокой трубой посрединѣ. На диванѣ сидятъ Этель Гросманъ съ Женей. Этель высокая женщина въ пеньюарѣ. Въ ушахъ бриллiантовыя серьги. На пальцахъ масса колецъ. Женя, высокая, стройная. Держитъ на колѣняхъ раскрытую книгу. Говоритъ всегда напыщенно. Ея жесты вульгарны...Голосъ крикливый, манерный...

ЭТЕЛЬ. Я и вчера говорила и сегодня говорю одно и то же: не надо было бросать дома.

ЖЕНЯ. Я не могла болѣе терпѣть...

ЭТЕЛЬ. Что значитъ, Женичка, не могла? Я не понимаю, что значитъ—не могла. Если надо,—то надо. Сегодня или завтра въ городѣ узнаютъ объ этомъ и о насъ начнутъ говорить. Всѣ злорадно скажутъ: дочь Гросмана бросила своего мужа. Отецъ вѣдь, слава Богу, имѣетъ враговъ.

ЖЕНЯ. Но я же тебѣ говорю, мама, что не могла больше тянуть эту жизнь. Вставать по утрамъ и видѣть его заплывшіе глаза, его хищный ротъ...

ЭТЕЛЬ (перебиваетъ). По моему, Яковъ красивый мужчина.

ЖЕНЯ. Чувствовать его грубость во всемъ: въ словахъ, въ тайныхъ мысляхъ, во вкусахъ; знать, что самый мозгъ его зараженъ пошлостью, и все-таки жить съ нимъ, стало невозможнымъ. Я случайно узнала о его связи съ моей бонной... Подумай, на кого онъ меня промѣнялъ? На какую-то грязную служанку! Я даже не страдала... отъ гордости. (Понизила голосъ) Но это, мама, еще не все.

ЭТЕЛЬ (со страхомъ). Что же еще?

ЖЕНЯ (съ отвращеніемъ). Онъ сталъ биржевикомъ! Биржевикомъ! Въ моемъ домѣ появились какіе-то странные, неопрятные люди... У него замѣтно уменьшилась практика. Больные вѣдь все замѣчаютъ... По-

думай только, мама, кто началъ заниматься этимъ грязнымъ дѣломъ. Докторъ, интеллигентъ! Вѣдь это ужасно! (Подноситъ платокъ къ глазамъ)

этель. Ему захотѣлось разбогатѣть.

женя. Я все скрывала отъ васъ. Съ перваго дня моего замужества онъ далъ мнѣ почувствовать въ чьихъ рукахъ моя судьба, мое достоинство. Онъ безконечно грубъ, циниченъ. Онъ равнодушенъ ко всему прекрасному, идеальному...

этель. Почему же ты не пришла къ своей матери и не разсказала?

женя. Случалось я по недѣлямъ не выходила изъ своей комнаты. Сидѣла и спрашивала себя: зачѣмъ же я училась въ гимназіи? Вѣдь я объ университетѣ мечтала. Нѣтъ, я не буду плакать... Я была такъ молода, когда выходила замужъ... Мнѣ нравилось быть взрослой, мнѣ хотѣлось, чтобы считались съ моими словами, я жаждала свободы! (Вытираетъ платкомъ глаза. Напыщенно) Свободы!

этель (мрачно). Всѣ думаютъ, что если человѣкъ очень богатъ, то онъ счастливъ!

женя. Счастливъ! О, мама! Я бы отдала всѣ свои брилліанты, свою квартиру за простую комнатку, лишь бы быть въ ней съ человѣкомъ, котораго уважаешь. У меня трое дѣтей. Они выростутъ и у нихъ будутъ хищные рты. Они станутъ биржевиками. (Встаетъ) Никогда я не вернусь къ нему, никогда! (Подходитъ къ окну и выглядываетъ на улицу) Какъ здѣсь красиво. (Вздыхаетъ) Вотъ море, мельница...

этель. Я заставлю отца переговорить съ Яковомъ. Ты знаешь, отецъ не любитъ этихъ дѣлъ, но я его заставлю.

женя (машетъ рукой). Не надо! Вчерашнее для меня стало прошлымъ.

этель (недовольно). Вотъ это нехорошо, Женичка.

Поссорились, — помиритесь! Мнѣ развѣ не случалось ссориться съ отцомъ? Но я знаю, когда уступить и когда стать вотъ такъ, и — какъ онъ ни богатъ — сказать ему: этого не будетъ Давидъ!.. Уйти отъ мужа! А палками меня бы выгнали изъ своего дома? Что ты будешь у насъ дѣлать? Смотрѣть на стѣны или слушать разговоры о томъ, что на мельницѣ рабочіе забастовали. Мы сами умѣемъ слушать. Подумать изъ-за чего? У мужа любовница! Пусть любовница. Какой мужъ не имѣетъ любовницъ? Что дѣлаетъ жена? Беретъ любовницу за косу, выбрасываетъ ее вонъ и конецъ. Что же еще? Онъ сталъ играть на биржѣ. Какое несчастье! Но ради кого онъ это дѣлаетъ? Ради тебя же. Больше денегъ,—больше платьевъ, больше брилліантовъ. Перестань, дурочка. Ты-то гони его отъ себя, пусть онъ и постоитъ на колѣняхъ передъ тобой, этотъ разбойникъ, но въ душѣ ты должна знать, что поѣдешь домой. (Умолкаетъ) Женичка...

Женя. Довольно, мама. Говорить такъ, значитъ не знать, что въ моей душѣ, что держу затаеннымъ въ мысляхъ.

(Этель удивленно разводитъ руками. Дверь справа медленно пріоткрывается и въ ней на мигъ появляется голова Эрша, потомъ скрывается)

Этель. Кто это тамъ? Кажется, Эршъ? Женичка, пришелъ чужой...

(Дѣлаетъ ей знаки. Женя подходитъ къ окну, опирается о подоконникъ и мечтательно смотритъ на мельницу. Опять показывается голова Эрша. Онъ осторожно открываетъ дверь и останавливается на порогѣ. Въ рукѣ у него узелъ. Кланяется, заискивающе улыбается, но не рѣшается переступить дверей)

Эршъ. Здравствуйте... (Кланяется) Здравствуйте!

Этель. Войдите же, Эршъ. Вы принесли шубу?

Эршъ. Я принесъ шубу.

Этель (невнятно, скороговоркой къ Женѣ). Видишь, кто

шьетъ отцу? Все тотъ же Эршъ. А почему? Потому что онъ шьетъ дешево. Мы сами когда-то были бѣдны и знаемъ, что деньги не валяются на улицахъ. Почему же не простить Якову? Пусть дѣлаетъ все, что хочетъ, лишь бы хорошо заработывалъ. Войдите же, Эршъ. Сколько разъ васъ нужно просить?

ЭРШЪ (входитъ прихрамывая). Вотъ я уже вошелъ. Господинъ Гросманъ дома?

ЭТЕЛЬ. Давидъ дома, но онъ теперь занятъ. О забастовкѣ вы вѣдь знаете? Вотъ онъ и сидитъ съ Германомъ въ кабинетѣ и работаетъ. Хорошія времена наступили, Эршъ,—нечего сказать.

ЭРШЪ. Ну, я подожду. Что, у меня времени нѣтъ? Имѣю время. (Замѣтилъ, что Женя смотритъ на него) Здравствуйте.

ЖЕНЯ (неохотно). Здравствуйте!

ЭТЕЛЬ. У васъ есть время, Эршъ, а мнѣ жалко человѣка. Я всегда жалѣю рабочаго человѣка. Пойду и посмотрю, что дѣлаетъ Давидъ.

ЭРШЪ. Нѣтъ, нѣтъ... Къ чему? Имѣю время. Я васъ прошу—не безпокойте ихъ. Это же человѣкъ! Такія дѣла, и вдругъ Эршъ съ своей шубой. Я васъ прошу. Они разсердятся, я потеряю языкъ, а шуба вѣдь не скажетъ, что она хорошо сшита. Вотъ я уже выхожу въ переднюю, уже сижу тамъ и уже никто не знаетъ, что я пришелъ...

ЭТЕЛЬ. Такъ посидите здѣсь (Указываетъ ему мѣсто въ углу)

ЭРШЪ (твердо). Могу постоять...

(Садится и старается сдѣлать видъ, что его нѣтъ въ комнатѣ. Этель переходитъ комнату и усаживается на стулѣ у лѣвой стѣны. Небольшая пауза)

ЭРШЪ. Будетъ холодная зима... уже будетъ зима...

ЖЕНЯ (вскользь). Если бы можно было уѣхать отсюда.

ЭТЕЛЬ. Разскажите лучше, что въ городѣ слышно, Эршъ? Тихо? Вы же должны все знать... Вотъ я выѣзжаю. Если Давидъ очень хочетъ, я сажусь въ свою карету и выѣзжаю. Но что можно изъ кареты видѣть

или слышать? Вотъ когда Давидъ работалъ на сахарномъ заводѣ...

ЭРШЪ (перебиваетъ. Когда говоритъ, встаетъ). Что значитъ? Развѣ я не помню, когда господинъ Гросманъ работали на сахарномъ заводѣ? Сколько разъ они у меня закусывали, когда возвращались съ работы. Спросите-ка у нихъ? Я тогда былъ молодъ и они были молоды...

ЭТЕЛЬ. Объ этомъ, Эршъ, нужно уже забыть. Работалъ? Пусть работалъ. Но не кралъ, никого не ограбилъ. Былъ человѣкомъ, скопилъ деньги и купилъ мельницу. Развѣ у того же хозяина другіе не работали вмѣстѣ съ нимъ? А что они? Гдѣ они? Кто любитъ деньги, тотъ умѣетъ дѣлать деньги. Купилъ мельницу, потомъ перестроилъ ее, потомъ сломалъ и выстроилъ эту. Что же вы разсказываете, что онъ у васъ закусывалъ Вы хотѣли, вы угощали... А онъ и тогда не нуждался...

ЭРШЪ (садясь). Я ничего этимъ не думалъ.

ЭТЕЛЬ. Я не говорю, что вы думали. Еще думать, что вы думали. Перестаньте! Такъ тогда, Эршъ, когда онъ еще работалъ на сахарномъ заводѣ, я обо всемъ знала, что дѣлалось въ городѣ. Обо всемъ.—И кто женится и кто развелся, и кого убили; а теперь я ничего не знаю.

ЖЕНЯ. Зачѣмъ, мама, такъ много говорить?

ЭТЕЛЬ. Почему много? Это вѣдь Эршъ. Не учи меня. Я сама знаю, съ кѣмъ и какъ, и сколько надо говорить.

ЭРШЪ (хочетъ угодить обѣимъ. Всталъ). Я ничего не слышалъ. Эршъ слышитъ? Много онъ можетъ услышать, когда вотъ здѣсь бьется, а тутъ дрожитъ... Я бы, кажется, пушки не услышалъ, если бы она даже выстрѣлила возлѣ моего уха.

ЭТЕЛЬ. Такъ. (Киваетъ увѣренно головой) Значитъ, вы хотите сказать, что очень плохо?

ЭРШЪ (всталъ). Плохо. Это тоже называется словомъ? Сидишь и шьешь. Шьешь? А что же дѣлать? Танцовать? Но гдѣ душа? Не о чемъ говорить...

ЖЕНЯ (заинтересованная). Разскажите, Эршъ.

ЭРШЪ. Считайте, что я разсказалъ. Такъ уже легче? И какое другое дѣло есть, какъ не бить еврея? Это какіе-нибудь люди? Это же звѣри! И теперь идетъ уже не на шутку. Теперь насъ всѣхъ вырѣжутъ. Что? Вы спрашиваете, какъ еврей не убѣгаетъ? Вотъ такъ онъ не убѣгаетъ. Куда ему бѣжать? Въ землю? въ Америку? къ Герцлю? Да, да, можно поблагодарить войну.

ЭТЕЛЬ. Чѣмъ война виновата?

ЭРШЪ. А кто же виноватъ? Я?..

ЭТЕЛЬ. Разсказывайте, Эршъ. Ну, ну! Смотрите, какъ у меня похолодѣли руки. Они стали холодны, какъ ледъ. Обо всемъ могу слушать, но когда услышу объ евреяхъ, у меня стынетъ кровь...

ЭРШЪ. Что же еще сказать? Я уже все сказалъ. А дома я молчу? Говорю... Ну, такъ говорю! Много это помогаетъ. Сижу со своей женой и толкую: еврей долженъ сидѣть тихо. Богъ, — евреи!.. Что же они дѣлаютъ? Что они дѣлаютъ? И что это за бомбы, я васъ спрошу? Бомбы намъ нужны? Спрячьтесь въ норы и пусть вашего носа не увидятъ, когда въ странѣ такое происходитъ. Я кричу: евреи, сидѣть тихо! Зачѣмъ намъ эти демократы, эти оборванцы мальчишки, дѣвченки, эти книжки? Они хотятъ биться головой о стѣнку, пусть стѣнка бьетъ ихъ назадъ... Имъ нужна революція, пусть они и цѣлуются съ нею. А вы, оборванцы, влѣзьте въ свои норы и затаите дыханіе... (Замѣтилъ, что сталъ очень развязнымъ, и оборвалъ)

ЖЕНЯ (вскользь). Какой-то проклятый народъ, эти евреи. Скорѣе бы уже всѣхъ перерѣзали.

ЭТЕЛЬ. Что же будетъ?

ЭРШЪ. Вы хотите, чтобы я сказалъ, что будетъ. Хорошо попали! Ну хорошо, я скажу... Будутъ рѣзать. Даже два раза переспрашивать не надо.

(Входитъ Петя, 15-лѣтній гимназистъ съ собакой. Одѣтъ съ иголочки. Нетерпѣливый голосъ. Держится гордо)

ПЕТЯ. Мама, дай мнѣ десять рублей. Байронъ, сюда! Кушь, ложись!

ЭТЕЛЬ (съ любовью оглядываетъ его). Зачѣмъ тебѣ, Петенька, десять рублей?

ПЕТЯ. Стану я разсказывать. (Возится съ манжетомъ) Проклятая запонка. Если я говорю, что мнѣ нужно десять рублей, значитъ, мнѣ не нужно двадцати. Байронъ! Байронъ, сюда!

ЖЕНЯ. Не понимаю, зачѣмъ мальчику могутъ быть нужны десять рублей?

ЭТЕЛЬ. Конечно, Петенька. Въ среду ты взялъ у меня пять рублей. Вчера тоже пять. Я вѣдь не жалѣю денегъ. Но деньги вѣдь отецъ выдаетъ, а я не получаю у него тысячъ на недѣлю. Нѣтъ, нѣтъ, Петенька. Если бы отецъ узналъ, что я даю тебѣ столько денегъ, онъ бы меня убилъ. Возьми, Петенька, два рубля.

ПЕТЯ. Отецъ, деньги!.. Ты всегда строишь изъ себя нищую, когда я прошу у тебя денегъ. И не хочу я, чтобы Женька вмѣшивалась. Какое ей дѣло? Сама тратитъ сотни на тряпки...

ЖЕНЯ. Никогда я не тратила сотенъ на платья.

ПЕТЯ. И почему она здѣсь поселилась? Теперь она будетъ во все вмѣшиваться. Байронъ! Байронъ! Пусть вернется къ своему милому мужу.

ЭТЕЛЬ. Петя, Петенька! Здѣсь вѣдь чужой человѣкъ.

ПЕТЯ. Хоть бы сто чужихъ было. Что правда, то правда. Я самъ былъ при томъ, когда она заплатила портнихѣ сто двадцать рублей за платье.

ЭТЕЛЬ (разсмѣялась). Ну, и на здоровье. Мужъ заработалъ и купилъ ей. Дай Богъ, чтобы онъ могъ купить ей платье въ тысячу рублей. Петенька, возьми же два рубля. Возьми. Теперь на мельницѣ забастовка.

ПЕТЯ. Знаю, знаю. Вы всегда вздыхаете. То цѣна

на муку упала, то пшеница вздорожала, то забастовка. А касса полна денегъ. Я былъ вчера въ кабинетѣ и видѣлъ, какую кучу денегъ папа вложилъ въ кассу. Трудно вамъ дать десять рублей. И не хочу я разговаривать съ вами объ этомъ, я уже взрослый и у меня большія потребности. Папа платитъ десять рублей за сотню сигаръ, а я вѣдь не говорю, чтобы онъ курилъ сигары въ два рубля.

ЭТЕЛЬ. Но зачѣмъ тебѣ столько денегъ? Дорогой мой, вѣдь я боюсь. Подумай—десять рублей! Петенька, сыночекъ, возьми три рубля.

ЖЕНЯ. Богъ знаетъ, что изъ него выйдетъ.

ПЕТЯ. Какое тебѣ дѣло? Что изъ тебя вышло? Училась, училась, и вышла замужъ за толстоносаго доктора. Хорошая карьера! А вотъ изъ меня что-нибудь выйдетъ. Я не буду вѣчно возиться съ рабочими, какъ Сашка. Я буду инженеромъ, папа дастъ мнѣ денегъ Открою фабрику и покажу всѣмъ, кто я.

ЭТЕЛЬ. Ну, Эршъ? Какъ ему не дать десяти рублей? Что скажете на моего сыночка? (Подходитъ къ Петѣ и цѣлуетъ его) Петенька, возьми пять рублей. Ну, для меня. Ты вѣдь любишь свою мать.

ПЕТЯ (холодно). Десять.

ЖЕНЯ (съ досадой).Ты его губишь, мама.

ЭТЕЛЬ (вынимаетъ деньги изъ кошелька). Уже погубила? Посмотрите на этого погубленнаго мальчика. Онъ бѣдненькій пьянствуетъ, лазитъ по карманамъ.

(Разсмѣялась. Цѣлуетъ его. Эршъ подобострастно улыбается)

ПЕТЯ (вытираетъ платкомъ губы). Всегда ты цѣлуешь прямо въ губы. Можно и въ щеки цѣловать.

ЭТЕЛЬ (смѣется). Что скажете на моего послѣдненькаго, Эршъ? (Даетъ ему деньги)

ЭРШЪ. Скажу,—дай Богъ всѣмъ имѣть такихъ хорошихъ, красивыхъ дѣтей, какъ вашъ Петя. Ахъ, ма-

дамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! Почему одни счастливы и богаты, а другіе несчастны и бѣдны? Положимъ, я уже хорошо спросилъ. За такіе вопросы честные люди не должны меня впускать въ свой домъ. Но я вѣдь пришелъ оттуда. (Указываетъ пальцемъ на окно) Вотъ тамъ за моей спиной, что-то плачетъ, что-то мучается. Мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! Вѣдь это же наши братья—евреи! Потрудитесь и зайдите когда-нибудь къ намъ. Вотъ изъ окна видно, гдѣ мы живемъ, и эти руины говорятъ, какъ мы живемъ.

ЭТЕЛЬ. Я сама вышла оттуда.

ЭРШЪ. Вы забыли... Но вѣдь это же наши братья, вотъ что я хочу сказать. Почему ругать ихъ, если они бросили работу? Кто соглашается голодать отъ радости? Ахъ, мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! А плачъ этихъ святыхъ еврейскихъ женщинъ и этихъ бѣдныхъ дѣтей? И холодъ и скорби и нищета! Кто эти трое, что ходятъ въ нашихъ домахъ?

ЭТЕЛЬ (холодно и строго). А кто велѣлъ имъ бросить работу? Что вы говорите, Эршъ? Вѣдь я могу подумать, что у васъ въ головѣ нехорошо, или что васъ подкупили! Какъ? Бороться съ Гросманомъ? Кто хочетъ бороться? Оборванцы, нищіе! Развѣ Гросманъ не былъ отцомъ всѣмъ рабочимъ на мельницѣ? Или вы такъ глупы, что думаете, забастовка намъ пользу приноситъ? Или вамъ нужно растолковать, что она насъ разоряетъ? Перестаньте, Эршъ. Пусть стонутъ. И скорби, и голодъ и нищета... Такъ имъ и слѣдуетъ.

ЭРШЪ (уныло). Такъ, я уже не говорю. Конецъ. Я уже всего добился. Конецъ.

ПЕТЯ. А когда вы, Эршъ, отрѣжете свою противную бороду?

(Подходитъ къ нему, дергаетъ его за бороду и смѣется. Эршъ подобострастно улыбается и несмѣлыми жестами пытается освободить ее)

эршъ. Будьте здоровы. Зачѣмъ мнѣ срѣзать бороду? Я уже красивый.

петя. А вотъ я вамъ отрѣжу кусокъ бороды. Мама, дай мнѣ ножницы.

эршъ. Вы шутите, Петенька. Кому нуженъ кусочекъ еврейской бороды?

этель. Петенька! Ну, что ты скажешь, Женя? Перестань же!..

петя. А я хочу! Непремѣнно евреямъ нужна вотъ такая борода. Оттого и мальчишки кричатъ намъ на улицѣ: ты—жидъ!..

эршъ. Такъ кричатъ! Пусть кричатъ. А я смѣюсь надъ ними и иду своей дорогой. Я вѣдь знаю, кто правъ. Отпустите бороду, я васъ прошу.

петя (съ отвращеніемъ). Противный народъ евреи. Байронъ, сюда!

(Быстро выходитъ. Эршъ скорбно смотритъ ему вслѣдъ; вздыхаетъ)

этель. Не обижайтесь на него. Вѣдь онъ еще мальчикъ. Выростетъ и станетъ хорошимъ евреемъ, какъ всѣ мы.

эршъ. Конечно, конечно, мадамъ Гросманъ. Теперь онъ еще немножечко дикій. Пусть живетъ и ростетъ счастливымъ.

(Изъ комнаты слѣва доносятся голоса; одинъ громкій, хрипловатый, другой высокій теноровый)

этель. Вотъ и Давидъ. Развяжите узелъ. Онъ не любитъ ждать.

(Входитъ Гросманъ и Германъ. Гросманъ высокій, плотный человѣкъ. Борода клиномъ, низко подстрижена. На пальцахъ массивныя кольца. Тяжелая цѣпь на жилетѣ. Куритъ сигару. Германъ бритый, низенькій, толстый)

гросманъ. Повторяю еще разъ, Германъ, что всему виной вы. Не возражайте же.

германъ (робко). Я не возражаю.

ГРОСМАНЪ. Молчите же. Во всемъ вижу вашу вину. Но на этотъ разъ я прощаю. Не будемъ спорить: рабочій распустился! Теперь уже нѣтъ того рабочаго, который былъ прежде. Но но, но и но! Вы своей политикой совсѣмъ испортили ихъ.

ГЕРМАНЪ. У меня была хорошая политика. Я думалъ...

ГРОСМАНЪ (рѣзко). Вы думали! Не нужно было думать, а дѣлать... Съ рабочими можетъ быть только одна политика: строгость и строгость. Закапывать ихъ въ землю. Гдѣ же была ваша строгость? Вы, управляющій, способны были зазывать рабочаго въ контору и тамъ съ нимъ разговаривать. Я бы его позвалъ въ контору? Онъ бы у меня увидѣлъ контору? Эта политика стоила мнѣ въ прошломъ году десять процентовъ прибавки. Я сказалъ бы прямо, что вы меня разоряете. (Къ Этель, которая подошла къ нему и потянула за рукавъ) Что такое?

ЭТЕЛЬ. Давидъ, Эршъ здѣсь. Онъ принесъ тебѣ шубу.

ГРОСМАНЪ (сердито). Какой Эршъ, какая шуба? Значитъ, я долженъ бросить всѣ дѣла ради какой-то шубы? Пусть подождетъ...

ЭТЕЛЬ (робко). Ну, не сердись. Я думала, что можно. Эршъ уже давно ждетъ тебя.

ГРОСМАНЪ. Такъ еще подождетъ. Городъ не горитъ.

ЭРШЪ (тихо). Конечно, Эршъ подождетъ. Что значитъ? (Осторожно выходитъ)

ГЕРМАНЪ. Вы ударили меня прямо по головѣ. Я вамъ служу вѣрно. Что же я дѣлалъ? Правда, иногда я бывалъ мягокъ. Но развѣ изъ любви къ нимъ? Я дѣлалъ все, чтобы расположить ихъ къ намъ. Если я выдавалъ имъ подъ праздникъ впередъ за работу, или зимой отпускалъ уголь по своей цѣнѣ, то не для того

ли, чтобы они были покорны? Я былъ строгъ всегда и рѣдко добръ. Но то, что теперь происходитъ, идетъ помимо насъ. Теперь уже нельзя испугать рабочаго...

ГРОСМАНЪ (съ силой). Можно.

ГЕРМАНЪ. Въ странѣ революція...

ГРОСМАНЪ. Это насъ не касается. Развѣ люди уже перестали жить? Лавки торгуютъ, люди кушаютъ. Задайте имъ революцію, если они этого хотятъ. Покажите, какъ можно подкупить рабочаго. У насъ есть средства. Уступокъ на этотъ разъ, Германъ, не будетъ. Никакихъ прибавокъ, никакого восьмичасового дня. Никакой врачебной помощи и другихъ глупостей.

ГЕРМАНЪ. Мои люди уже работаютъ. Но рабочіе теперь просто съ ума сошли.

ГРОСМАНЪ. Мы ихъ вылѣчимъ. Подойдите-ка сюда. (Отводитъ его въ сторону) Распустите слухъ, что я очень озлобленъ на рабочихъ и хочу остановить мельницу. Понимаете? Мозги у васъ имѣются въ головѣ?

ГЕРМАНЪ (покорно). Имѣются.

ГРОСМАНЪ. Не моргайте же глазами. Поговорите съ русскими рабочими и обѣщайте имъ что-нибудь. Надо напоить ихъ... А съ еврейскими рабочими не церемоньтесь. Что у васъ за противная привычка моргать, когда съ вами говорятъ. Приведите завтра ко мнѣ двухъ—трехъ... Я самъ съ ними поговорю..

ГЕРМАНЪ. Уже иду и уже начну, какъ вы приказали. (Голосъ его становится молящимъ) Господинъ Гросманъ я вѣдь служу вамъ хорошей палкой. Вы, можетъ быть, думаете, что рабочіе любятъ меня? Боятся моего духа. Сколько разъ эти руки били рабочихъ ради вашихъ интересовъ? А убить меня не хотѣли? Вы же все знаете. Господинъ Гросманъ—я не виноватъ...

ГРОСМАНЪ. Ну, ну, ступайте. Я васъ знаю. Ступайте и помните, что за эти пять дней я уже потерялъ три тысячи. (Германъ удаляется, Гросманъ опять зоветъ

его) Я раздумалъ. Ступайте на мельницу и подождите меня. Позовите Степана и Петра. (Думаетъ) Ну, ступайте! Я уже самъ распоряжусь. Я только закушу и сейчасъ буду тамъ.

ГЕРМАНЪ. Уже иду. (Выходитъ)

ГРОСМАНЪ (ходитъ по комнатѣ). Я его заставлю танцовать на канатѣ. Онъ дѣйствительно не виноватъ, но всѣхъ ихъ чертей нужно въ рукахъ держать.

ЭТЕЛЬ. Конечно. Они всѣ готовы утопить насъ въ ложкѣ воды. Германъ, навѣрное, хотѣлъ бы, чтобы ты служилъ у него управляющимъ, а не онъ у тебя.

ГРОСМАНЪ. Пусть хотѣлъ бы! Ты не вмѣшивайся. Молчи! Кто сюда приходилъ?

ЭТЕЛЬ. Эршъ принесъ шубу.

ГРОСМАНЪ. Пусть идетъ къ черту съ шубой. На мельницѣ теряю, теряю, съ домами возня... Шуба мнѣ теперь нужна? Ты говоришь, кто пришелъ? Эршъ? Ага! Ну, хорошо, пусть Эршъ идетъ сюда съ шубой. Онъ мнѣ кстати и нуженъ. Кажется, его сыночка зовутъ Мирономъ?

ЭТЕЛЬ. Кажется. (Выходитъ въ правую дверь)

ГРОСМАНЪ (къ Женѣ). Что подѣлываешь Женичка?

ЖЕНЯ. Я здѣсь только второй день, папа, и уже не помню, какъ я прожила эти четыре года. Все то же самое. Деньги, деньги и деньги...

ГРОСМАНЪ (смѣется). Поѣзжай домой. Я тебя не выгоню, хотя и слѣдовало бы. Впрочемъ, я не вмѣшиваюсь.

ЖЕНЯ. Домой? Никогда! Я лучше повѣшусь

ГРОСМАНЪ (удивленно смотритъ на Женю. Входитъ Этель и Эршъ). Послушай-ка, Этель, что говоритъ твоя дочь! Хорошо, очень хорошо. Дѣйствительно, надо было дать ей въ приданое тридцать тысячъ рублей. Не лучше ли было-бъ на эти деньги купить бумагъ или вложить ихъ въ мельницу? Ну, хорошо. Учите меня, учите. Маша уже такихъ денегъ не получитъ.

ЭТЕЛЬ. Нужно тебѣ слушать, что она говоритъ.

ГРОСМАНЪ. Я голоденъ. Скажи тамъ, чтобы принесли что-нибудь. Сейчасъ пойду въ мельницу. Покажите же шубу, Эршъ.

(Осматриваетъ ее. Этель выходитъ)

ЭРШЪ. Это уже шуба. Это царская шуба.

ГРОСМАНЪ (надѣваетъ шубу). Ну что, Эршъ, дѣлаете деньги? Нѣтъ? По прежнему не хотите? Ой, Эршъ, мы поссоримся съ вами изъ-за этого.

ЭРШЪ. Что же дѣлать, господинъ Гросманъ. Не всѣ вѣдь такіе счастливцы, какъ вы. (Вздыхаетъ) Э, какъ-нибудь до могилы. Извините, здѣсь васъ не жметъ?

ГРОСМАНЪ. Не жметъ..

ЭРШЪ. И здѣсь тоже нѣтъ? (Отступаетъ и оглядываетъ Гросмана) Въ этой шубѣ вы похожи на короля...

ГРОСМАНЪ (бормочетъ). На короля... У васъ, кажется, есть сынъ, Эршъ, и двѣ дочери? Или два сына и одна дочь?

ЭРШЪ. Два сына и одна дочь, господинъ Гросманъ, и всѣ мучаются, всѣ мучаются. Одинъ даже работаетъ у васъ на мельницѣ. Какъ же! Миронъ у васъ работаетъ.

ГРОСМАНЪ (холодно). Можете передать ему, что его-то не примутъ обратно.

ЭРШЪ (вздрогнулъ. Испуганно). Его-то? Что значитъ, его-то?

ГРОСМАНЪ. Значитъ. Будто вы, Эршъ, не знаете. По настоящему я бы не долженъ былъ принять у васъ шубы и самого, просто, выгнать. Какъ? Кормиться моей работой и допускать, чтобы сынъ на моей же мельницѣ устраивалъ забастовки? Какой же вы отецъ? и какой вы человѣкъ? Развѣ вы не могли хорошенько палкой побить его? Вы не могли сказать ему: собака, противъ кого ты бунтуешь? Противъ Гросмана, который всѣхъ насъ кормитъ?

ЭРШЪ (помертвѣвъ). Господинъ Гросманъ, Господинъ Гросманъ...

ГРОСМАНЪ. Вы не могли сказать ему: собака, ты хочешь, чтобы господинъ Гросманъ остановилъ мельницу? Такъ онъ ее остановитъ. Не бойся, собака, остановитъ! Всѣ будете съ голоду дохнуть. Возьмите шубу (Таинственно) И сказать вамъ правду, Эршъ, я окончательно рѣшилъ, если не утихнетъ, остановить мельницу. Спрошу васъ, зачѣмъ мнѣ мельница? Теперь революція, погромы висятъ въ воздухѣ, кто можетъ и кто не можетъ разъѣзжается. Возьму и я свою жену, дѣтей и уѣду въ Европу. Развѣ я съ моими деньгами не могу спокойно жить въ Европѣ?

ЭРШЪ. Вы таки правы, господинъ Гросманъ. Я самъ имъ говорилъ: что вы, евреи, дѣлаете? Кому хотите вы зло сдѣлать? Еврею? Вѣдь намъ евреямъ нужно быть связанными, какъ пальцы на рукѣ. Такъ меня и послушали! Я вѣдь все знаю. Я прошу, я кричу: еврей не долженъ идти противъ еврея. Вѣдь въ этомъ все наше еврейство!

ГРОСМАНЪ (холодно). Не говорите глупостей, Эршъ. Какое еврейство? Я не знаю никакого еврейства. Вы работаете,—я плачу. Вы не работаете,—я не плачу. Вотъ и все еврейство. А если правду сказать, то мнѣ русскіе рабочіе дороже еврейскихъ. Еврей всегда лѣзетъ съ своимъ еврействомъ. Рабочіе должны знать, что я хозяинъ, а они мои слуги...

ЭРШЪ. Вы таки правы, господинъ Гросманъ. Но меня учили, что еврейство есть. Я такъ слышалъ... (Складываетъ шубу) Прошу васъ за моего сына, господинъ Гросманъ. Такое тяжелое время... Прошу васъ за моего сына.

ГРОСМАНЪ (будто не слышитъ). Когда вы принесете шубу?

ЭРШЪ. Черезъ недѣлю или черезъ десять дней. Господинъ Гросманъ, прошу за сына. Хочу хорошее слово услышать.

ГРОСМАНЪ (нарочно кричитъ). Этель, гдѣ же закуска?

(Эршъ смотритъ на него, уныло качаетъ головой. Уходитъ. Входитъ Этель, за ней слѣдуетъ горничная съ большимъ подносомъ на рукахъ)

ЭТЕЛЬ. Это такая рыба! (Хлопочетъ около Гросмана. Обращается къ горничной) Принеси самоваръ.

(Горничная выходитъ. Гросманъ садится у стола, засовываетъ край салфетки за жилетку. Этель садится противъ него, сложила руки на груди, смотритъ, какъ онъ ѣстъ. Подаетъ ему то хлѣбъ, то ножъ, то лимонъ)

ГРОСМАНЪ (сквозь зубы). Ну, а ты?..

ЭТЕЛЬ. Кушай, кушай. Найду, что поѣсть. Не ѣшь такъ быстро. Ты когда-нибудь подавишься! (Онъ кашляетъ) Вотъ ты уже закашлялся. Дай-ка я переберу рыбу. (Онъ молча жуетъ) Дать еще лимона?

ГРОСМАНЪ. Дай лимонъ. Женя, ты не хочешь?

(Она садится у стола и отрицательно киваетъ головой)

ЭТЕЛЬ. Ну, что будетъ?

ГРОСМАНЪ (раздраженно). Не спрашивай меня! Когда я молчу, молчи тоже. Я имъ покажу забастовку. Я изъ нихъ всѣ жилы вытяну, такая это будетъ забастовка. Кто поднялъ носъ? Мироны, Иваны!..

ЭТЕЛЬ. Изъ-за этой смуты всѣ низкіе поднимаютъ носъ.

ЖЕНЯ. Папа!

ГРОСМАНЪ. Я имъ покажу носъ... Подумаешь, что случилось? Мироны и Иваны вздумали отдыхать. Какъ будто у нихъ мало времени, чтобы попьянствовать, пошарлатаничать? Дай имъ восьмичасовой рабочій день! А болячекъ не возьмете?

ЖЕНЯ. Папа, выслушай меня хоть одинъ разъ...

ЭТЕЛЬ. Съ евреями, Давидъ, надо быть подобрѣе.

ГРОСМАНЪ (сердито). Почему съ евреями? Развѣ они мои родственники? А если и родственники? Значитъ, я долженъ отдать имъ свое богатство? Вотъ почему я не люблю разговаривать съ тобой. Что такое

еврей? Нахалъ! Что еще? Собака, дерзкій. Ему первому все не нравится. (Саркастически смѣется) Еврей! Вѣдь это же язва! Спроси-ка у меня, кто портитъ моихъ русскихъ рабочихъ. (Женя встала. Ходитъ по комнатѣ) Гдѣ же сладкое?

ЭТЕЛЬ. Вотъ сладкое. Почему ты разсердился? Ты какъ спичка, Давидъ. Что же я сказала? Еврей вѣдь мнѣ ближе, и я сказала. А для меня пусть у нихъ всѣхъ болячки посѣдаютъ въ горлѣ, если они желаютъ намъ зла.

ГРОСМАНЪ (ѣстъ сладкое). Они хотятъ двадцать пять процентовъ прибавки и смѣны. Знаешь, во что это обойдется мнѣ, если на мельницѣ работаютъ свыше ста человѣкъ? Чистые пустяки. Что-то около двадцати пяти тысячъ въ годъ, если не больше.

ЭТЕЛЬ. Чума бы ихъ унесла! Сломали бы они себѣ руки и ноги.

ГРОСМАНЪ. Не кричи. Вотъ ты уже кричишь. Надо быть хладнокровнымъ. Они хотятъ! Этого еще мало, что они хотятъ. А гдѣ же я? Мнѣ только немного мѣшаетъ эта глупая революція, а то я бы имъ показалъ, кто такое Гросманъ. Если бы не революція! Чего тебѣ, Женичка?

(Вытираетъ усы. Горничная вноситъ самоваръ. Входятъ Вайцъ и Маша).

ЖЕНЯ. Нѣтъ ничего, папа. Мнѣ уже ничего не нужно.

ГРОСМАНЪ. Не нужно? Такъ не нужно! Этель, дай мнѣ стаканъ чаю. (Смотритъ на часы, подаетъ руку Вайцу) Что новаго Вайцъ? Какъ идутъ занятія съ Петей?

ВАЙЦЪ. Какъ всегда, господинъ Гросманъ. Онъ немножко лѣнится, но удивительно способный.

ГРОСМАНЪ. Ну, это ваше дѣло. Главное, чтобы мозгъ у него развился. Мнѣ не нужно высшаго образованія, сумасшедшихъ знаній. Это все пустяки. Я уже вижу, что изъ Саши выйдетъ. Главное въ жизни—голова для оборотовъ. Вѣдь я самъ былъ простымъ ра-

бочимъ, а математику знаю не хуже учителя. Въ политикѣ и въ соціальномъ вопросѣ поспорю съ знатокомъ. На ходу всему выучился.

ВАЙЦЪ. Я знакомъ съ вашими взглядами и дѣлаю, что могу.

ГРОСМАНЪ (уже забылъ о немъ. Пьетъ чай, разговариваетъ съ Этель). Мнѣ бы только до главныхъ зачинщиковъ добраться. (Говоритъ тихо)

МАША. Какъ скучно... (Ломаетъ пальцы) Здѣсь, Вайцъ, и воздухъ, какъ въ тюрьмѣ. Когда онъ... (указываетъ на отца) говоритъ,—мнѣ начинаетъ казаться, что я схожу съ ума. Деньги, деньги, рабочіе, мельница... Повернитесь къ нему спиной и не слушайте. Повернитесь, я такъ хочу. Отъ дыханія его падаютъ люди.

ВАЙЦЪ (тихо). Милая Маша, онъ можетъ услышать. (Повернулся спиной къ Гросману)

МАША (упрямо). Пусть услышитъ! Я бы наконецъ высказала ему все, все... И однако, Вайцъ, люблю его, ее... (указываетъ на мать) Какъ странно!

ВАЙЦЪ. Мама вамъ даетъ чай.

МАША. Чай? Ахъ, хорошо. (Засмѣялась) Буду пить чай.

ЭТЕЛЬ. Ты сегодня блѣдна, Машенька.

МАША. Блѣдный цвѣтъ лица очень интересенъ. Онъ нравится офицерамъ.

ВАЙЦЪ (съ упрекомъ). Зачѣмъ вы такъ говорите?

(Старики тихо разговариваютъ)

МАША. Хочу... Дайте потихоньку вашу руку. (Устало) Нѣтъ, не надо. Мнѣ хочется чего-то страшнаго, мучительнаго... криковъ.. Я хотѣла бы, чтобы всѣ кричали отъ боли.. Слышите, опять: деньги, деньги. Папа, сколько ты сегодня заработалъ?

ГРОСМАНЪ. Я ежедневно теряю шестьсотъ рублей.

МАША. Такъ мало? (Киваетъ головой) Какъ хорошо было-бъ, если бы ты обѣднѣлъ!

ГРОСМАНЪ (солидно). Не говори глупостей.

МАША. Хочу говорить глупости. Развѣ здѣсь можетъ придти въ голову что-нибудь умное? Спроси у меня хоть разъ, что я дѣлаю по цѣлымъ днямъ? Кончила гимназію и жду жениха, которому ты дашь пятьдесятъ тысячъ или двадцать тысячъ, какъ тебѣ будетъ выгоднѣе.

ЭТЕЛЬ. Перестань, Машенька.

МАША. Развѣ это неправда?

ГРОСМАНЪ (равнодушно). Приданое зависитъ отъ мельницы. Можетъ быть, пятьдесятъ тысячъ, а можетъ быть, и двадцать.

МАША. Все мельница, мельница, а отца какъ будто и нѣтъ...

ГРОСМАНЪ. Не серди меня. Мельница? Что вы въ ней понимаете? Мельница не ты, и не я. Она выше всѣхъ насъ. Отъ нея кормится сто двадцать рабочихъ и шестьдесятъ служащихъ,—съ семьями это семьсотъ человѣкъ. Она вырабатываетъ три тысячи пудовъ въ день, кормитъ сотни купцовъ, тысячи пекарей и десятки тысячъ людей. Мой хлѣбъ ѣдятъ въ Америкѣ и въ Европѣ. Твоя жизнь въ рукахъ мельницы, Маша! А всѣхъ этихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей? Кто даетъ хлѣбъ, радость и надежду? Мельница! Кто можетъ жениться, если мельница не хочетъ? Пусть мельница сгоритъ, и пропадетъ тысяча душъ. Вотъ что такое мельница.

ЭТЕЛЬ (съ гордостью). Мы отдали ей всю жизнь. Нашими жилами двигаются ея колеса. Вся наша молодость, здоровье и силы разбросаны тамъ въ каждомъ уголку.

ГРОСМАНЪ (съ презрѣніемъ). Мы, мы! Перестань разговаривать. Пойдемъ, я переодѣнусь. Подумаю и, можетъ быть, поѣду къ полицмейстеру.

(Выходитъ)

МАША (съ ужасомъ). Мнѣ иногда кажется, что они сумасшедшіе.

ЖЕНЯ. Въ моемъ домѣ не лучше.

ВАЙЦЪ (встаетъ). Я, можетъ быть, здѣсь лишній?

ЖЕНЯ. Нѣтъ, нѣтъ, Вайцъ. Я рада новому человѣку. Вы можете понять меня. Вѣдь уже ни для кого не тайна, что мой мужъ врачъ-биржевикъ и что я бросила его.

МАША. Почему евреи такъ любятъ деньги, дѣла? Отецъ сказалъ бы: не говори глупостей. А я отвѣтила бы ему: потому насъ и бьютъ, рѣжутъ.

ВАЙЦЪ. Не потому.

МАША. Потому. Не спорьте. Я такъ хочу. Я сама себѣ противна. Мнѣ кажется, что я набита бумажками и что въ крови моей течетъ растворенное золото. Ненавижу евреевъ.

ВАЙЦЪ. Вы такъ быстро возбуждаетесь...

МАША. Я завидую вамъ: вы свободны.

ВАЙЦЪ. Не завидуйте. Если человѣкъ чувствуетъ себя гражданиномъ, какъ я, и не бросается съ головой въ революцію, а учительствуетъ, онъ жалокъ! Вотъ льется кровь. Но человѣческая кровь на мнѣ,—никогда! Мои руки въ крови,—никогда! Гиганты духа стаями опустились надъ страной, а я, Маша, въ сторонѣ. Быть сыномъ своего народа, вѣрить въ его творческія силы, знать, что въ революціи его исцѣленіе и держаться вдали,—позоръ!

ЖЕНЯ. Почему же вы не заставите себя?

ВАЙЦЪ. Это легче сказать. На моихъ рукахъ большая семья: слѣпой отецъ, старая мать, братья, сестры. Съ тѣхъ поръ, что я помню себя, я работалъ на нихъ. У меня не хватало времени на самое необходимое. Я—мечталъ о службѣ народу и превратился въ клячу.

ЖЕНЯ. Мнѣ жаль васъ, Вайцъ. Вотъ вы несчастны и я... Подадимъ другъ другу руку.

МАША. Когда вы говорите о нашемъ народѣ, котораго всегда оплевывали, всегда били и теперь рѣжутъ, я чувствую ненависть къ вамъ. Всѣми презираю-

мый,—нашъ народъ? Я завидую, Вайцъ, каждому христіанину, я завидую собакѣ христіанина.

ЖЕНЯ. Ты сумасшедшая.

ВАЙЦЪ. Есть утѣшеніе, Маша. Мы, всѣ слабые, немощные, сольемся съ народомъ и будемъ страдать съ нимъ. Мы не умѣемъ хотѣть, смѣшаемся съ массой. Пусть и насъ уничтожатъ.

МАША. Нѣтъ, нѣтъ. Вотъ я ихъ вижу всѣхъ жалкихъ, оплеванныхъ, ненавидимыхъ... Страдать съ евреями? Нѣтъ! пусть ихъ вырѣжутъ. Лучше пойти къ христіанамъ и сказать: умертвите насъ.

ЖЕНЯ. Почему любить насъ, если мы сами себя ненавидимъ?

МАША. Въ моей душѣ тоска. Посмотрите на эти комнаты. Ихъ здѣсь двѣнадцать и ни одной уютной, человѣческой. Все грубо, пошло. Здѣсь обитаютъ вампиры.

(Сидятъ мрачно. Пауза. Входятъ ГРОСМАНЪ и ЭТЕЛЬ. ГРОСМАНЪ въ сюртукѣ)

ЭТЕЛЬ. Ну, поѣзжай уже. Ты и такъ много времени потерялъ.

(Входитъ РОЗЕНОВЪ. Онъ средняго роста, изысканно одѣтъ, въ пальто. Въ рукѣ палка. Носитъ пенснэ. Всѣ смущены. ВАЙЦЪ выходитъ. ЖЕНЯ убѣгаетъ въ кабинетъ)

РОЗЕНОВЪ (громко, вслѣдъ ЖЕНѢ). Женя, Женя!

ЭТЕЛЬ. Что же ты, Яковъ, даже здравствуйте не скажешь? (Хочетъ взять у него палку и шляпу)

РОЗЕНОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, мама. Я зашелъ только на минутку.

ЭТЕЛЬ. Все-таки можно отдать шляпу и палку...

ГРОСМАНЪ. Зачѣмъ ты пристаешь къ нему? Не хочетъ,—и не надо.

ЭТЕЛЬ (робко). Сказать правду, Яша, я этого не ожидала отъ тебя. Это не идетъ къ тебѣ. Ты образованный человѣкъ, ты докторъ...

РОЗЕНОВЪ (прерываетъ ее). А я отъ васъ не ожидалъ такихъ дѣйствій.

ГРОСМАНЪ (сердито). Какихъ дѣйствій?

ЭТЕЛЬ. Ну, вотъ уже и мы виноваты. Я такъ и знала, что ты это скажешь. Яковъ, ты вѣдь меня называешь мамой. Будь со мной какъ съ матерью. Душа вѣдь болитъ и за тебя, и за нее.

РОЗЕНОВЪ. Почему же вы ей позволили остаться здѣсь?

ГРОСМАНЪ. Не задавай намъ вопросовъ и мы тебѣ не будемъ задавать. Я не хочу ничего знать. Я выдалъ ее за тебя и отсчиталъ тридцать тысячъ рублей. Я устроилъ такую свадьбу, которую будутъ помнить въ городѣ двадцать лѣтъ. А дальше не мое дѣло. Вотъ это я хотѣлъ сказать тебѣ. Дѣлайте, что хотите, но меня оставьте въ покоѣ.

ЭТЕЛЬ. Дорогой Яша, помирись съ ней. Она вѣдь молодая женщина. Выросла въ нѣжности, всѣ ей прислуживали. Пойди къ ней...

РОЗЕНОВЪ. Но развѣ я поссорился съ ней? Вамъ надо вникнуть въ нашу жизнь. Женя очень странная женщина. (Разстегнулъ пальто. Ходитъ по комнатѣ) Я не понимаю ее. То она запиралась въ своей комнатѣ и по цѣлымъ недѣлямъ ее нельзя было выманить оттуда. Вѣдь это невозможно. Подумайте, жена, которую мужъ по недѣлямъ не видитъ. Я самъ нѣсколько разъ собирался поговорить съ вами. Иногда она начинала швырять деньгами. Что же это такое? Тесть, вы вѣдь знаете, что деньги не падаютъ съ неба. Вѣдь если бросать деньги направо и налѣво, какъ она, бывало, дѣлаетъ, то не только моей практики и вашихъ тридцати тысячъ не хватитъ, но можно и Блейхредера раззорить.

ГРОСМАНЪ. Вотъ я и правъ, когда говорю, что не хочу знать вашихъ дѣлъ.

РОЗЕНОВЪ. Войдите же въ мое положеніе. Я тяжелымъ трудомъ заработываю деньги и мой трудъ топчутъ ногами. Со мной разговариваютъ, какъ съ мужи-

комъ, меня упрекаютъ въ мѣщанствѣ, въ скупости. Позвольте, кажется, я окончилъ университетъ и могу знать цѣну всѣмъ этимъ возвышеннымъ разговорамъ о мѣщанствѣ, объ идеалѣ. Въ правѣ ли я желать, чтобы въ моемъ домѣ было тихо? Подумайте же, тесть. Бросила дѣтей... На что это похоже? Хорошо еще, что моя мать согласилась присмотрѣть за домомъ и что насъ не бросила... эта добрая бонна. Теперь нужно бояться, чтобы скандалъ этотъ не огласился.

ЭТЕЛЬ. Хорошо, я пойду къ ней. Только Яковъ... ты вѣдь тоже не правъ. Машенька, пойди къ себѣ. Мнѣ надо поговорить о томъ, чего дѣвушкѣ нельзя знать и слушать.

МАША. Не хочу.

РОЗЕНОВЪ. Пожалуйста, пожалуйста, мама, безъ интимностей. Все остальное,—наше дѣло, и я никому не позволю вмѣшиваться...

ЭТЕЛЬ (покорно). Хорошо, не буду вмѣшиваться... Только ты, Яковъ, долженъ уступить ей. Ты долженъ. Ты старшій, а старшій всегда умнѣе и уступаетъ.

ГРОСМАНЪ (съ скучающимъ лицомъ). А мнѣ пора. Устраивайтесь, какъ знаете. (Подаетъ руку Розенову)

РОЗЕНОВЪ. Прощайте, тесть.

ЖЕНЯ (показывается въ дверяхъ кабинета). Мама, я не хочу, чтобы ты съ нимъ разговаривала. Выгони его. Не хочу знать ни его, ни его дѣтей, ни его родственниковъ! Его мать, когда приходитъ, изводитъ меня.

РОЗЕНОВЪ. Женя, Женя, постыдись же...

ЖЕНЯ (у дверей). Не хочу стыдиться. Начни ты первымъ. Ты врачъ и сталъ биржевикомъ. А я не хочу жить съ биржевикомъ.

РОЗЕНОВЪ (обращаясь къ старикамъ). Что вы скажете о ней? Вотъ такія сцены происходятъ у насъ ежедневно.

ГРОСМАНЪ (съ досадой). Оставьте вы меня всѣ въ покоѣ...(Быстро уходитъ)

МАША (съ ироніей). А полгорода завидуетъ нашему счастью. (Выходитъ)

ЭТЕЛЬ. Женичка, прошу тебя. Послушай свою старую мать.

ЖЕНЯ. Пусть онъ уйдетъ... Вы еще не знаете его. На словахъ онъ всегда выйдетъ правымъ. Нужно его увидѣть дома. Это звѣрь. Онъ уже угрожалъ мнѣ кулаками. Да, да, кулаками. За кого вы меня выдали? (Истерично заплакала) Служанку мою сдѣлалъ своей любовницей.

ЭТЕЛЬ. Женичка, Женичка...

РОЗЕНОВЪ (въ гнѣвѣ). Съ какимъ удовольствіемъ я бы убилъ тебя. Притворщица!.. Шарлотта Кордэ!... Несчастенъ тотъ, кто рѣшается жениться на богатой дѣвушкѣ изъ простого грубаго дома.

ЭТЕЛЬ (обнявъ Женю). Кто грубый? Чтобъ у тебя языкъ отнялся! Скажите, пожалуйста! Его просили жениться на ней! Отъ тебя вѣдь, какъ отъ піявки, нельзя было отвязаться, когда ты ее увидѣлъ. Грубаго дома! А ты изъ какой семьи? Твой отецъ былъ лавочникомъ,— пусть честнымъ, но твоя мать? Вѣдь весь городъ знаетъ, что она подожгла свой домъ. Безсовѣстный! Онъ еще учился въ университетѣ! Взять такую нѣжную дѣвушку и замучить ее. Ты со мной поговори. На чьи деньги ты грязь свою обмылъ?..

РОЗЕНОВЪ (внѣ себя). Сама ты безсовѣстная! Не смѣй такъ разговаривать со мной... (готовъ броситься на нее)

ЖЕНЯ (вскрикнула). Вонъ, вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ (быстро входитъ. Онъ въ черной косовороткѣ, подпоясанъ шнуркомъ). Что тутъ за крикъ? Какъ вамъ не стыдно? Яковъ, Женя!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Окраина. Низенькое одноэтажное строеніе. Слѣва уголокъ улицы,— темный, непривѣтливый. Смутное очертаніе руинъ. Изъ тьмы выплываютъ тѣни людей и исчезаютъ. Далеко на небѣ застылъ тонкій рогъ луны. Силуэтъ мельницы и ея трубы отчетливо выдѣляются и какъ бы царятъ здѣсь. Поверхъ руинъ справа и далеко домъ Гросмана. Окна освѣщены. Вся картина мрачная, тяжелая. Квартира Эрша. Небольшая комната съ одной дверью направо въ кухоньку. Слѣва длинный портняжескій столъ. Эршъ въ очкахъ, разложивъ на столѣ шубу, стоя работаетъ. Въ правомъ углу сапожникъ Шмиль прилаживаетъ подметку къ башмаку. Передъ нимъ низенькій столикъ, покрытый кожей. На столикѣ сапожный инструментъ. Недалеко отъ Эрша на скамеечкѣ сидитъ Бетя и клеитъ коробочки. Жена Эрша, Роза, высокая старуха съ пергаментнымъ лицомъ, въ цвѣтной косынкѣ, вяжетъ чулокъ. Посреди комнатки столъ, за которымъ сидитъ старшій сынъ Эрша Мироншъ и ужинаетъ. Комната освѣщается двумя лампами. Одна виситъ на стѣнѣ надъ Эршомъ, другая маленькая на кожаномъ стулѣ Шмиля. Остальная обстановка жалкая. На полу соръ. Чувствуется тѣснота, спертый воздухъ и трудъ. Два оконца заклеены бумагой; оба выходятъ на улицу.

ЭРШЪ (рѣжетъ ножницами). Такого времени я не запомню. Вотъ тебѣ и время. Чтобы еврей шелъ противъ еврея. Этого никогда не было. Бывало, случится, рабочій поспоритъ съ хозяиномъ. Такъ поспоритъ. Чѣмъ же кончалось? Хозяинъ выгонялъ рабочаго, и былъ конецъ и было тихо...

МИРОНЪ (ѣстъ). Это время уже не вернется.

ВЕТЯ. Сварила я хорошій клейстеръ. Придется таки его выбросить. Я его слишкомъ рано сняла съ огня.

РОЗА (почесала спицей въ вискахъ). Когда вы всѣ летите... Что такое? Горитъ? Нигдѣ не горитъ. Сдѣлала бы медленно,—не пропалъ бы матеріалъ.

ВЕТЯ. А ты хочешь отдыхать? Я тоже хочу. Можетъ быть, меня колетъ во всѣхъ мѣстахъ отъ сидѣнія. Наработалась, какъ хорошая лошадь за цѣлый день,—пусть хоть вечеръ будетъ моимъ. Нѣтъ, вечеръ есть у господъ... Развѣ у меня не такая же душа, какъ у нихъ? Но нѣтъ. Работай и работай.

РОЗА. Въ твои годы я работала двацать четыре часа въ день. Раскричалась!..

ВЕТЯ. Ты много выиграла отъ этого. Посмотри-ка, въ какихъ палатахъ ты живешь. Отложила тысячи на старость. Отецъ не работаетъ, мы не мучимся, ты сохранила здоровье, и совсѣмъ не кашляешь часами по ночамъ. Не говори глупостей. Ты и теперь живешь только, чтобы служить... этимъ звѣрямъ.

РОЗА. Что правда, то правда. Кашель таки добиваетъ меня, но я не жалуюсь.

БЕТЯ. Всякій знаетъ, что ты выжила изъ ума. Стану еще тратить время на разговоры съ тобой. (Выходитъ и уноситъ кастрюльку съ клейстеромъ)

РОЗА (качаетъ головой). Вотъ и разговаривай съ ними. Я сумасшедшая!.. Почему не они? Если я не ненавижу городъ и богачей и не кричу, что ихъ нужно уничтожить, то меня нужно выкинуть въ сорный ящикъ.

ЭРШЪ. Зачѣмъ эти пустые разговоры? Дай работать спокойно. Богатый долженъ быть богатымъ, а бѣдный—бѣднымъ. Возьми, Роза, парусину и намочи ее. (Достаетъ изъ шкафчика парусину) Такъ должно быть. Сколько міръ существуетъ,—такъ было. И больше не о чемъ говорить. Есть сильные звѣри и есть слабыя животныя.

РОЗА. Дай уже парусину. Я едва на ногахъ держусь. Замученныя руки, умирающія ноги и яма передъ глазами. Имъ жалко? Есть большой сынъ, но онъ ѣстъ. Возьми ты парусину и намочи. Развѣ для моихъ рукъ выжать изъ нея воду?

МИРОНЪ. Вотъ покушаю и сдѣлаю.

ШМИЛЬ (говоритъ въ носъ). Сядьте же, Роза. Что вы всегда торопитесь? Говорятъ же вамъ, что сдѣлаютъ.

РОЗА. А я не хочу. У насъ развѣ ихъ сердца? Мнѣ вѣдь его жалко. Каждой косточки Мирона мнѣ жалко. Вотъ мой Михель еще въ солдатахъ. Оторвали бѣдненькаго отъ жены, отъ дѣтей. Война уже кончилась, а онъ все еще гдѣ-то пропадаетъ. Жена и дѣти умираютъ съ голоду, лежатъ на нашихъ плечахъ. А кто плачетъ по ночамъ? Мать!.. Они могутъ быть только... демократами...

БЕТЯ (возвращается). Теперь клейстеръ хорошъ. Если меня не будутъ отрывать отъ работы, то я черезъ два часа кончу. Который часъ? (Садится) Спина такъ ноетъ, что не могу и разогнуться.

РОЗА. Но я все-таки не могу тебѣ помочь. Я не понимаю этой работы. И руки дрожатъ. Возьму картонъ въ руки и такъ его верчу, и такъ,—что я могу понять?

БЕТЯ. Тебя никто не проситъ.

ЭРШЪ. Ну, иди же. Ты только намочи парусину, а я ее уже самъ выжму.

(Роза медленно, шаркая, выходитъ)

БЕТЯ (работаетъ). Сегодня забастовали на чайной и на пробочномъ заводѣ. Хотѣла бы знать, когда уже это начнется и у насъ? Никогда не начнется. Развѣ наши дѣвушки люди? Это скотъ. Кажется, я раньше посѣдѣю, чѣмъ наши сдѣлаются сознательными.

ЭРШЪ. Попросилъ бы тебя не разсказывать о забастовкахъ. Не хочу слушать въ моемъ домѣ о забастовкахъ. Они у меня уже вотъ гдѣ сидятъ. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, лишь бы я не зналъ этого. Ты смѣешься, Миронъ? Работаешь и умираешь съ голоду, но что будетъ, когда и работать перестанете? Спасибо Гросману за шубу. Мы еще имъ только и держимся.

МИРОНЪ. Перестань отецъ. Дай ей разсказать. Ты уже пожилъ, а мы только начинаемъ... Развѣ рѣчь идетъ только о насъ, о ней, о тебѣ или обо мнѣ? Рѣчь идетъ обо всемъ рабочемъ классѣ, о счастьи всего народа. Развѣ ты не видишь и не понимаешь, что кругомъ происходитъ? (Продолжаетъ ѣсть)

ЭРШЪ. Понимаешь? Понимаю!.. У меня еще столько ума, сколько у тебя. Ну, а если я боюсь? Кого я боюсь? Я боюсь чертей. Все это пахнетъ чертями. Кто-кто, а евреи заплатятъ таки кровью за эти забастовки, за эти революціи... Ихъ-то бросятъ на костеръ... А твоя жизнь не въ опасности?.. Я вѣдь изъ-за тебя по ночамъ не сплю...

МИРОНЪ. Убиваютъ же другихъ. Чѣмъ я дороже? За то отдамъ жизнь за рабочій классъ.

ЭРШЪ. Такъ я пойду танцовать, что за рабочій

классъ. Ты хорошо сказалъ. А что вернетъ мнѣ за сына рабочій классъ? Я ему плюну своей кровью въ лицо. Что вернетъ? Его кости? Но если бы ты шелъ своимъ путемъ, какъ шелъ я, то ты не братался бы съ русскими, заработывалъ и было бы хорошо и тебѣ, и намъ.

ШМИЛЬ. Ай, ай, ай, Эршъ! Вотъ тутъ уже вы говорите криво. Вы прошлись, какъ хромой.

МИРОНЪ (встаетъ). Въ нашей борьбѣ нѣтъ ни русскихъ, ни евреевъ, а есть рабочіе и эксплуататоры

ЭРШЪ (къ Шмилю). Что значитъ—криво, Шмиль? Покажите не криво. Мы развѣ не работали, не мучились и не мучаемся? Но покажите, когда это было, чтобы мы братались съ русскими? Вы братались когда-нибудь съ русскими? Слава Богу, прожили больше пятидесяти лѣтъ и никогда съ русскими дѣлъ не имѣли. Дѣйствительно, мы покупаемъ матерьялъ у русскихъ, или они у насъ, живемъ иногда сосѣдями, говоримъ имъ здравствуйте или прощайте, но это вѣдь не связь? Они живутъ отдѣльно и мы отдѣльно. Что же вы говорите, Шмиль? Вѣдь вы человѣкъ въ лѣтахъ. Можетъ быть, вамъ еще нравится, что евреи борятся съ евреями? Что? Конечно, развѣ есть лучше дѣло, какъ сдѣлать нищимъ богатаго еврея? Я не понимаю, кто изъ насъ сумасшедшій. А сговариваться съ русскими рабочими противъ еврея тоже хорошо? Это вѣдь опрокинутый свѣтъ! Теперь спрошу васъ, чтобы вы, Шмиль, сдѣлали на мѣстѣ Гросмана?

ШМИЛЬ. Я бы себя высѣкъ.

ЭРШЪ (съ досадой). Ну, вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. Съ вами вѣдь нельзя разговаривать почеловѣчески. (Къ Мирону) Вотъ я просилъ за тебя господина Гросмана. Онъ даже отвѣтить мнѣ не хотѣлъ. Онъ даже отъ гнѣва затрясся, когда услышалъ твое имя. Хорошо ли это, Миронъ? Одного заказчика имѣю и того ты долженъ прогнать.

МИРОНЪ. Зачѣмъ же ты просилъ? Ты вѣдь долженъ знать, что это не люди, а звѣри. Кто задавилъ всѣхъ насъ? Они! Кто сдѣлалъ всѣхъ насъ забитыми, испуганными, кто сотни лѣтъ высасывалъ изъ насъ мозгъ и кровь? Они!.. Ты вѣдь долженъ это знать.

ЭРШЪ. Если сказать правду, то хозяинъ и не можетъ быть другимъ.

МИРОНЪ. Мы ихъ выучимъ, отецъ. Прошли уже тѣ времена, когда можно было ни за что избивать рабочаго, выбрасывать его на улицу, отправлять его въ тюрьму, когда хозяину этого хотѣлось. Нѣтъ, нѣтъ, отецъ, я не хотѣлъ бы теперь быть на мѣстѣ Гросмана. Хорошо уже этому магнату, когда приходится подкупать своихъ рабочихъ, льстить однимъ, спаивать другихъ... Но это ему даромъ не пройдетъ. Онъ льетъ керосинъ на огонь.

ЭРШЪ. Слышите, Шмиль? Онъ не хотѣлъ бы быть на мѣстѣ Гросмана? А на твоемъ мѣстѣ тебѣ лучше? Вотъ онъ броситъ мельницу и уѣдетъ въ Европу. Что вы тогда запоете? Вы уже и теперь отъ забастовки ходите съ высунутыми языками, а что будетъ, если онъ уѣдетъ? Вы начнете падать, какъ мухи...

(Роза входитъ и съ оханьемъ садится; вяжетъ чулокъ)

МИРОНЪ (смѣясь). Гросманъ уже пытался напугать тебя, а черезъ тебя и насъ. Понимаемъ его штуки!.. Онъ такъ же можетъ уѣхать въ Европу, какъ ты можешь уѣхать. (Встаетъ) Ну, я ухожу. Я вернусь съ товарищами. Намъ нужно переговорить о дѣлѣ.

РОЗА. Что? опять? Разбойникъ!.. Что же ты съ нами дѣлаешь? Не хочу я этого. (Кашляетъ) Не допущу. Скажи, чтобы я ради тебя влѣзла въ горящую печь,— влѣзу, какъ теперь ночь на землѣ. Но этого,—нѣтъ!..

ШМИЛЬ. Ай, ай, ай, Роза! что же вы не даете рости молодому? Міръ вѣдь долженъ двигаться.

МИРОНЪ. Ты, мать, не вмѣшивайся.

ЭРШЪ. И я бы тебя тоже попросилъ, Миронъ,—не надо! Пусть будетъ, не надо! Отецъ проситъ. Сдѣлай удовольствіе отцу. Не заслужилъ я у тебя, чтобы ты мнѣ уступилъ?

МИРОНЪ (сердится). Что же? Посадить свою голову на ваши плечи? Не проси меня, я дѣлаюсь злымъ. Когда оглядываюсь на то, что теперь происходитъ, то думаю, какъ хорошо было бы безъ стариковъ и всего хлама, который мѣшаетъ намъ.

ШМИЛЬ (смѣется). Мнѣ хочется что-то сказать, но я скажу послѣ. Веселѣе, Миронъ!.. Не робѣй!..

ЭРШЪ (къ Розѣ, печально). Мы, Роза, давно должны были умереть.

БЕТЯ. Вы лишь теперь вспомнили объ этомъ.

(Миронъ надѣваетъ шапку и выходитъ)

РОЗА (къ Шмилю). Вамъ на зло этого не будетъ. Я сижу тутъ и все вижу, что дѣлается въ мірѣ. Пусть дѣлается. Я съ мѣста не тронусь...

(Входитъ сосѣдка, старушка Чарна. Медленно передвигается, задыхается и дрожитъ, словно отъ холода)

ЧАРНА. Морозикъ, морозикъ! Что-то холодно моимъ костямъ. (Кутается въ тряпье) Скажите, пожалуйста, найду я у васъ стаканъ чаю? Что-то рано начались морозы, а дома ничего нѣтъ. Таки ничего нѣтъ и конецъ. Таки нѣтъ, что можно дѣлать?

РОЗА. Вотъ Эршъ кончитъ, и я пошлю Бетю заварить чай.

ЧАРНА. Ай, спасибо вамъ. Горячій стаканъ чаю! Стаканъ горячаго чаю! Согрѣю свои кости.

ШМИЛЬ. Что слышно о вашемъ зятѣ? Уже получили письмо?

ЧАРНА. Что? Болѣзни мы получили. Кто говоритъ о письмахъ? Надо говорить о дочери и о дѣтяхъ. А онъ здѣсь былъ шарлатаномъ, и тамъ имъ остался.

ШМИЛЬ. Но за то онъ въ Америкѣ.

РОЗА. Большое счастье, что въ Америкѣ. Америка уже перестала быть Америкой. Можно уже вычеркнуть Америку. Мужъ Песи не вернулся оттуда? А мужъ Бейлы? Танцуютъ евреи кадриль! Пара туда, пара назадъ...

ЧАРНА (какъ сквозь сонъ). Не понимаю, зачѣмъ живу? Смотрю наверхъ и спрашиваю. Никакого отвѣта. Если я ничего не понимаю, то меня надо убрать, такъ я думаю. Что-то летитъ передъ глазами. Блестятъ ножи. Что-то прыгаетъ, танцуетъ, кричитъ, и я кричу, и вокругъ меня кричатъ. Сумасшедшій міръ. Найду я у васъ стаканъ чаю?

РОЗА. Я вѣдь вамъ сказала; вотъ Эршъ кончитъ работу...

ЧАРНА. Да, да, вы сказали... Да, да, вы обѣщали...

ШМИЛЬ. Надо сказать, какъ молодые говорятъ: если бы смерть задавила богатыхъ и провалился бы вотъ этотъ проклятый городъ, то Чарна сидѣла бы теперь у себя въ хорошей комнатѣ, и на столѣ у нея уже кипѣлъ бы самоваръ,—вотъ такой самоваръ.

БЕТЯ. Почему только богатыхъ и одинъ городъ?.. Всѣ города пусть молнія сожжетъ. А богатые? Они все еще думаютъ, что только богатые виновны. Загляните въ книжку и вы узнаете. Есть еще другіе и еще другіе и еще другіе...

РОЗА. Хочу, чтобы она замолчала, Эршъ!.. Ты длинная лошадь, молчи! Не твое дѣло!..

БЕТЯ (смѣется). Мы никого не боимся.

РОЗА (сердится). Одеръ! У тебя вѣдь капли крови нѣтъ въ жилахъ, а тоже вылѣзаешь впередъ. Что? Смѣешься? А желчью? Что же ты молчишь, Эршъ? Хорошій отецъ! Доведешь ты своихъ дѣтей до каторги этимъ молчаніемъ.

ЭРШЪ. Что же я могу сдѣлать?

РОЗА. Что? Онъ еще спрашиваетъ. Дерись съ ней. Возьми палку, вѣникъ, утюгъ и бей ее по головѣ. Говорю вамъ разъ навсегда: хочу голодать, мучиться, кряхтѣть и ничего не имѣю противъ этого. Люблю богатыхъ и почитаю ихъ и ничего вы со мной не сдѣлаете...

ШМИЛЬ. Ай, ай, ай, Роза!... Чѣмъ же это набита ваша голова?

РОЗА. А вы, Шмиль, молчите. Вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. Кто говоритъ? Развѣ вы магнатъ, или солдаты васъ защищаютъ, что вы суетесь? Вбивайте гвоздики въ подметки, пойте свои сапожничьи пѣсенки и лежите въ землѣ.

БЕТЯ. Почему же ему не говорить, когда теперь уже стѣны говорятъ. Мы рабочіе знаемъ одно: все наше. Мы хозяева, а не эти живодеры-богачи и другіе, и еще другіе...

РОЗА. Что же ты молчишь, Эршъ? Развѣ это дѣвушка? Это же чертъ. Посмотри-ка на ея глаза. Они блестятъ, какъ у разбойника. Она вѣдь можетъ зарѣзать человѣка.

БЕТЯ (разсмѣялась). Пусть только меня разсердятъ и я еще хуже сдѣлаю. Со мной нельзя шутить... Вѣдь это сердце бьется... за правду, за справедливость!.. И горитъ въ немъ такая ненависть!..

РОЗА. Эршъ! Ты не возьмешь ее за косы?

БЕТЯ. Попробуй только!..

(Входитъ рабочій ДАВИДКА)

ДАВИДКА. Добрый вечеръ, Эршъ. Добрый вечеръ. Говорятъ, что сегодня у васъ опять соберутся?

ЭРШЪ. Я не ихъ сторожъ и ничего не знаю. (Снялъ очки, отложилъ работу) Бетя, пойди завари чай.

(Бетя беретъ чайникъ и выходитъ)

ДАВИДКА (сѣлъ, потираетъ лобъ). Голова идетъ кругомъ. Затѣяли забастовку, а ты голодай. А зачѣмъ за-

бастовали? Получали до рубля въ день. Ну, такъ получали... А сколько же надо? Двадцать?

ЧАРНА (какъ со сна). Что забастовка? Что значитъ забастовка?

ДАВИДКА (быстро повернулся къ ней). Уже, значитъ. Чортъ ихъ знаетъ, почему они поднялись. Я съ первой минуты не хотѣлъ, но идите-ка противъ нихъ. И кто виноватъ? Все вашъ Миронъ, Эршъ. Рабочій классъ туда, эксплуатація сюда, а я пока голодай. Такой грубый простой человѣкъ, какъ я, который не можетъ сосчитать, сколько два и два, долженъ знать, что эти слова означаютъ. Будто у меня нѣтъ другихъ заботъ въ головѣ.

РОЗА. Вотъ это человѣкъ.

ДАВИДКА. А то что же? Лошадь? Я не стыжусь, я простой человѣкъ. Дайте мнѣ мой рубль и конецъ. Вотъ у меня жена и полная комната дѣтей. Кто я теперь? Никто. Вчера былъ человѣкомъ, а сегодня нищій. Зачѣмъ мнѣ это?

РОЗА. Конечно. Рубль въ день составляетъ шесть въ недѣлю. И если не быть шарлатаномъ, не пить и не играть на билліардѣ, то можно еще прожить какъ-нибудь.

ДАВИДКА. Между нами говоря, это, положимъ, не много. Ай, что вы говорите. Какъ мы живемъ? Мы вѣдь съ женой только во снѣ кушаемъ. Вотъ видите, это моя самая лучшая рубаха. Другой нѣтъ. Держимся долгами. Долженъ лавочнику, хозяину за квартиру, сапожнику. Гдѣ же помѣстится забастовка? Хотите, чтобы я бастовалъ, возьми васъ чертъ, и дайте помощь. Что же вы выдаете на такую семью, какъ моя, пятьдесятъ копеекъ въ день!

ШМИЛЬ. Скажите спасибо за это.

ДАВИДКА. Скажите вы спасибо!.. Хорошій совѣтъ вы мнѣ подали. Огъ него таки можно хлѣбъ кушать. На пятьдесятъ копеекъ вѣдь лучше уже купить ве-

ревку для всѣхъ... Дѣти ищутъ корокъ въ корытѣ для свиней... Забылъ вамъ сказать. Вѣдь моего маленькаго чуть собака не съѣла. Подбѣжала собака и стала его грызть. Что, собака кушать не хочетъ?

ШМИЛЬ. Такъ посадите ее за столъ и кушайте въ компаніи.

ЧАРНА. А я собираю кости въ сметьѣ и варю изъ нихъ супъ.

ДАВИДКА. Вы смѣетесь надо мной? Я вѣдь кровью говорю. Развѣ я могу бороться съ Гросманомъ? Посмотрите на меня! Живой мертвецъ, конченный человѣкъ. И я борецъ? А другіе лучше меня? Кто же борцы? Что стоитъ Гросману раздавить насъ, какъ червей?

РОЗА. Онъ и раздавитъ. Вотъ пусть мой Эршъ скажетъ себѣ: довольно работать. Давайте портные сдѣлаемъ забастовку...

ШМИЛЬ (прерываетъ ее). Это не было бы такъ плохо.

РОЗА. Болячку вамъ въ горло. Вы насъ прокормите? Увидѣли у насъ богатство? Вотъ Миронъ не работаетъ, а гдѣ беретъ хлѣбъ? У отца? А гдѣ спитъ? У отца. Что дѣлаютъ другіе рабочіе? Какъ пьявки сосутъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ.

ДАВИДКА. А Гросманъ катается въ своей каретѣ, подавиться бы ему! Когда онъ, бывало, зайдетъ на мельницу, такъ стѣны, бывало, трясутся отъ страха, такой это человѣкъ. Попробуй, чтобы при немъ мѣшокъ лопнулъ, чтобы фунтъ муки разсыпался. Такъ уже смерти не нужно!?..

(Бетя входитъ съ чайникомъ)

ЭРШЪ. Что такъ долго?

БЕТЯ. Времени у тебя нѣтъ? Успѣешь! Возьми, мать, чайникъ.

(Бетя сѣла за работу. Роза кашляетъ; встаетъ, достаетъ стаканы изъ шкафчика; наливаетъ чай Эршу и Чарнѣ)

РОЗА. Если хотите чаю, Шмиль, то налейте себѣ стаканъ.

ЧАРНА. Ай, чай! Спасибо вамъ, Роза. Душа обрадовалась отъ тепла. Ай спасибо вамъ.

(Входитъ рабочій Арнъ. Густая черная борода. Взглядъ исподлобья)

АРНЪ (къ Давидкѣ). Ты уже здѣсь? Соберутся сегодня?

ДАВИДКА (нехотя). Не знаю... Меня не спрашивай...

БЕТЯ (сердито). Могли бы не приходить сюда, Арнъ... Соберутся не соберутся, — не ваше дѣло. Безъ васъ обойдется. Ступайте и полижьте лучше ноги у Гросмана.

АРНЪ. Что значитъ полижьте ноги у Гросмана? Вы развѣ были при этомъ.

БЕТЯ. Не стройте изъ себя дурачка, мы это понимаемъ. А еще рабочій, товарищъ!..

АРНЪ Таки рабочій и товарищъ. Знайте это. А то что же, милліонеръ?

БЕТЯ. Гнилыя штучки. Всѣ знаютъ, что вы приходите вывѣдать что-нибудь, а потомъ доносите Герману. Когда-нибудь это кончится плохо...

АРНЪ. Не пугайте меня. Развѣ я доношу? Они выдумали про меня. Рабочіе сердиты за то, что я получаю не восемьдесятъ копеекъ, а рубль въ день. Вотъ вся правда. А если я получаю больше другихъ, то во мнѣ всѣ пороки. Почему же вы не спросите, отчего я получаю больше? Прямой отвѣтъ: я работаю лучше.

ДАВИДКА. Этого не говори. Мы всѣ хорошо работаемъ.

ЭРШЪ. Перестаньте, прошу васъ. Ссориться ступайте на улицу.

БЕТЯ. А кого видѣли на черномъ ходѣ у Германа?

АРНЪ. Что же я долженъ дѣлать? Разъ меня по-

звали, я долженъ былъ явиться. И почему мнѣ скрывать, что я противъ забастовки? Я всегда былъ противъ этихъ проклятыхъ забастовокъ. Хозяинъ даетъ намъ хлѣбъ, мы обязаны вѣрно служить ему. Въ прошломъ году у меня заболѣлъ ребенокъ. Благодаря кому его приняли въ больницу? Благодаря Герману.

БЕТЯ. Сколько онъ вамъ обѣщалъ за ваши рѣчи?

ШМИЛЬ. Ай, ай, ай, Арнъ!.. Начнется это и смететъ, васъ, какъ соломинку. Что вы становитесь противъ вѣтра, когда поднялась буря?

ДАВИДКА. Вотъ это, Шмиль, я и хотѣлъ сказать. Ты таки противъ забастовки, ругаешь ее, а все-таки что-то тянетъ. Покажешься на улицѣ,—тамъ забастовки, здѣсь забастовки. Что-то хорошее несется въ воздухѣ, и думаешь: развѣ я не человѣкъ? Да, у себя дома, когда видишь эту кучу дѣтей съ раскрытыми ртами, эту низенькую комнату, гдѣ по стѣнамъ всегда ползетъ вода, и эти слезы и проклятія, тогда падаешь духомъ.

АРНЪ. Потому что ты дуракъ. Нужно имѣть крѣпкую голову. Гдѣ ты видишь это хорошее? Въ смутѣ? Спрячутъ ее въ карманъ, эту смуту.

ЭРШЪ. Возьми у меня стаканъ, Роза. Сяду работать.

РОЗА. Ты могъ бы уже отдохнуть. (Беретъ у него стаканъ. Къ Давидкѣ) Арнъ говоритъ правду. Ай, мы будемъ плакать. На свои годы будемъ плакать.

ДАВИДКА (къ Бетѣ). Ну, какъ мнѣ, Бетя, знать, что дѣлать? Слушаю его и уже начинаю колебаться. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ это кончится? Видите! Вотъ мы хотимъ,—вотъ мы боимся.

БЕТЯ (встаетъ въ гнѣвѣ). А я хочу, чтобы онъ ушелъ отсюда. Сейчасъ же! Ну, Арнъ, маршъ отсюда! И берегите свои бока. Я отъ Мирона знаю, кто ведетъ это подлое дѣло. Наступило уже время, когда рабочіе ста-

новятся сознательными, и вотъ являются подлецы, которые портятъ рабочее дѣло. Можете передать Герману, что ему это даромъ не пройдетъ. Думаетъ, что если можно подкупить такихъ подлецовъ, какъ вы, то рабочіе откажутся отъ своихъ требованій...

РОЗА (къ Эршу). Хочу увидѣть, какъ ты ей закроешь ротъ. Покажи хоть разъ.

ЭРШЪ (хмуро). Оставь меня въ покоѣ. Начну плакать: не мучьте меня.

АРНЪ (вдругъ встаетъ). Ну, хорошо, хорошо, я запомню ваши слова.

БЕТЯ. Можете даже записать ихъ. Онъ запомнитъ! Выходи отсюда! Вонъ, измѣнникъ, предатель, подлецъ!.. Подожди, придетъ на васъ смерть.

АРНЪ (стоя у дверей). Посмотримъ на кого. (Уходитъ)

ШМИЛЬ. Вотъ хорошо. Славно ты его отдѣлала.

РОЗА. Ну, жизнь теперь!.. Славная жизнь. (Шмиль смѣется) Желтымъ смѣхомъ вамъ смѣяться. (Кашляетъ) Въ печонкѣ вы сидите у меня съ своимъ смѣхомъ.

НАХМАНЪ (входитъ; навеселѣ. Грубымъ голосомъ). Ну, добрый вечеръ. Хорошій дождикъ на дворѣ. Если бы такой въ апрѣлѣ, то сказали бы: будетъ хорошій урожай. А мнѣ все равно.

РОЗА. Смотри-ка, онъ уже пьянъ... Черная оспа убила бы тебя.

ШМИЛЬ. Хватили уже рюмочку, Нахманъ?

НАХМАНЪ. Почему не хватить? Мнѣ все равно.

РОЗА. Иди уже спать, несчастье мое!..

НАХМАНЪ. На зло тебѣ буду сидѣть здѣсь. Мнѣ все равно.

ЭРШЪ (тихо). Ступай спать, Нахманъ. Ты кричишь, а намъ нужно работать.

НАХМАНЪ (вспыхнулъ. Бьетъ себя въ грудь). А я не работалъ сегодня? Не перетаскалъ на этихъ плечахъ тысячи пудовъ? Не издыхаю, какъ лошадь? Такъ, зна-

читъ, мнѣ плакаться? Лежу въ землѣ. У города вѣдь такія лапы,—съ крючками... Такъ что же? Молчу... Можетъ быть, тоже, какъ другіе, хотѣлъ бы свѣтъ увидѣть? Можетъ быть, землю хочу грызть? Жалуюсь я кому-нибудь? Мнѣ все равно... Вотъ у меня сорокъ копеекъ осталось. Возьми мои сорокъ копеекъ.

ЭРШЪ (тихо). Не надо. Оставь у себя.

НАХМАНЪ. Можетъ быть, и я хотѣлъ учиться? А я долженъ быть скотиной. Ну?.. Такъ мнѣ все равно.

РОЗА. Что значитъ не надо? Возьми у него. (Къ Нахману) Дай сюда деньги.

НАХМАНЪ (смотритъ на нее). Вотъ тебѣ не дамъ. Хотѣла ты посылать меня въ школу? Только и знала: ступай работать! И теперь я скотина. Не дамъ тебѣ денегъ.

РОЗА (плачетъ). Взялъ бы тебя Богъ у меня!..

НАХМАНЪ. Послушаетъ тебя Богъ. Какъ же!..

(Идетъ къ дверямъ. Входятъ рабочіе съ мельницы, русскіе и евреи, здороваются и разсаживаются, какъ попало. Нахманъ оглядываетъ ихъ)

НАХМАНЪ (смѣется). Демократы!.. (Плачущимъ голосомъ, очень громко) Демократы!.. (Машетъ рукой) А мнѣ все равно. (Выходитъ въ кухню)

ЯКОВЪ. А что, дядя Эршъ? Миронъ-то вашъ гдѣ?

ЭРШЪ. Миронъ? Скоро придетъ.

(Чарна поднимается, окидываетъ рабочихъ взглядомъ пришибленнаго и медленно выходитъ)

СТЕПАНЪ. Іоська, есть у тебя табакъ?

ІОСЬКА (не глядя даетъ ему желтую круглую коробку). На, возьми.

(Рабочіе тихо разговариваютъ между собой. Входитъ Маня. Худая, высокая женщина)

МАНЯ. Добрый вечеръ.

РОЗА. Добрый вечеръ, Маня. Присядьте возлѣ меня. (Маня сѣла) Что слышно у васъ? были вы у сестры?

МАНЯ. Я была? Пусть чортъ съ ней видится! Послала къ ней свою Диночку. И что же? Думаете, она ее приняла? Подавиться бы ей такъ кускомъ хлѣба. Думаете, допустила въ комнаты? Жить бы ей такъ на свѣтѣ! Она мою Диночку приняла... знаете гдѣ? Въ передней!..

РОЗА. Чтобы ей только жить въ передняхъ.

МАНЯ. Въ передней! Мою Диночку въ передней! Можетъ быть, позволила ей говорить? Рта не дала раскрыть. Кричала. Можете себѣ представить, какъ умѣетъ кричать моя добрая сестра, чтобы ей въ горлѣ заложило, и какъ мое дитя испугалось. Оно такъ испугалось, что чуть въ обморокъ не упало.

ІОСЬКА (прислушался. Вѣжливо). Вы, кажется, разсказываете о мадамъ Гросманъ?

МАНЯ. Я разсказываю о мадамъ Гросманъ. Ну, ничего, Роза. Теперь я къ ней пойду. И если я не перебью ей всѣхъ стеколъ въ окнахъ, то вы меня Маней не будете называть.

ЯКОВЪ. Слѣдовало бы. Очень хорошо бы это, чтобы ни одного стекла не осталось въ цѣлости. А еще сестра!... Ай да сестра!.. (Смѣется)

СТЕПАНЪ. А еще говорятъ, что у нихъ своя, еврейская связь.

МАНЯ (стремительно подбѣгаетъ къ Степану). Я вамъ разскажу, Степанчикъ!.. (Береть его за бороду) Она же сестра, а я бѣдная. Такъ что же? Развѣ у васъ не бываетъ такъ, что одна богатая, а другая бѣдная?

СТЕПАНЪ. Что говорить!..

МАНЯ. Ну, ничего, такъ Богъ хотѣлъ. Онъ же сидитъ наверху и все видитъ, и лучше знаетъ. Но будь же человѣкомъ. Хорошо,—но будь же сестрой!.. Что твоя кровь и что моя кровь?..

ЯКОВЪ. Правильно. (Моргаетъ глазами) Одно слово,—однокровки.

МАНЯ. А она этого не хочетъ знать. Мой мужъ ра-

ботаетъ у ея мужа на мельницѣ. Его еще нѣтъ здѣсь, но онъ сейчасъ придетъ. Онъ придетъ! Спрашиваю васъ, Степанчикъ, надо ли помочь мнѣ? Но пусть ей на весь вѣкъ останется то, что она давала мнѣ до сихъ поръ. Что? Почему я брала? Что же бѣдный долженъ дѣлать? Когда даютъ,—онъ беретъ. Но теперь, Степанчикъ, теперь!.. Такія времена, такая страсть... Ну, не будь сестрой, будь теткой, будь самой дальней родственницей. Помоги чѣмъ-нибудь. Нѣтъ, твой мужъ въ забастовкѣ! Гдѣ же ему быть? Въ землѣ? Пусть онъ не будетъ, такъ вы вѣдь его убьете. Правда, Степанчикъ, вы его убьете?

СТЕПАНЪ (высвободивъ бороду). Убить не убьемъ, но и по головкѣ не погладимъ.

МАНЯ (обрадованная). Ну, вотъ видите. Я ей это сказала, а она меня выгнала. Послала я къ ней сегодня дитя, и она ее тоже выгнала. Кого? Мою Диночку? Моя Диночка лучше, чѣмъ ея барышни. Можетъ быть, нѣтъ? Сидитъ одна худая, какъ скелетъ, и смотритъ на васъ сумасшедшими глазами. Другую, слава Богу, мужъ уже прогналъ отъ себя. Конечно, прогналъ! Прогналъ, прогналъ!.. Богъ не будетъ молчать...

ІОСЬКА. Вы будьте совсѣмъ спокойны. Мы ихъ теперь хорошо прижмемъ къ стѣнѣ.

ЯКОВЪ. Чтобы пѣна пошла со рта...

МАНЯ. Чтобы таки пошла. Она говоритъ, что рабочіе ее раззорили и потому она не можетъ помогать... Забастовка имъ уже стоитъ десять тысячъ. Ничего, я еще доживу увидѣть ее нищей. Рабочіе требуютъ расходовъ на двадцать пять тысячъ рублей въ годъ. Требуйте на пятьдесятъ. Я первая буду кричать: душите ихъ проклятыхъ. Сдирайте съ нихъ кожу, какъ они съ насъ сдираютъ. Не поддавайтесь.

ЯКОВЪ (поднялся). Всѣмъ бы подняться и пойти туда на мельницу...

СТЕПАНЪ. Намедни Германъ подсылалъ своихъ людей; кому деньги прислалъ, кому подарокъ. Нашихъ напоилъ. Вотъ и связь рушится. Вашъ-то деньги любитъ, а нашъ выпить. Вотъ и не поддавайся.—А я что? Я готовъ. Меня хоть ножемъ рѣжь, а я стѣну не сломаю. Ты мнѣ на выпивку, а я тебѣ въ зубы,—да!..

ІОСЬКА (говоритъ съ запинкой). Позвольте и мнѣ что-нибудь сказать. Прошу маленькаго слова. Чѣмъ, напримѣръ, бѣдный рабочій виноватъ въ томъ, что разъ,—боится, два—беретъ деньги, и три,—согласенъ выдавать. Ну? Онъ бѣдный, темный!.. Онъ хочетъ кушать. Онъ, бѣдный, кушаетъ мясо разъ въ недѣлю и то—самое послѣднее мясо, которое съ червями. Онъ, бѣдный, въ заботахъ, и ходитъ оборванный. У тебя, Степанъ, напримѣръ, сапоги цѣлы? Нѣтъ, ты правду скажи. Цѣлые у тебя сапоги?

СТЕПАНЪ. Я ихъ цѣлыми, можетъ, никогда и не видѣлъ... Вотъ они сапоги...

(Показываетъ. Рабочіе смѣются)

ЯКОВЪ. Кто видалъ сапоги Гросмана?

КТО-ТО. А у Германа башмачки на пуговичкахъ.

СТЕПАНЪ. Кухарка ихняя разсказывала, что каждый день по двѣнадцать фунтовъ мяса еврейскаго берутъ,—все слопать не могутъ, такъ собакъ имъ кормятъ.

БЕТЯ. Не бойтесь. Они уже и свинину ѣдятъ.

ІОСЬКА (настойчиво). Ну, такъ это я хотѣлъ сказать. Вотъ бѣдный рабочій, оборванный, голодный...

ЭРШЪ. Ты бы, Іоська, пересталъ. У меня руки начали дрожать.

ІОСЬКА. А если дрожатъ, такъ рабочему уже стало хорошо? Дайте же говорить, Эршъ. Я демократъ и говорю о положеніи бѣднаго рабочаго. И меня никто не можетъ остановить, ибо я желаю добра нашему рабочему классу. А почему имъ можно быть мерзавцами?

Колѣнкой нажимать на грудь бѣднаго рабочаго, чтобы у него глаза закатывались?

ЯКОВЪ. Вѣрно, Іоська. Валяй дальше...

СТЕПАНЪ. Ты, дядя Эршъ, уже помолчи. Маленечко потерпи.

ІОСЬКА. На чемъ же я остановился? Да, такъ я говорю, бѣднаго рабочаго... А если ему дадутъ деньги, можетъ онъ сказать,—не хочу денегъ? Или если ему подносятъ водку,—можетъ онъ сказать, не хочу водки? Онъ таки не долженъ этого дѣлать, но вѣдь онъ еще несознательный. Слѣдовательно, кто же тутъ виноватъ? Опять-таки Гросманъ и его Германъ. Вотъ это я хотѣлъ сказать...

РОЗА. Еще будете ноги цѣловать у Гросмана. Подождите, Іоська. Это не кто-нибудь. Это Гросманъ,— Это король!.. Пусть уѣдутъ изъ города десять такихъ Гросмановъ, и всѣмъ намъ можно будетъ начать копать себѣ могилы.

ШМИЛЬ. Ай, ай, ай, и ай, ай, ай!..

(Входитъ Миронъ съ рабочими и сосѣди. Среди нихъ Абрамъ, мужъ Мани)

ІОСЬКА. Вотъ и пришелъ товарищъ Миронъ...

(Выдвигается впередъ. Рабочіе окружаютъ Мирона. Абрамъ подходитъ къ Манѣ)

АБРАМЪ. Что ты тутъ дѣлаешь? Обойдутся безъ тебя. Иди домой.

МАНЯ. Вотъ я уже ушла. Хочу тоже послушать.

АБРАМЪ. Нечего тебѣ слушать. Узнаешь, когда приду.

МАНЯ. А я хочу остаться. Хочу увидѣть, какъ Гросмана закопаютъ въ землю.

(Ихъ закрываетъ кучка рабочихъ)

ІОСЬКА. Товарищи, прошу всѣхъ сѣсть. Товарищъ Миронъ хочетъ говорить.

(Миронъ отдѣляется и начинаетъ очень просто, негромко и не тихо. Вниманіе растетъ. Прерываютъ жестами,

восклицаніями. Бетя бросила работу и стала недалеко отъ него. Эршъ снялъ очки, подошелъ къ дверямъ и тамъ остался)

МИРОНЪ. Я хочу начать съ того...

РОЗА (прерываетъ его). А я не хочу быть здѣсь. Чтобы мой сынъ! Тьфу на васъ! (Плюетъ) Дождетесь вы всѣ Сибири.

(Выходитъ. Ее сопровождаютъ смѣхомъ)

МИРОНЪ (улыбается). Она все еще боится... Такъ вотъ, мы собрались сюда, чтобы обсудить наши дѣла. (Восклицанія) Всѣ мы знаемъ, что Гросманъ не останавливается уже ни передъ чѣмъ, чтобы сломать нашу забастовку.

ІОСЬКА. Прошу маленькаго слова...

ЯКОВЪ. Подожди, Іоська.

МИРОНЪ. Спрашиваю у товарищей, что будетъ, если Гросманъ побѣдитъ?

СТЕПАНЪ. Извѣстно, что будетъ: на шею верхомъ сядетъ.

МИРОНЪ. Зачѣмъ же было начинать? Пусть каждый вспомнитъ, какъ мы живемъ. Вотъ здѣсь квартира рабочаго. Комната и кухня. Здѣсь живу я, сестра-работница, отецъ-работникъ, братъ Нахманъ и сапожникъ Шмиль. Мы отравляемся вонью, что идетъ со стѣнъ и отравляемъ другъ друга собственнымъ дыханіемъ. Мы спимъ на полу, какъ собаки, и вши поѣдаютъ наше тѣло. Мы ѣдимъ черствый хлѣбъ и лишь по праздникамъ видимъ мясо. Наши развлеченія—или водка, или билліардъ, или мертвый сонъ. Вотъ наше положеніе. Кто изъ насъ живетъ лучше, пусть отвѣтитъ.

ГОЛОСА. Вѣрно, вѣрно...

МИРОНЪ. А какъ живетъ Гросманъ? Семья Гросмана изъ четырехъ человѣкъ. Эти четыре человѣка живутъ въ двѣнадцати комнатахъ, которыя стоили, какъ хвасталъ Германъ, шестьдесятъ тысячъ рублей. Для этихъ людей все доступно. Театръ, музыка, обра-

зованіе, хорошія книжки, лучшая пища, въ то время какъ для нашихъ дѣтей нѣтъ молока въ грудяхъ матерей, въ то время какъ мы гибнемъ отъ истощенія, отъ грязи и болѣзней. Я говорю къ вамъ и хотѣлъ бы, чтобы слова мои вмѣстѣ съ моей желчью и гнѣвомъ дошли до вашего сердца. У насъ есть одинъ выходъ. Не уступать!.. (Шумъ и возгласы)

ЯКОВЪ (въ гнѣвѣ. Встаетъ). Перебить бы всѣхъ этихъ подлецовъ и былъ бы одинъ конецъ. (Грозно) Кто нарушитъ связь, тотъ со мной будетъ вѣдаться. Подожди, подлецы!..

МИРОНЪ. Не легко Гросману увеличить расходы по мельницѣ на двадцать пять тысячъ рублей. Но мы его заставимъ...

ЯКОВЪ (грозно). Заставимъ, а не то всей мельницѣ капутъ!.. Такъ я говорю? Чѣмъ дальше мучиться, какъ мучились до сихъ поръ, такъ уже лучше на каторгу. Хуже мельницы каторги не можетъ быть.

ГОЛОСА. Вѣрно, вѣрно. И всѣхъ щенятъ его слѣдуетъ перебить... (Шумъ, гнѣвные жесты)

ІОСЬКА. Прошу маленькаго слова... Почему товарищъ Миронъ не говоритъ намъ о сынѣ господина Гросмана, Александрѣ? Мы знаемъ, что онъ демократъ. Почему же мы его не видимъ здѣсь, среди насъ? Какой же онъ демократъ, если не идетъ противъ своего отца-эксплуататора?

ЯКОВЪ. Это ты, Іоська, правильно спросилъ!

СТЕПАНЪ. Оно, правду сказать, неловко какъ-то.

МИРОНЪ. Сынъ Гросмана на нашей сторонѣ. Онъ сегодня придетъ сюда, чтобы обсудить и рѣшить, какъ намъ дальше вести дѣло.

ІОСЬКА. Браво и браво. Я удовлетворенъ.

ЯКОВЪ. Значитъ, наша взяла, если сынишка Гросмана за насъ.

ДАВИДКА (робко). Я, Миронъ, вотъ что хотѣлъ сказать. Я бы... (запинается)

ЯКОВЪ. Дай ему по затылку, слова и пойдутъ.

ДАВИДКА (улыбаясь). Что я хотѣлъ сказать? Такъ, ничего не хотѣлъ сказать. Но... но что-то мира хочется. Понимаете, чтобы было тихо, спокойно. Къ чему этотъ крикъ? Ну, хорошо, вотъ крикъ. Вотъ дитя дома плачетъ. Вотъ жена дома проклинаетъ. Такъ уже хорошо? И господинъ Гросманъ тоже не маленькій человѣкъ. Мы упрямимся и онъ думаетъ: „смотри-ка, они со мной хотятъ бороться! Кто хочетъ, что хочетъ? Мы!.. Еще разъ кто? Вотъ эти мы!.. Противъ кого? Противъ Гросмана!..“

ІОСЬКА. Прошу маленькаго слова... Ты кончилъ, Давидка? Если нѣтъ, то продолжай.

ДАВИДКА. Я не кончилъ и я не началъ. Я только говорю, пусть все будетъ сдѣлано тихо, мирно. Мы евреи и онъ еврей. Не скушаемъ другъ друга. (Къ Іоськѣ) Что? Ты говоришь, что здѣсь русскіе рабочіе? Что же изъ этого? Развѣ они не люди? Они меня понимаютъ. Правда, Яковъ, ты меня понимаешь?

ЯКОВЪ. Пошелъ ты къ чорту.

ДАВИДКА. Уже пошелъ.. Ну, а дальше? Что ты на меня смотришь, Іоська?

ІОСЬКА. Я смотрю на тебя оттого, что ты ничего не понимаешь въ бѣдномъ рабочемъ. Когда я тебя выучу? Ты вѣдь набитый дуракъ, и я тебѣ сейчасъ докажу почему. Что такое, напримѣръ, капиталистъ-эксплуататоръ? Ну, что, что?..

ДАВИДКА. Знаю, знаю...

ІОСЬКА. Знаешь? Кушать ты знаешь! Капиталистъ-эксплуататоръ, это человѣкъ, который долженъ отнимать у рабочаго прибавочную стоимость. Ну а что такое рабочій? А? Рабочій, это человѣкъ, который, хотя не хочетъ, но долженъ отдавать капиталисту прибавочную стоимость. Не смотри на меня какъ баранъ передъ смертью. Ты уже понялъ? Что же отсюда слѣдуетъ? Что рабочій долженъ бороться съ капитали-

стомъ, пока не отниметъ у него всю прибавочную стоимость. Оселъ, причемъ же тутъ еврей? Вотъ тутъ ты, Давидка, второй разъ дуракъ, и я тебѣ сейчасъ докажу почему. Если, напримѣръ, еврей капиталистъ выжимаетъ прибавочную стоимость изъ русскаго и еврейскаго рабочаго, а русскій капиталистъ выжимаетъ прибавочную стоимость изъ еврейскаго и русскаго рабочаго, то причемъ тутъ нація? Когда я говорю, что монета не имѣетъ націи, то ты это понимаешь. Почему же ты не понимаешь, что тотъ, кто любитъ монету, тоже не имѣетъ націи? (Рабочіе смѣются) Причемъ же здѣсь слова: еврей и русскій?..

ЯКОВЪ. Ловко отдѣлалъ, Іоська. Мы всѣ одно, что Степанъ, что Миронъ.

ДАВИДКА (подумавъ). А почему русскіе устраиваютъ погромъ?

СТЕПАНЪ (погладивъ бороду. Сбивчиво). Да! Это ты правильно спросилъ. Это такъ.

ІОСЬКА. Дуракъ. Мы бѣдные рабочіе идемъ къ одной цѣли. Русскіе и еврейскіе рабочіе не враги. Они уже поняли свои общіе интересы и рука объ руку идутъ въ бой со старымъ міромъ, чтобы его сокрушить. Я скажу такъ: русскіе и еврейскіе рабочіе,—братья!

ЯКОВЪ. Вѣрно, — братья. Нашъ врагъ хозяинъ, а не еврей. Хозяину надо шею свернуть.

(Шумъ)

ШМИЛЬ. Ай, ай, ай! Братья!.. Эго хорошо... Это по-еврейски!.. (Встаетъ и бросаетъ сапогъ) Слушайте дѣти... Это по-еврейски. Степанъ, знаешь ты, что значитъ по-еврейски? Это значитъ по-человѣчески: всегда и вездѣ еврейское было человѣческое. Дѣти, — люби враговъ своихъ, кто сказалъ? Это мы сказали. И кто сказалъ, подставь правую щеку, когда бьютъ въ лѣвую? Вы говорите, что вы. Но это неправда... Тоже мы!.. Эти слова пахнутъ еврейской болячкой, еврейской кровью.

ДАВИДКА. (благоговѣйно). Таки пахнетъ еврейской болячкой.

ІОСЬКА. Прошу маленькаго слова...

ШМИЛЬ. Тысячелѣтія прижимали еврея, и онъ отъ боли скривилъ лицо и выкрикнулъ: люби враговъ своихъ. Некуда было дѣваться, Степанъ. Люби враговъ своихъ!.. Хорошо, но сейчасъ же проклялъ это, и оно стало чужимъ. Ай, ай, ай, ай, и ай, ай, ай!.. Сказать правду нужно. Это было еврейскимъ словомъ. А кто сказалъ, борись съ поработителемъ своимъ? Тоже мы!.. Все хорошее, человѣческое говорили мы и сейчасъ же дарили другимъ. Берите, мы не жадные. У насъ столько есть, что всѣмъ людямъ хватитъ. Не мѣшай же, Іоська. Мы сказали: борись съ поработителемъ своимъ, но это еще не по-еврейски!.. Но борись ты, угнетенный, рука объ руку не только съ евреемъ, а съ русскимъ, съ французомъ, съ полякомъ, противъ поработителей своихъ,—вотъ это по-еврейски. Тутъ еврей не скривилъ лицо и громко, Яковъ, и смѣло, Іоська, сказалъ: угнетенные, вотъ ваша дорога!.. Понимаете? понимаете? И я еще долженъ сказать, Степанъ, что все станетъ еврейскимъ!.. Нѣтъ, у васъ таки будетъ своя суббота, у французовъ своя, у нѣмцевъ своя, но духъ, духъ во всемъ будетъ жить еврейскій.

(Садится въ волненіи. Шумъ)

МАНЯ. Вамъ за это слѣдуетъ поцѣлуй, Шмиль. Вы всегда вмѣшиваетесь не въ свое дѣло. Вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. А я хочу видѣть, какъ похоронятъ Гросмана. Дѣти!.. Надѣвайте-ка на него саванъ!.. Кладите же его въ землю...

(Въ это время въ заднихъ рядахъ начинается движеніе. Всѣ оглядываются. Кто-то, протискивается черезъ толпу. Миронъ бѣжитъ навстрѣчу)

МИРОНЪ. Это товарищъ Александръ, сынъ Гросмана. Пропустите товарища.

ЭРШЪ (пораженный). Сынъ господина Гросмана здѣсь!.. Самъ сынъ господина Гросмана!..

(Александра окружаютъ рабочіе, пожимаютъ ему руку)

АЛЕКСАНДРЪ (звучнымъ голосомъ). Товарищи!.. (Всѣ утихаютъ) Товарищи!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Столовая въ домѣ Гросмана. Слышна игра на фортепіано. Звуки доносятся слабо. Музыка нѣжная, меланхолическая. Сѣрый, тусклый день. Мельница окутана туманомъ. Ея контуры неясно выдѣляются. Отъ тѣней столовая кажется печальной. Женя сидитъ на кушеткѣ, повернувшись спиной къ мужу. Этель, въ капотѣ, сидитъ за столомъ, повернувшись къ Розенову. Розеновъ, одѣтый съ иголочки, взволнованный, ходитъ по комнатѣ.

РОЗЕНОВЪ. Не говорите мнѣ, теща, объ этой дурацкой революціи. Я плевать хочу на нее. Вотъ этотъ скандалъ, который Женя устроила, хуже всякихъ революцій. Мнѣ никуда нельзя показаться. Понимаете, нельзя!.. Надо воспользоваться, теща, тревожными слухами и уѣхать мѣсяца на два за границу съ Женей. О насъ забудутъ и перестанутъ сплетничать. (Женя киваетъ головой) Нѣтъ? (Грозно) Нѣтъ?

ЭТЕЛЬ. Зачѣмъ такъ сердиться, Яковъ? Она вѣдь молоденькая. Ее надо попросить, приласкать. Вѣдь она у меня выросла въ роскоши. Ты образованный, ты знаешь самыя лучшія слова...

ЖЕНЯ. Какъ вы мнѣ надоѣли... Всѣ, всѣ!.. (Повернулась въ другую сторону)

РОЗЕНОВЪ. Слышите, теща? Это ея постоянный жаргонъ. (Повторяетъ раздраженно) Какъ вы мнѣ надоѣли! Чѣмъ я вамъ надоѣлъ, принцесса?

ЖЕНЯ. Интеллигентъ, ставшій биржевикомъ,—не человѣкъ!

РОЗЕНОВЪ. Слышите, теща, слышите? Четыре года я ей твержу: Женя, деньги! Женя, деньги и деньги! Вотъ результаты. Теща, вы знаете жизнь. Можно ли прожить безъ денегъ? И мужу нельзя объ этомъ сказать женѣ!..

ЭТЕЛЬ. Что же дѣлать, если она такая. Она у меня не жадная.

РОЗЕНОВЪ (возмущенный). Какъ, что дѣлать? Вы

должны другое говорить, если желаете ей добра. Сдѣлайте ее жадной. Отнимите у нея платья, брилліанты, и она заголоситъ, какъ я голосилъ. Что дѣлать? Вотъ я прошелъ школу и хорошо знаю, что нужно дѣлать. Вамъ кажется, теща, что какъ только я пріѣхалъ изъза границы съ дипломомъ, то передо мной открылись всѣ двери?.. Ошибаетесь. Я былъ бѣденъ и со мной никто разговаривать не хотѣлъ. Ошибаетесь. Со мной теща не церемонилась. Прошло три тяжелыхъ года, пока я почувствовалъ подъ ногами почву.

ЭТЕЛЬ. Положимъ, всѣмъ приходится трудно...

ЖЕНЯ. Я краснѣю, когда слышу объ этомъ. Сейчасъ пойдетъ разсказъ о бо́льницѣ. И онъ даже не подозрѣваетъ, какъ это пошло.

РОЗЕНОВЪ. По́шло разыгрывать Софію Кавалевскую, когда въ сущности ты хочешь того же, что и я.

ЖЕНЯ. Я хочу? А мои идеалы...

РОЗЕНОВЪ. Знаемъ, знаемъ... Все въ высокомъ стилѣ: Богъ, идеалъ, искусство... Надо имѣть стыдъ, Женя! Въ больницѣ, теща, гдѣ я по пріѣздѣ изъ-за границы началъ работать, пришлось превратиться чуть ли не въ лакея извѣстныхъ врачей, чтобы добиться отъ нихъ какой-нибудь помощи. И я превратился, теща. Вотъ гдѣ истинная правда жизни. Я превратился, потому что понялъ,—иначе не пройдешь. Я развлекалъ ихъ женъ. Я былъ ловче другихъ, гулялъ съ ихъ идіотками дочерьми и за это иногда получалъ дежурство у богатаго больного. Я терпѣлъ... ради денегъ!..

ЭТЕЛЬ. Въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Ты все-таки устроился...

РОЗЕНОВЪ. Конечно!.. И я побѣдитель. Я правъ и требую, чтобы она не становилась поперекъ моей дороги. Я долженъ быть богачомъ и буду имъ. Она не хочетъ понять, что практика врача рѣдко обогащаетъ. Посмотрите, теща, на нашихъ богатыхъ врачей. Развѣ

они живутъ? Развѣ они чувствуютъ сладость жизни? Другое дѣло биржа. Это чисто. Это пріятно. Вокругъ тебя кипитъ жизнь. Ты самъ какъ соломинка захваченъ водоворотомъ. Деньги ростутъ! Деньги ростутъ!

ЭТЕЛЬ (звонкимъ голосомъ). Я понимаю. Я чувствую, Яша! Помню, какъ это у насъ началось.

ЖЕНЯ. Ненавижу, презираю васъ...

ЭТЕЛЬ (дѣлаетъ Розенову знакъ. Шепотомъ). Поговори самъ съ ней. Я ничего не могу подѣлать, а отецъ не хочетъ вмѣшиваться.

ЖЕНЯ (обернулась). О чемъ вы шепчетесь?

ЭТЕЛЬ. Я не шепчусь. Уже шепчусь! (Дѣлаетъ Розенову знакъ) Подойди же къ ней.

(Тихо выходитъ въ кабинетъ и закрываетъ дверь за собой. Розеновъ смотритъ на жену. Заложилъ руки за спину и ходитъ по комнатѣ. Останавливается. Недовольно машетъ головой и рѣшительно подходитъ къ ней)

РОЗЕНОВЪ (искусственно дрогнувшимъ голосомъ). Женичка!..

ЖЕНЯ. Не смѣйте касаться меня. Ступайте къ своей служанкѣ!

РОЗЕНОВЪ (вспыхнулъ). Ненавижу этотъ тонъ. Начиталась французскихъ романовъ и чуть что, сейчасъ на вы.

ЖЕНЯ. Я не хочу тебя знать больше. Моя жизнь пропала! (Приложила платокъ къ глазамъ) Если бы я знала, за кого шла замужъ. Скажи, чѣмъ ты теперь лучше бандита, который останавливаетъ путниковъ на большой дорогѣ съ крикомъ: кошелекъ или жизнь? Врачъ-биржевикъ! Какой позоръ, какой позоръ!

РОЗЕНОВЪ (сдерживается). Я третій разъ дѣлаю попытку примириться съ тобой. Двѣ недѣли, какъ ты бросила домъ. Дѣти страдаютъ,—ты замучилась. Послушай меня, поѣдемъ домой.

ЖЕНЯ (съ горечью). Ты заботишься обо мнѣ? (Крикливо) А какова была моя жизнь? Поговорилъ ли ты

со мной хоть однажды серьезно? Нѣтъ, серьезно, почеловѣчески. Чѣмъ я была для тебя? Куклой, выставкой! Ты покупалъ мнѣ брилліанты ради своихъ цѣлей, но скупился на покупку книгъ, произведеній искусства. Въ нашемъ домѣ нѣтъ ни одной скульптуры. Въ гостинной, на стѣнахъ висятъ большія олеографіи, въ этихъ пошлыхъ золоченыхъ рамахъ. Для кабинета ты отказывался пріобрѣсти библіотеку...

Розеновъ. Эти бредни никого не грѣютъ. Мнѣ надоѣли книги. Я не признаю искусства.

Женя. Развѣ это не ужасно, не признавать искусства? Боже мой, я оставалась одна и думала: гдѣ же мои мечты? Когда мы познакомились, ты мнѣ понравился. (Опять напыщеннымъ тономъ) Я думала, что съ тобой изъ этого мертваго дома я выйду на свѣтъ, я увижу солнце. Жизнь наша будетъ заполнена благороднымъ трудомъ...

Розеновъ (сердито). Это все изъ романовъ. О какомъ трудѣ ты говоришь? Въ жизни все такъ ясно, такъ просто. Поѣдемъ домой. Твоя вспышка пройдетъ, и какъ ты будешь жалѣть, если мы разойдемся. Я женюсь вторично на молоденькой, богатой, ты останешься вдовой. Хочешь, я повезу тебя за границу? (Шепчетъ) Поѣдемъ, какъ любовники...

Женя. Не добьюсь у тебя, чтобы ты отнесся ко мнѣ, какъ человѣкъ. (Заплакала) Я говорю серьезно, Яковъ. Можетъ быть, это мои послѣднія слова! Я четыре года молчала. Я рвалась изъ нашей клѣтки къ прекрасному. И вотъ я вырвалась... не на радость.

Розеновъ (мѣняетъ тонъ). Не могу же я серьезно, хладнокровно слушать эту чепуху. Вѣдь я не мальчишка и не хожу, воздѣвъ очи горѣ. Я смолоду ненавидѣлъ этотъ гнусный, высокій тонъ Перестань дурить, или я тебя заставлю. Бросила дѣтей и разыгрываетъ Жанну Даркъ.

ЖЕНЯ (задыхаясь). Меня заставить!

РОЗЕНОВЪ. Тебя, тебя. Я пойду до конца.

ЖЕНЯ. Ты думаешь, что разговариваешь съ своими любовницами?

РОЗЕНОВЪ. Молчать! (Сдавливаетъ ей руку) Ѣдешь домой? Я спрашиваю, вернешься домой?

ЖЕНЯ (вырываетъ руку). Опять въ эти проклятыя комнаты тюрьмы? Никогда, лучше смерть! (Съ пафосомъ) Кому я нужна теперь? Кто протянетъ мнѣ руку, чтобы идти со мной впередъ, впередъ, безъ конца? Я одна!.. Моя жизнь пропала и вотъ я плачу. Кому я продана? Посмотри на себя. У тебя круглое брюхо и плотоядный ротъ. (Смѣется) У тебя цѣпочка на жилеткѣ. Нѣтъ, ты посмотри на себя. Какъ твой домъ устроенъ? Кабинетъ безъ библіотеки, гостинная безъ произведеній искусства, столовая и огромный буфетъ съ мраморной доской. Когда къ намъ входишь, сразу охватываетъ атмосфера чего-то ужаснаго, мерзкаго, безстыднаго. Я плачу, пропала жизнь!

РОЗЕНОВЪ. Но ты вѣдь идіотка, честное слово. Твое мѣсто въ больницѣ.

ЖЕНЯ. Это тебѣ кажется страшнымъ. Все благородное для тебя не имѣетъ цѣны. Пусть! Я плачу. Пропала жизнь!

РОЗЕНОВЪ (въ бѣшенствѣ). Не знаю, что удерживаетъ меня ударить тебя. Но подожди, дойдетъ и до этого. Проклятіе гимназіямъ и подлымъ книгамъ! Почему я женился на тебѣ? Почему я тебя выбралъ? Развѣ въ городѣ мало другихъ богатыхъ идіотокъ, которыя почли бы за счастье выйти за меня замужъ? (ЖЕНЯ рыдаетъ) Ты еще плачешь? Ты еще права? Подожди, прибѣжишь сама ко мнѣ.

(Въ гнѣвѣ убѣгаетъ. Пауза. ЖЕНЯ плачетъ. Изъ кабинета тихо выходитъ ЭТЕЛЬ. Удивленно оглядывается. Музыка прекращается)

ЭТЕЛЬ. Гдѣ же Яковъ?

(Женя молча поднимается и рыдая выходитъ изъ комнаты въ правую дверь. У дверей столкнулась съ Маней. Этель изумленно смотритъ на нее)

ЭТЕЛЬ (недовольно; разстроена). Какъ ты прошла сюда? Кто тебя впустилъ?

МАНЯ. Никто меня не впустилъ. У кого я должна спрашивать позволеніе? Какъ ты ни богата, и какъ я ни бѣдна, все-таки мы сестры. Еще могу зайти къ тебѣ безъ спроса. Когда-то вмѣстѣ въ камешки играли, когда-то сидѣли за однимъ столомъ. Вотъ такъ сидѣлъ отецъ, а тутъ мать и, слава Богу, меня считали немножко красивѣе и умнѣе тебя. Счастья твоего мнѣ только не хватало.

ЭТЕЛЬ. Пришла уже разговаривать. Мнѣ не такъ весело, чтобы тебя слушать.

МАНЯ. Можно подумать, что я прыгаю отъ веселья. Почему ты выгнала Диночку? Что она тебѣ сдѣлала? Вѣдь она пришла тебѣ поклониться?

ЭТЕЛЬ (хмуро). Чего тебѣ надо отъ меня? Зачѣмъ ты приходишь меня мучить? Думай о какой-то Динѣ! Слава Богу, у меня довольно своихъ заботъ.

МАНЯ. Я ничего не говорю.

ЭТЕЛЬ. Ты не говоришь? Знаю тебя. Твои глаза говорятъ. Пусти меня выйти. Смотри-ка, стала на порогѣ и не пропускаетъ!..

МАНЯ (тихо). Я ничего не хочу отъ тебя. Я пришла только разсказать тебѣ, что мы умираемъ съ голоду. Внизу стоитъ мой Абрамъ и падаетъ съ ногъ отъ слабости. Помощи нѣтъ ни откуда. Я прощаю тебѣ, что ты выгнала мою Диночку. Я прощаю тебѣ твои двѣнадцать комнатъ и то, что ты купаешься въ золотѣ, прощаю даже и то, что ты меня, свою сестру, не хотѣла вытащить изъ грязи, изъ этой бѣдноты, изъ этихъ скорбей. (Заплакала) Помоги мнѣ теперь...

ЭТЕЛЬ. А я тебѣ сто разъ говорила что я не Рот-

шильдъ. Мнѣ не у кого взять денегъ. Ты думаешь, что золото у меня въ рукахъ? А если бы и было? Значитъ, я должна тебѣ всё отдать? Ты моя сестра, но теперь нѣтъ родства. Всякій живетъ для себя. Былъ бы твой мужъ умнѣе, дѣльнѣе, ты бы тоже достигла богатства. У меня есть люди поближе, чѣмъ ты. Спроси-ка сколько стоитъ вести хозяйство. Сколько стоятъ слуги, лошади, конюхи? Сколько нужно для дѣтей. И ничего не остается для другихъ. Теперь мельница стоитъ, а когда мельница стоитъ, то все равно, что мать умерла. Пропусти меня. Ты видѣла, моя Женичка плакала?

маня. Я не уйду отсюда. Мнѣ некуда идти. Лягу здѣсь и умру. Хорошо, нѣтъ родства. Пусть! Я не сестра, я, просто, бѣдная, несчастная женщина. Я пришла къ тебѣ. Я оглядываюсь и глаза не выносятъ блеска твоего богатства. Дома у меня холодно, въ окнахъ стеколъ нѣтъ, со стѣнъ течетъ зеленая вода. Каждая вещь, которая здѣсь валяется, могла бы осчастливить меня на всю жизнь. Смягчи свое сердце. Взгляни на меня и на себя: мы вѣдь дѣти одной матери. Ты вся сіяешь, а я худа, какъ загнанная лошадь, и годилась бы тебѣ въ матери. Мои руки такъ высохли, что въ нихъ едва бьются жилы.

этель. Кто же виноватъ? Плачься на Бога. Пусть мужъ работаетъ... Развѣ мой Давидъ отказывался когда-нибудь отъ работы? Никогда! Онъ всегда думалъ о томъ, чтобы дѣлать деньги. Пусть твой мужъ тоже работаетъ, пусть дѣти работаютъ. Не жрите столько, не покупайте туфелекъ, шляпокъ, корсетовъ и изъ этихъ копеекъ соберутся рубли.

маня (мрачно). Пусть то, что мы тратимъ на шляпки, достанется моимъ близкимъ и далекимъ врагамъ на всю жизнь.

этель (сердито). Ты еще проклинаешь? Ты! Ничтожная! Какъ же имѣть дѣло съ такими людьми, какъ вы?

Ты бы вѣдь меня зарѣзала. За что? Развѣ мы ограбили кого-нибудь? Что вамъ сдѣлалъ Давидъ? Если его мельница кормитъ васъ, то этимъ онъ плохъ? Кого Давидъ обидѣлъ? Всю жизнь онъ думаетъ о васъ. Изъ-за васъ нѣтъ ни дня, ни ночи. А чѣмъ вы платите за это?

МАНЯ. Прошу тебя... помоги мнѣ.

ЭТЕЛЬ. У меня нѣтъ денегъ.

МАНЯ. А я перебью всѣ твои стекла. А я буду бѣгать по улицамъ и кричать: народъ, смотрите, какъ Этель Гросманъ поступаетъ съ своей несчастной сестрой! (Изступленно) А я повѣшусь у твоихъ дверей.

(На крикъ вбѣгаетъ Гросманъ. За нимъ почтительно входитъ Германъ)

ГРОСМАНЪ. Что тутъ за крикъ? Кто это?

ЭТЕЛЬ. Это Маня. Она кричитъ, что ей плохо. Если нуждаешься въ помощи, то развѣ такими словами требуютъ?

МАНЯ (возбужденно). Вы, Гросманъ, мой шуринъ, а она моя сестра..

ГРОСМАНЪ (въ гнѣвѣ затопалъ ногами). Вонъ отсюда!

МАНЯ. Ну, выбросьте меня. Вотъ это я хочу видѣть. А ну, возьмите-ка меня за плечи. Мнѣ уже все равно. Ну, жирные звѣри, выбросьте меня!.. Развѣ вы люди? Эта женщина моя сестра! Собаку бы лучше мать родила.

ГРОСМАНЪ (топаетъ ногами). Вонъ, вонъ сейчасъ! Германъ, что же вы стоите? Вытащите ее отсюда.

ГЕРМАНЪ (подходитъ къ Манѣ, беретъ ее за руку). Идите отсюда. Вы вѣдь крикомъ ничего не добьетесь.

МАНЯ (вырывается изъ его рукъ). Разбойники! Я вамъ всѣ стекла перебью въ домѣ. Вы вѣдь пьете нашу кровь. Подождите, мы вамъ покажемъ, какъ пить. Ты, пусти меня... жирный звѣрь!

ЭТЕЛЬ. Пустите ее, Германъ. (Бросаетъ ей рубль) На, подавись! Можешь уже проститься съ мельницей.

МАНЯ (глядитъ на монету, которая покатилась; поднимаетъ ее

съ пола). Рубль! Богачка Гросманъ бросаетъ голодающей сестрѣ рубль! Что бы одинъ рубль остался отъ твоего богатства. Имѣешь уже радости отъ своей Женички? Подожди, подожди. Моя правда возьметъ верхъ. Подождите, разбойники!

(Быстро уходитъ. Германъ присаживается скромно къ столу и не поднимаетъ глазъ. Гросманъ взволнованъ. Заложилъ руку за спину и ходитъ по комнатѣ)

ГРОСМАНЪ. Вотъ положеніе еврейскаго богача. Онъ одинъ и всякихъ бѣдныхъ родственниковъ у него тысяча. Тому до зарѣзу нужны деньги, тотъ умираетъ съ голоду. Этому найди службу. Воспитывай на свой счетъ десятокъ юношей и выдавай имъ стипендію. Благотворительныя учрежденія требуютъ пожертвованій, и кто только хочетъ, расхищаетъ твое состояніе. Почему? Потому что ты еврейскій богачъ. Къ русскому богачу никто не посмѣетъ явиться съ просьбами. А попробуй отказать—и ты разбойникъ!

ЭТЕЛЬ (робко). Выбрось ее уже изъ головы. Сегодня Яковъ опять приходилъ.

ГРОСМАНЪ. Не хочу слушать объ этомъ. Пусть идутъ къ черту всѣ Яковы!..

ГЕРМАНЪ (скромно). Надо было ей выбросить что-нибудь. Меньше собакой,—меньше лая.

ЭТЕЛЬ. Но у меня нѣтъ столько денегъ. Пусть бы Давидъ далъ мнѣ сто рублей и сказалъ: эти деньги отдай сестрѣ. Подумайте, Германъ, сколько мнѣ нужно ежедневно расходовать.

ГРОСМАНЪ. У нея никогда нѣтъ денегъ, Германъ. Дайте ей тысячу рублей и черезъ минуту она скажетъ: у меня нѣтъ денегъ.

ЭТЕЛЬ. Когда я получала отъ тебя тысячи?

ГЕРМАНЪ. Я не о Манѣ говорю. Я хотѣлъ только сказать, что теперь ихъ не слѣдуетъ раздражать. Они и такъ голову потеряли.

ГРОСМАНЪ. А я говорю вамъ, Германъ, что плюю на рабочихъ и на революцію, и на все. Я никого и ничего не боюсь. Если бы они даже съ ума сошли отъ перваго до послѣдняго,—они ничего не получатъ. Не раздражайте меня.

ЭТЕЛЬ. Дай ему хоть слово сказать. Вѣроятно, онъ знаетъ, что говоритъ.

ГРОСМАНЪ. Ты молчи. Не твое дѣло. Не вмѣшивайся...

ГЕРМАНЪ. Вы знаете, мадамъ Гросманъ, мою преданность вамъ. Вы меня вытащили изъ нищеты. И если бы вы сказали мнѣ: Германъ, бросься въ огонь, я закрылъ бы глаза и бросился въ огонь. Вѣрьте же моимъ словамъ. Послѣ той проклятой большой забастовки рабочіе превратились въ звѣрей. Во всемъ городѣ вы не найдете одного порядочнаго рабочаго. Волненія и слухи и все, что происходитъ въ эти проклятые мѣсяцы, дѣйствуетъ на нихъ, какъ огонь на порохъ. Они всѣ ходятъ съ глазами, налитыми кровью и съ сжатыми кулаками.

ЭТЕЛЬ (въ страхѣ). Слышишь, что онъ разсказываетъ?

ГРОСМАНЪ (сухо). Пусть разсказываетъ... Мы уѣдемъ...

ГЕРМАНЪ. Это другое дѣло. Еще недѣлю тому назадъ я думалъ, что все въ нашихъ рукахъ, а теперь я уже не вѣрю. Волненіе велико. Никто не знаетъ хорошо, чего хочетъ, и всѣ кипятъ, какъ въ котлѣ. Дѣлается страшно!..

ГРОСМАНЪ. Если нужно будетъ,—я уѣду. Пусть все погибнетъ, а я не сдамся. Вы, можетъ быть, думаете, что я боюсь, если согласенъ уѣхать? Ошибаетесь. У меня свой планъ, я же смѣюсь надъ ними. Все это пустяки, вздоръ...

ГЕРМАНЪ. Дай Богъ, дай Богъ!..

ГРОСМАНЪ. У васъ, Германъ, маленькая голова и

вы не понимаете, что происходитъ. Надо подняться высоко и сверху посмотрѣть внизъ. Тогда вамъ все откроется. Есть что-то постарше насъ съ вами, Германъ. Это наша власть. Эту власть хотятъ отнять у насъ, но мы не отдадимъ ея. Она должна существовать. Поднимитесь, Германъ, еще выше. Вотъ она власть! Въ золотѣ и съ мечемъ. Поклонимся ей!..

ГЕРМАНЪ. Это не для моей головы.

ГРОСМАНЪ. Потому вы и трусите, что не понимаете. Нужно, Германъ, дать развиться силѣ и задушить ее... Мы обезоружимъ ихъ, и впряжемъ всѣхъ въ нашу колесницу. Я, Германъ, самъ работалъ, знаю ихъ силы, знаю, чего они хотятъ, но знаю теперь, кто мы.

ГЕРМАНЪ. Я не могу съ вами спорить. Мое дѣло сказать, что всѣ мы стоимъ теперь на пороховомъ погребѣ, что можетъ произойти взрывъ, отъ котораго ничего цѣлымъ не останется.

ГРОСМАНЪ (взволнованно). Нѣтъ такого взрыва, котораго не могли бы сдержать крѣпкія стѣны. Посмотрите, Германъ, кругомъ себя. Вѣдь то, что совершается кругомъ насъ, не есть только мое дѣло. Вопросъ стоитъ такъ: власть для однихъ или власть для всѣхъ. Я стою тутъ на сторожѣ и говорю: нѣтъ!.. Я говорю всѣмъ, имѣющимъ власть: нѣтъ, ни одной уступки. Я говорю всѣму міру: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Оставимъ это. Все равно, вы не поймете. Что вы хотѣли сказать?

ЭТЕЛЬ. Мнѣ страшно. Я бы спряталась въ самомъ глухомъ мѣстѣ. Когда мы были бѣдны, намъ было хорошо. Мы жили спокойно.

ГРОСМАНЪ. Молчи.

ГЕРМАНЪ. Я самъ все испробовалъ. На-дняхъ я призвалъ къ себѣ Степана. Онъ пользуется вліяніемъ среди своихъ. Степанъ, началъ я, что же ты дѣлаешь?

Ты русскій человѣкъ? Какъ тебѣ не стыдно водиться съ евреями? У тебя крестъ, у нихъ что? Кто дѣлаетъ смуту, какъ не евреи? Кто бунтуетъ, если не евреи? Ничего на помогло!

ГРОСМАНЪ. Вы хорошо сдѣлали, что такъ говорили о евреяхъ. Это должно подѣйствовать.

ЭТЕЛЬ. Зачѣмъ трогать евреевъ?

ГРОСМАНЪ. Какое тебѣ дѣло? Много добра ты видѣла отъ евреевъ?

ЭТЕЛЬ. Я знаю одно: евреевъ не нужно трогать...

ГЕРМАНЪ. Чѣмъ же отвѣтилъ Степанъ? Пришелъ вечеромъ и разбилъ камнями окна въ моей квартирѣ.

ЭТЕЛЬ. Вотъ видишь, Давидъ. Уступи имъ хоть что-нибудь... Станетъ спокойнѣе. Развѣ ты имѣешь дѣло съ людьми? Это вѣдь дикіе звѣри...

ГРОСМАНЪ. Пусть звѣри... Не твое дѣло. Я говорю, нѣтъ. Такъ и будетъ.

ГЕРМАНЪ. Хорошо. Можно подождать еще нѣсколько дней. Только... Только...

ГРОСМАНЪ. Что только?

ГЕРМАНЪ. Мнѣ тяжело причинить вамъ горе...

ГРОСМАНЪ. Какое горе? Что вы тянете?

ЭТЕЛЬ (испуганно). Боже мой, что еще?

ГЕРМАНЪ. Я преданъ вамъ и долженъ всю правду открыть. Я бы даже открылъ ее, если бы былъ постороннимъ—просто изъ сожалѣнія къ юношѣ.

ГРОСМАНЪ. Чортъ васъ возьми, Германъ. Вы тянете изъ меня жилы.

ГЕРМАНЪ (нерѣшительно). Вы... знаете, кто противъ васъ?

ГРОСМАНЪ. Какъ... Кто?

ЭТЕЛЬ. Боже мой!..

ГЕРМАНЪ. Въ дѣлѣ вѣдь замѣшанъ вашъ сынъ, господинъ Александръ. Вотъ правда, которую я узналъ.

ГРОСМАНЪ (съ крикомъ). Это!..

ЭТЕЛЬ. (всплеснула руками). Сашенька!..

ГЕРМАНЪ. И то, что господинъ Александръ въ забастовкѣ...

ГРОСМАНЪ (обрываетъ его). Мой Саша? Неправда! Противъ меня!.. Не вѣрю!..

ЭТЕЛЬ. Ты таки не вѣрь, Давидъ, не вѣрь...

ГЕРМАНЪ. Мои люди мнѣ сказали.

ГРОСМАНЪ. Мой сынъ? Ложь!.. Этель, гдѣ онъ? Позови его сейчасъ же сюда. Притащи его. Неправда, Германъ. Голову даю. Что, Этель, хорошихъ дѣтей ты родила? (Этель, сгорбившись, выходитъ) Поклянитесь Германъ, что это правда!

ГЕРМАНЪ. Клянусь...

ГРОСМАНЪ. Такъ у меня нѣтъ больше сына. (Кричитъ Этелъ, Этель, скорѣе! Терпѣніе мое истощилось!..

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ). Его нѣтъ дома. (Дрожитъ) Давидочка

ГРОСМАНЪ. Такъ послать за нимъ. Отыскать его. (Къ себѣ) Тише, Гросманъ, тише. Не падай духомъ...

ГЕРМАНЪ. Господинъ Гросманъ, что съ вами?

ЭТЕЛЬ. Давидочка, мой дорогой Давидъ!.. Тебя прошу! Вотъ стану на колѣни передъ тобой. Только ты успокойся, только ты. Не смотри на дѣтей—только ты!..

ГРОСМАНЪ. Уйди! Тише, Гросманъ, тише... Ты зналъ своего сына? Этель, въ первый разъ мы сойдемся съ нимъ лицомъ къ лицу. Мы разсмотримъ другъ друга. Тише, Гросманъ, тише... Что ты сдѣлалъ, чтобы знать своего сына? Кто у тебя въ домѣ?

ГЕРМАНЪ. Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ?!..

ГРОСМАНЪ. Ступайте, Германъ. Работайте. Я не сдаюсь. (Сердито) Не раздражайте же меня своими отвѣтами. Ступайте!..

ЭТЕЛЬ. Идите, идите. Вы видите, что съ нимъ. Ахъ, Германъ, печали вы принесли въ нашъ домъ, острый ножъ вы вонзили въ мое сердце...

ГЕРМАНЪ (бормочетъ). Я долженъ былъ донести. (Выходитъ. Гросманъ большими шагами ходитъ по комнатѣ)

ЭТЕЛЬ (умоляюще). Давидъ, Давидочка!..

ГРОСМАНЪ. А, что?

ЭТЕЛЬ. О чемъ ты думаешь? Не надо думать, не надо! Прогони свой гнѣвъ... Какъ намъ хорошо было, когда мы были бѣдны. Вотъ мы богаты. Стали ли мы счастливѣе? Нѣтъ однихъ заботъ, но выросли другія, худшія. Огромныя комнаты, кругомъ роскошь, а я кружусь въ нихъ, какъ заброшенная кошка. Женя несчастна!.. Не сердись на Сашу.

ГРОСМАНЪ (разсѣянно). Я хожу и думаю о томъ, какъ съ нимъ встрѣчусь. Намъ вѣдь нужно взглянуть другъ на друга. Этель, кажется, въ деньгахъ лежитъ что-то страшное. А? Чортъ сидитъ въ деньгахъ. Что? Ты знаешь Сашу? Мнѣ некогда было думать о немъ. Кто такой Саша? Какой онъ, высокій или низенькій? Выросли ли у него усы? Какой у него голосъ, громкій или тихій?

ЭТЕЛЬ. Нашъ Саша красивъ... Онъ добръ... Больше я ничего не знаю.

ГРОСМАНЪ (задумчиво). Почему же мы ничего не знаемъ?

ЭТЕЛЬ. Присядь, Давидъ. Я буду говорить и ты успокоишься. Никогда мы не разговариваемъ просто, какъ мужъ съ женой. Когда мы жили, Давидъ? Кажется... никогда!..

ГРОСМАНЪ. Ты говоришь, что Женя несчастна? Почему она несчастна? Пустяки! О чемъ я говорю? Ну, а кто такое Маша?

ЭТЕЛЬ. Люблю ее... но... ничего не знаю.

ГРОСМАНЪ. А Петя?

ЭТЕЛЬ (бормочетъ). Петя, Петя... Люблю, дрожу...

ГРОСМАНЪ (вспыхиваетъ). Такъ всѣ они собаки? Всѣ мои! Что такое дѣти? Что такое мои? А если мои?...

ЭТЕЛЬ. Вотъ кровь опять тебѣ бросилась въ голову. Вотъ ты опять теряешь разсудокъ. Что дѣти? Только ты,—только ты!.. Тебя прошу...

ГРОСМАНЪ (встаетъ и идетъ въ кабинетъ. Этель слѣдуетъ за нимъ. Сильно). Нѣтъ, нѣтъ! Кто я? Я Гросманъ! Гросманъ останется Гросманомъ... Мои дѣти! Скажите! Мои дѣти!..

ПЕТЯ (входитъ съ собакой, садится у стола). Байронъ, сюда! (Вынимаетъ портсигаръ и закуриваетъ. Позвонилъ. Входитъ горничная)

ПЕТЯ (вдругъ). Вонъ! (Горничная испуганно убѣгаетъ. Онъ насвистываетъ, подходитъ къ буфету, достаетъ шеколадъ и ѣстъ Опять звонитъ. Снова является горничная) Вонъ! (Расхохотался. Кормитъ собаку шеколадомъ)

ВАЙЦЪ (входитъ). Я васъ ищу во всѣхъ комнатахъ. Пора заниматься.

ПЕТЯ (кормитъ собаку). Не хочу!..

ВАЙЦЪ. Вы не можете не хотѣть. Мнѣ тяжело получать здѣсь даромъ деньги.

ПЕТЯ. Если вамъ платятъ, то это все равно.

ВАЙЦЪ. Я не могу съ вами объ этомъ спорить. Не будьте только грубымъ. Это одно, о чемъ я прошу. Я имѣю право требовать этого отъ васъ.

ПЕТЯ (пожимаетъ плечами). Не понимаю!.. (Насвистываетъ и возится съ собакой)

ВАЙЦЪ. Какъ мнѣ ни тяжело, но я принужденъ буду сообщить вашему отцу о вашихъ отказахъ заниматься.

ПЕТЯ. Послушайте, Вайцъ. Сколько разъ нужно вамъ повторять, что я не боюсь отца. Подумаешь—отецъ!.. Получаете жалованье и будьте довольны...

ВАЙЦЪ. Вы ставите меня въ тяжелое положеніе. Въ сущности я сейчасъ же долженъ былъ бы уйти изъ этого дома и... не могу. На моихъ плечахъ большая семья. Поймите это и прекратите ваши нападки.

ПЕТЯ (грубо). Какое мнѣ дѣло до вашей семьи? (Смотритъ на Вайца. Смѣется) Байронъ, сюда!..

(Насвистывая уходитъ. Вайцъ опустилъ голову. Сидитъ задумавшись)

МАША (входитъ. Обходитъ съ скучающимъ видомъ комнату. Садится въ углу). Только что играла!.. Бросила! Пришла сюда изъ десятой комнаты и теперь буду сидѣть здѣсь какъ бы кому-то на зло. Буду думать, что мнѣ весело. (Закрываетъ глаза) Вотъ Вайцъ...

ВАЙЦЪ (прерываетъ ее). Петя меня только что оскорбилъ... Почему же я не ухожу? (Машетъ рукой)

МАША (полузакрыла глаза). Вотъ, Вайцъ, вокругъ меня избранное общество, кавалеры и дамы. Они ведутъ блестящій разговоръ по-французски. Красавецъ корнетъ возбуждаетъ общее вниманіе. Посмотрите, Вайцъ, вотъ онъ встаетъ. Какъ онъ изященъ! Онъ постукиваетъ шпорами. Онъ прошелъ мимо и обдалъ меня огненнымъ взглядомъ. Я опустила глаза. Вотъ онъ наступилъ мнѣ на ногу и я вскрикнула. Вайцъ, всѣ оглянулись въ мою сторону. Разговоры смолкли. Какъ ясно пахнетъ фіалками. Вы, Вайцъ, хотите наказать дерзкаго!.. Вы въ мундирѣ и стройны. Какъ чудно пахнетъ фіалками. Корнетъ поблѣднѣлъ. Вы подходите и бросаете ему перчатку въ лицо. (Съ крикомъ) Вайцъ, вы дали ему пощечину! Вы дали ему пощечину!..

ВАЙЦЪ. Зачѣмъ смѣяться надо мной?

МАША. Нѣтъ я не смѣюсь. Я никого не вижу вокругъ себя. Поднимитесь, выпрямитесь! Почему вы сидите всегда сгорбившись? Развѣ трудно сдѣлаться стройнымъ, мужественнымъ? Вы вѣдь мужчина! У васъ гордыя цѣли впереди. Я съ вами!.. (Усталымъ голосомъ) Какъ все скучно, Вайцъ! я чувствую, что угасаю. Вотъ брошенъ сорванный цвѣтокъ...

ВАЙЦЪ. У васъ чудная душа. Когда я слышу вашъ голосъ, все благородное, что живетъ во мнѣ, пробуждается. Маша, на моихъ глазахъ погибаетъ человѣкъ!..

МАША (угрюмо). Пусть гибнетъ!.. Зачѣмъ жить?

ВАЙЦЪ. Зачѣмъ? Есть одна святая цѣль въ жизни. Это борьба за счастье своего угнетеннаго народа. Но это не для насъ. Есть, Маша, еще одна великая радость, которая можетъ заполнить жизнь. Это радость о томъ, что существуетъ Европа. Въ Европѣ, Маша, работаютъ. Это великое утѣшеніе. Европа работаетъ! Тутъ тьма, ужасъ, а тамъ въ лабораторіяхъ ищутъ рѣшеній міровыхъ загадокъ. Идутъ грандіозные поиски. Тайны раскрываются. Вырабатываются новыя формы искусства, переоцѣниваютъ старыя формулы науки. Тамъ въ университетахъ профессора разбрасываютъ сѣмена знанія и пріобщаютъ народы къ высшему пониманію жизни. Уничтожаютъ варварство, убиваютъ пошлость.

МАША. А я не родилась въ Европѣ. Какъ жалко! Зачѣмъ вы говорите мнѣ о народѣ? Мнѣ? Вы проливаете драгоцѣннѣйшія слезы на камень.

ВАЙЦЪ. Маша!..

МАША. Зачѣмъ же вы говорите мнѣ о народѣ? Гдѣ? Здѣсь! (Смѣется) Въ этомъ домѣ мертвыхъ людей? Вѣдь мы не евреи и не христіане! Вѣдь Петя способенъ затравить еврея собаками... Молчите о народѣ... (Пауза) Я сижу и гляжу на васъ.. (Вдругъ) Вайцъ, хотите бѣжать со мной?..

ВАЙЦЪ. Что вы сказали? (Испуганно) Маша!..

МАША (въ забытьи). Вы любите меня... Убѣжимъ! Украдите меня! Когда взойдетъ луна, вы постучите въ мое окно и я выйду къ вамъ. Приготовьте быстрыхъ лошадей. Мы уѣдемъ и умретъ моя тоска...

ВАЙЦЪ. Вы издѣваетесь надо мной.

МАША. Мнѣ страшно въ этихъ пустынныхъ комнатахъ, меня убиваетъ пошлость. (Съ тоской) Меня убиваетъ пошлость...

ВАЙЦЪ (дрожащимъ шепотомъ). Я люблю васъ!..

МАША (удивленно смотритъ на него). Вы? Меня? (Смѣется) Учитель въ очкахъ? (Смѣется) Гувернеръ! Меня? (Вдругъ) Станьте на колѣни. Сейчасъ, я хочу! Объяснитесь мнѣ въ любви. Объяснитесь поэтически, красиво... Высокій стройный юноша!.. Высокій нѣжный юноша...

ВАЙЦЪ (становится на колѣни). Да, да... Но отчего же вы плачете?

(Слышны шаги)

МАША. Сюда идутъ. Не поднимайтесь... Хочу!.. Учитель Вайцъ на колѣняхъ...

ВАЙЦЪ (тихо). Это позоръ!..

МАША (смотритъ на него. Устало). Встаньте!

(Входитъ Александръ. Подаетъ Вайцу руку)

АЛЕКСАНДРЪ (къ Вайцу). Переписали?

ВАЙЦЪ (долго не отвѣчаетъ. Старается подавить свое волненіе) Переписалъ!..

АЛЕКСАНДРЪ (звонитъ. Входитъ Горничная). Принесите мнѣ завтракъ...

(Горничная уходитъ. Доносится голосъ Гросмана: «Саша пришелъ? Гдѣ онъ?»)

АЛЕКСАНДРЪ. Отецъ зоветъ меня.

ГРОСМАНЪ (входитъ). Саша!..

АЛЕКСАНДРЪ. Я тебѣ нуженъ, папа?

ГРОСМАНЪ (грубо). Конечно. Я вѣдь говорю: Саша!..

АЛЕКСАНДРЪ (удивленно). Почему ты кричишь?

ГРОСМАНЪ. Потому что я отецъ и могу кричать.

АЛЕКСАНДРЪ (хмуро). Ничего не понимаю.

ГРОСМАНЪ (рѣзко къ Вайцу и Машѣ): Ступайте отсюда!..

(Вайцъ быстро уходитъ)

МАША. Папа, ты не на мельницѣ.

ГРОСМАНЪ. А я хочу быть какъ на мельницѣ. Я вамъ отецъ или нѣтъ? (Съ крикомъ) Кто здѣсь отецъ, я спрашиваю? Здѣсь въ комнатѣ кто отецъ?..

(Маша пожимаетъ плечами, выходитъ)

АЛЕКСАНДРЪ. Ну хорошо, ты отецъ. Что дальше?

ГРОСМАНЪ. Что дальше? Молчать! Не смѣй со мной такъ разговаривать.

АЛЕКСАНДРЪ. Ну хорошо, хорошо. Но почему же ты все-таки кричишь?

ГРОСМАНЪ. Почему? У тебя есть смѣлость смотрѣть мнѣ въ глаза? Гдѣ твоя совѣсть? покажи-ка ее!...

АЛЕКСАНДРЪ. Ты заговорилъ со мной такимъ тономъ, что я перестаю отвѣчать тебѣ. (Отвернулся)

ГРОСМАНЪ (съ гнѣвомъ повернулъ его къ себѣ). Я тебя заставлю отвѣчать.

АЛЕКСАНДРЪ. Прими руку...

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ). Давидъ, перестань! Вѣдь это нашъ сынъ, нашъ...

ГРОСМАНЪ (съ гнѣвомъ). Отойди отъ меня!.. Нашъ сынъ? Это нашъ позоръ! (Александръ хочетъ уйти) Не смѣй уходить! Что? Говорю я, не смѣй уходить, или нѣтъ? Я прикажу связать тебя. Захочу и высѣку тебя. Засѣку... Замолчать!...

АЛЕКСАНДРЪ (къ матери). Что съ нимъ сегодня?

ЭТЕЛЬ (плачетъ). И ты тоже хорошъ. Отчего ты идешь противъ отца, противъ такого отца? Посмотри на него. Вѣдь онъ постарѣлъ на десять лѣтъ за эти полчаса, горя о тебѣ. Ты его не жалѣешь? (Громко заплакала) Гдѣ наши радости отъ дѣтей? Вотъ Женя заперлась въ дѣтской и плачетъ, и не впускаетъ къ себѣ...

ГРОСМАНЪ (къ женѣ). Довольно! (Къ сыну) Саша, вотъ я сдержалъ себя. Кровь мнѣ бросилась въ голову, когда я тебя увидѣлъ. Вотъ опять гнѣвъ душитъ меня... Тише, Гросманъ, тише... Спокойно! хладнокровно!.. (Къ сыну) Ты учишь рабочихъ, какъ лучше сдѣлать мнѣ зло. Это не укладывается въ моей головѣ. Почему? Что я сдѣлалъ тебѣ дурного?

АЛЕКСАНДРЪ (упрямо). Ничего...

ЭТЕЛЬ. Но вѣдь это твой отецъ, твой!..

ГРОСМАНЪ (вспыхнувъ. Къ женѣ). Съ кѣмъ ты разго.

вариваешь? Вѣдь онъ уже каторжникъ. (Повернулся къ сыну). Ты!.. (Топаетъ ногами. Минута напряженнаго молчанія. Безсмысленно орет) Ты проклятый соціалистъ!.. Соціалистъ! Въ моемъ домѣ! Мой сынъ!.. (Топаетъ ногами)

ЭТЕЛЬ (ломаетъ руки). Несчастный, несчастный!..

ГРОСМАНЪ. Кого мы выростили? Чего же ты хочешь отъ насъ? Отвѣчай, проклятый! Можетъ быть, зарѣзать? Ну, зарѣжь меня! Спряталъ револьверъ въ карманѣ? (Хватаетъ его за рубашку) Это что за рубашка на тебѣ? Твоя? Врешь!.. Раздѣвай рубашку. Сейчасъ! Все это мое. На мои деньги купленное. Голымъ я выгоню тебя. (Горничная вноситъ завтракъ. Гросманъ бросаетъ тарелки на полъ. Съ новымъ гнѣвомъ). Вонъ отсюда сейчасъ, въ чемъ родился. Босымъ вонъ!.. Я тебѣ покажу, какъ со мной бороться. Ого, ты еще Гросмана не знаешь. Гросмана, Гросмана!.. Я убью тебя... (Подбѣгаетъ къ нему и поднимаетъ угрожающе руку)

АЛЕКСАНДРЪ (спокойно). Ну?

ЭТЕЛЬ (вскрикнула). Что же ты хотѣлъ сдѣлать, Давидъ? Кого ты хотѣлъ ударить? Сашенька, уйди теперь.

ГРОСМАНЪ (грозно къ сыну). Проклятъ ты будь!... (Къ женѣ) Ты его выростила такимъ, Сашенька, Сашенька!.. Вотъ онъ Сашенька. Посмотри на его лицо. Развѣ онъ похожъ на насъ? У него звѣрскіе глаза. У него ножъ въ рукахъ. (Опять изступленно) Что же ты молчишь, проклятый?

(Топаетъ ногами. Александръ упрямо молчитъ)

ЭТЕЛЬ. Можетъ быть, ты еще хочешь бросить насъ? (Изступленно) Нѣтъ, нѣтъ, я не пущу тебя... Я не хочу! Ты мой! Нѣтъ, нѣтъ!.. Я тебя на рукахъ носила, своимъ молокомъ вскормила. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, сыночекъ мой, дорогой мой!..

ГРОСМАНЪ (съ бѣшенствомъ). Скажи же что-нибудь... Говори!..

(Топаетъ ногами. Слышенъ выстрѣлъ. Этель присѣла отъ ужаса)

ЭТЕЛЬ. Боже мой!.. Несчастье! Что-то сердце мое плакало весь день. Боже мой!..

(Выбѣгаетъ. Доносится шумъ и крики)

ГРОСМАНЪ (обернулся). Что тамъ такое?.. Что тамъ?..

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ, рветъ на себѣ волосы). Застрѣлилась! Женичка застрѣлилась! Давидъ, Давидъ, я умираю. Конецъ нашей жизни!..

(Всѣ вскрикнули. Александръ бросается въ комнаты Гросманъ бѣжитъ за нимъ. Этель въ изнеможеніи падаетъ на стулъ).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кабинетъ Гросмана. Большая, богато убранная комната. Два венеціанскихъ окна выходятъ на площадь. Изъ нихъ днемъ видна мельница какъ на ладони. Теперь же едва вырисовывается мрачный силуэтъ всѣхъ ея зданій. Въ комнатѣ два письменныхъ стола, одинъ новый роскошный, за которымъ Гросманъ принимаетъ поѣгителей, другой простой. Гросманъ вѣритъ, что этотъ принесъ ему счастье и, находясь среди своихъ, обыкновенно сидитъ за старымъ столомъ. Налѣво желѣзная касса. У стѣны два дорожныхъ сундука. Комната освѣщается электричествомъ. Кругомъ бездѣлушки, картины въ золоченыхъ рамахъ и отдѣльно большой портретъ Гросмана. Двѣ двери. Справа кушетка. На ней отдыхаетъ Женя. Рука у нея подвязана послѣ неудачнаго выстрѣла. За столомъ сидитъ Гросманъ и куритъ сигару. Противъ него Этель. Эршъ, держа шапку въ рукѣ, стоитъ въ почтительной позѣ и слушаетъ. Изрѣдка доносится глухой шумъ голосовъ.

ГРОСМАНЪ. Вамъ, Эршъ, слѣдуетъ за работу пятьдесятъ рублей. (Вынимаетъ кошелекъ изъ кармана и считаетъ) У меня въ кошелькѣ всего тридцать рублей. Возьмите пока тридцать. Когда пріѣду, сосчитаемся.

ЭРШЪ. Хотѣлъ бы, конечно, всѣ получить, господинъ Гросманъ. Такое тяжелое время... Но если вы такъ хотите, то пусть будетъ такъ, какъ вы хотите.

ГРОСМАНЪ (сквозь зубы). Вы вѣдь старый плутъ, знаю васъ. Готовъ даже побиться объ закладъ, что вы меня на-половину надули. (Смѣется) Но я не сержусь. Мнѣ нравится, что вы старый плутъ, и я люблю, когда меня надуваютъ... на-половину. Обманывайте дурака Гросмана, грабьте его.

ЭТЕЛЬ. Зачѣмъ ты мучишь человѣка?

ЭРШЪ. Э, они мучатъ Я даже не чувствую. (Заискивающе) Можетъ быть, господинъ Гросманъ, у васъ найдется еще десять рублей?

ГРОСМАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ. Ни одной копейки. (Смотритъ въ кошелекъ) Я сказалъ неправду. Въ кошелькѣ осталась одна копейка. (Смѣется) У Гросмана въ кошелькѣ одна копейка. (Эршъ подобострастно улыбается) И такъ, Эршъ, мы въ разсчетѣ. Передайте тамъ всѣмъ этимъ мерзавцамъ, что завтра Гросманъ уѣзжаетъ съ курьерскимъ поѣздомъ въ Европу. Вотъ видите, даже сундуки запакованы. Выбрали пять негодяевъ и думали, что Гросманъ станетъ съ ними разговаривать. Дураки! Что? Вы говорите, что они шумятъ тамъ. Очень хорошо.

Для меня это только пріятная музыка. Я отлично засну.

ЭРШЪ. Такъ вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете? Что-то все не вѣрилось. Говорили, говорили, а вотъ и правдой сдѣлалось. Пойдетъ теперь голодъ...

ГРОСМАНЪ (довольный). Теперь пойдетъ хорошій голодъ. Хорошій кусочекъ голода. Они будутъ кушать воздухъ. Когда же я вернусь, то предложу устроить маленькій союзъ противъ рабочихъ. Къ моему пріѣзду глупая революція будетъ раздавлена и станетъ весело.

ЭРШЪ (убѣжденно). Вы еще найдете средство бороться съ ними. Еще есть и есть и есть...

ЖЕНЯ. Папа, довольно, мнѣ скучно...

ГРОСМАНЪ. Высунь, Женичка, голову изъ окна, и услышишь, какъ рабочіе начинаютъ мяукать передъ голодомъ. Это тебя развеселитъ.

ЭТЕЛЬ. Къ чему эти шутки? Тамъ вѣдь евреи! И душа моя что-то не спокойна. Что вы скажете, Эршъ? Вѣдь нисколько не весело. Страна горитъ, кипитъ, кричитъ, кровь льется.. (Со вздохомъ) Нѣтъ спокойствія, Эршъ, нѣтъ его и надо уѣзжать. Не завидуйте намъ.

ЭРШЪ. Я никогда никому не завидовалъ. Я иду своей дорогой. Сторонкой я иду. Что Богъ далъ мнѣ, то и хорошо.

ЭТЕЛЬ. И что они выиграли, спрошу васъ? Мнѣ вѣдь жаль евреевъ. Вотъ онъ уѣзжаетъ. Будетъ мельница стоять, какъ покойникъ, и всѣхъ пугать. Дѣти начнутъ умирать.

ЭРШЪ. Уже будутъ умирать, мадамъ Гросманъ! Они хотѣли болячекъ? Теперь они ихъ имѣютъ. Такъ уже плохо стало, какъ никогда не бывало. А шайка шарлатановъ собирается, оретъ, всѣ потеряли голову, изъ каждой квартирки несется вой и проклятія. Ай, какъ тамъ плохо!..

ЭТЕЛЬ. Мнѣ хотѣлось бы только одно понять. Что

имъ сдѣлалъ мой мужъ, что? Или онъ ихъ мучилъ? Или придирался, или не платилъ? Чего можно желать отъ такого человѣка, какъ Давидъ? Могъ онъ, и прибавилъ имъ въ прошломъ году. Спросите, чего онъ не сдѣлалъ для нихъ? Я всегда говорила: надо быть плохимъ къ людямъ и они будутъ тебя почитать.

ЭРШЪ (осторожно). Положимъ, доброта немножко лучше. Не скажу на много, но немножечко лучше. Доброта не мѣшаетъ...

ЭТЕЛЬ. Какъ же лучше, когда они называютъ его разбойникомъ? Посмотрите на этого разбойника. Вѣдь онъ ограбилъ весь міръ.

ГРОСМАНЪ. Присядьте-ка здѣсь, Эршъ. Дѣло это прошлое, сундуки уложены, но между нами, скажите, кого я обидѣлъ въ своей жизни? Ударилъ ли я когда-нибудь рабочаго? Если Германъ давалъ иногда волю своимъ рукамъ, то онъ вѣдь Германъ. Вѣдь это разбойникъ! Но я, я? Чего же они хотятъ? Чтобы я открылъ имъ свою кассу,—вотъ эту кассу, посмотрите на нее,—и ушелъ? Но я еще, благодареніе Богу, не сошелъ съ ума? Что, Эршъ? Или, можетъ быть, вы бы это сдѣлали? Сядьте же Эрцъ. Васъ же просятъ.

ЭРШЪ (уклончиво). Господинъ Гросманъ, мнѣ надо идти работать. Вотъ на этомъ горбу хотя уже и взрослые, но все еще сидятъ дѣти: дочь, сынъ и еще сынъ. И сѣсть я тоже не могу. Что значитъ сѣсть? Развѣ я не знаю своего мѣста? Вы, слава Богу, господинъ Гросманъ, я... слава Богу, Эршъ! Слава Богу! Могу постоять... (Улыбается) У меня, господинъ Гросманъ, живетъ сапожникъ, Шмиль его имя. Человѣчекъ! Ничего себѣ человѣчекъ! И шутливый. Онъ любитъ говорить такъ: „человѣкъ! Что такое человѣкъ? Это король земли... Король!“ Ну такъ я изъ тѣхъ королей земли, которые могутъ постоять передъ господиномъ Гросманомъ.

ГРОСМАНЪ (недовольный сердится). Вотъ это мнѣ не нравится. Вашъ Шмиль большой большой дуракъ и, вѣроятно, шарлатанъ. Это онъ, вѣроятно, портитъ людей, которые работаютъ. Изъ-за такихъ Шмилей останавливаются мельницы, рабочіе бунтуютъ, а хозяева должны уѣзжать въ Европу. Человѣкъ—король земли! Нѣтъ, Эршъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Если бы Шмили вотъ такъ говорили, тогда было бы тихо. Сядьте же Эршъ, не упрямьтесь!..

ЭРШЪ. А я всегда говорилъ, что господинъ Гросманъ вѣдь король!.. Домъ, какъ у короля, слава Богу...: Денегъ какъ у короля!..

ГРОСМАНЪ. А они вамъ, конечно, не вѣрили?.. Старая исторія. Но они должны будутъ повѣрить. Я сдѣлаю такъ, что они Гросмана запомнятъ. Внукамъ будутъ разсказывать о Гросманѣ. Я имъ покажу, кто король и кто не король. Первое, Эршъ, — ни одинъ еврей не будетъ работать больше на моей мельницѣ. (Встаетъ) Ни одинъ!... Мнѣ не нужно евреевъ. Зачѣмъ они? Развѣ безъ нихъ нельзя дѣла вести? Этихъ шарлатановъ къ чорту. Только русскіе найдутъ работу на моей мельницѣ... Это во-первыхъ...

ЭТЕЛЬ. Видите, Эршъ. Все это имъ очень нужно было?

ЭРШЪ (смущенно). Да, мадамъ Гросманъ. (Осторожно) Господинъ Гросманъ, мнѣ нужно пойти домой. Становится поздно...

(Женя повернулась спиной къ Эршу и закрыла уши)

ГРОСМАНЪ. Успѣете, Эршъ. Вѣдь главнаго я вамъ еще не сказалъ. Если, Эршъ, я по пріѣздѣ вспомню о комъ-нибудь, то, конечно, о васъ.

ЭРШЪ (почувствовалъ угрозу. Испуганно. Старается улыбнуться). Обо мнѣ? Почему обо мнѣ? Никого уже другого въ городѣ не осталось?

ГРОСМАНЪ. Не притворяйтесь овечкой. Миронъ

вашъ сынъ или не вашъ? Кто кричалъ громче всѣхъ? Кто? Кто приходилъ со мной разговаривать? Со мной!.. Я, положимъ, показалъ ему разговоры!.. Больше уже не осмѣлится! Но вы-то, Эршъ! Гдѣ вы были? Такого отца на куски разрѣзать нужно, если онъ не учитъ добру своего сына.

ЭРШЪ (быстро). Это не правда, господинъ Гросманъ. (Посовѣстился) Можетъ быть, чуточка правда!.. Можетъ быть!.. Въ каждой неправдѣ есть чуточка правды и въ каждой правдѣ есть немножечко неправды. Но, какъ теперь ночь на землѣ, виновата сестра мадамъ Гросманъ, Маня. Это она проклинаетъ. Это она бѣгаетъ изъ квартиры въ квартиру и кричитъ, что надо мельницу сжечь...

ЭТЕЛЬ. Кто вамъ повѣритъ, Эршъ? Маню чортъ можетъ таки унести. Я знаю свою Маню. Но подобнаго Мирона, какъ вашъ, земля еще не рожала. Кто испортилъ моего сына, какъ не Миронъ?..

ЭРШЪ (съ ужасомъ). Какъ, вы и этому вѣрите? Ахъ мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ!.. Въ самое больное мѣсто моего сердца вы ударили меня. Вѣдь я отецъ! Развѣ я не отецъ? Можетъ быть, у него матери нѣтъ, и мы не проливаемъ слезъ по ночамъ? Что вы сказали? Я живу на свѣтѣ пятьдесятъ пять лѣтъ и каждый день съ одной только молитвой обращаюсь къ Богу. „Богъ, прошу я, сдѣлай такъ, чтобы все было по-старому,—пусть все останется на мѣстѣ, какъ было...“ Къ чему эти перемѣны, къ чему этотъ крикъ? Развѣ бѣдная земля мало страдаетъ? Посмотри на бѣдную землю. Какъ дитя вѣдь она плачетъ, какъ барашекъ обливается кровью. Пусть будетъ по-старому!.. Я не учу своего сына добру? Я? Господинъ Гросманъ, — вы отецъ и я отецъ, чтобы вы ни говорили. Вы плачете у себя, а мы у себя. Вѣдь моего бѣднаго Мирона испортилъ господинъ Александръ. Мой Миронъ пошелъ въ меня. Онъ былъ, какъ дѣвушка.

ЭТЕЛЬ. Перестаньте, Эршъ. Камни сами поднимутся и побьютъ васъ.

ЭРШЪ. Мадамъ Гросманъ, вѣрьте мнѣ, развѣ я не умолялъ вашего сына? Вѣдь я на колѣни становился передъ нимъ. Господинъ Александръ, ахъ господинъ Александръ, зачѣмъ вы ходите ко мнѣ? Развѣ вы не сынъ господина Гросмана? Вы богачъ, мой сынъ рабочій... Просите,—развѣ помогаетъ? Ахъ господинъ Гросманъ,—все перевернулось. Смѣшанный съ кровью палъ туманъ на несчастную землю...

ЭТЕЛЬ. А я вамъ говорю, Эршъ, что вашъ сынъ погубилъ нашего.

ЭРШЪ (умоляетъ). Мадамъ Гросманъ!..

ЭТЕЛЬ. А я вамъ говорю, что вашъ погубилъ нашего. Кому вы хотите голову затуманить? Кого вы хотите увѣрить, что богатый, нѣжный, образованный человѣкъ самъ пошелъ къ рабочему? Никогда этого не могло быть, если бы его не испортили. Чего бы мнѣ не хватало, если бы Саша не знался съ Мирономъ?.. А теперь плачь, говори, бейся головой о стѣну,—напрасно: пропалъ сынъ!..

ГРОСМАНЪ (мрачно). Пусть пропалъ. Я не хочу объ этомъ знать. Дѣти!.. Какъ-будто нѣтъ ничего высшаго, кромѣ нихъ? Пропалъ, такъ пропалъ, — къ чорту дурное! Теперь потребую изъ гимназіи бумаги Пети, а его возьму на мельницу. Пусть дураки уже учатъ своихъ дѣтей.

ЭТЕЛЬ. Конечно. Нужно дать имъ попробовать сладость рубля, тогда ихъ, какъ мухъ отъ меда, не отгонишь отъ дѣла.

ЭРШЪ. Я пойду уже, господинъ Гросманъ. Желаю вамъ счастливаго пути... Можетъ быть, вы все-таки дадите мнѣ что-нибудь? Хоть пять рублей. Запахло морозами...

ГРОСМАНЪ. И если это горе, что мой сынъ по-

шелъ противъ меня, я схоронилъ его глубоко въ сердцѣ. Никто не увидитъ горя Гросмана. Ступайте, Эршъ, я усталъ, хочу спать, а тутъ еще нужно подвести счеты.

ЭРШЪ. Такъ нѣтъ? Вы тверды, какъ камень. Добраго пути вамъ. (Кланяется) Хорошаго пути... Ахъ, Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ... (Прихрамывая, выходитъ)

ЭТЕЛЬ (равнодушно). Прощайте, Эршъ...

(Гросманъ погружается въ работу. Пауза)

ЖЕНЯ. Стоило такъ долго разговаривать съ нимъ. Вы нисколько не жалѣете меня. Я лежу съ прострѣленной рукой, рана ноетъ, сердце томится и груститъ, голова устала отъ думъ, а вамъ все равно. Эршъ вамъ дороже меня.

ЭТЕЛЬ. Больше не буду. (Подходитъ къ ней) Больше не буду, дорогая моя, мученица моя...

ГРОСМАНЪ (громко). Не кричите. У меня еще столько работы, а я спать хочу. (Стучитъ на счетахъ)

ЭТЕЛЬ (тихо). Онъ бѣдный правъ (Еще тише) Яша два раза прибѣгалъ, а я не хотѣла его и впустить... О, я ему не прощу твоей раны!..

ЖЕНЯ. Зачѣмъ такъ строго, мама? Вѣдь онъ тоже измучился... Я стрѣлялась! Развѣ это правда? (Крикливо) Я стрѣлялась? Мама, что было бы теперь со мной, если бы пуля попала въ сердце? Я лежала бы въ могилѣ? Я въ могилѣ? (Вздрагиваетъ) Вогъ эти руки глодали бы черви? Въ глазахъ кишѣли бы черви, красота превратилась бы въ тлѣнъ? (Вздрагиваетъ) Какъ хорошо, что выстрѣлъ былъ неудачный! Мама, теперь я люблю жизнь. Я люблю. Какъ прекрасенъ міръ!.. Есть солнце, есть даль, есть море!..

ЭТЕЛЬ. Радость моя!..

ЖЕНЯ. Я о многомъ передумала, мама. Зачѣмъ я ссорилась съ Яковомъ? Подумай, во имя чего? Развѣ

земля не одинаково закроетъ и пошлость и благородство, и высокое и низкое? Пощадятъ ли красоту черви? (Разсмѣялась) Ты вѣдь меня не понимаешь, бѣдная мама. Я дрожу отъ восторга. Я пьяна отъ радости. Я живу, живу!.. (Меланхолично) Скучаю по дѣтямъ. Хочу ласки. Обними меня.

ГРОСМАНЪ. Перестаньте жужжать. Передъ отъѣздомъ нужно привести въ порядокъ денежныя дѣла, подвести итоги. Бумагъ у меня на триста тысячъ. Я никогда не пробовалъ сосчитать свое богатство, но, слава Богу, Гросманъ таки собралъ денежки. Ничего, Гросманъ знаетъ свое дѣло. Наличными имѣю во французскомъ и англійскомъ банкахъ около четырехсотъ тысячъ, итого семьсотъ тысячъ. Ого, ничего себѣ! Мельницу считать не буду. Купленной земли тоже. Домовъ считать не буду. Теперь посмотримъ, что у насъ въ кассѣ дѣлается. Ступай-ка сюда, Этель,—поможешь мнѣ.

ЖЕНЯ. Опять деньги. Поговорите лучше со мной.

ЭТЕЛЬ (идетъ къ мужу. Со смѣхомъ). Деньги!.. Деньги вѣдь Богъ!.. Дурочка! Что ты говоришь? (Гросманъ открылъ дверь кассы) Деньги!.. (Стоитъ съ мужемъ подлѣ кассы и оба роются въ ней) Лучшее мое удовольствіе,—считать деньги. Ты Давидъ, возьми бумажки и золото, а я возьму серебро. Что-то серебро люблю больше. Женичка! Ты никогда не пробовала считать. Хоть разъ попробуй. Такъ тебѣ хорошо станетъ, такъ весело...

ЖЕНЯ (съ напыщеннымъ презрѣніемъ). Считать деньги. Никогда!... (Колеблется) А можетъ быть, попробовать? На душѣ скучно. Томится моя душа. (Вздыхаетъ) Что-то мои дѣти подѣлываютъ? Скучаетъ ли Яковъ?

ЭТЕЛЬ (радостно). Садись, садись, Женичка, попробуй. Деньги!.. (Упивается этимъ словомъ) Вѣдь это деньги!..

ГРОСМАНЪ (считаетъ съ озабоченнымъ лицомъ). Одна тысяча... Мы потеряли сына...

ЭТЕЛЬ (считаетъ. Грустно). Можетъ быть, Богъ дастъ,

онъ опомнится. Какъ мнѣ его жаль. Живетъ теперь онъ въ самой худшей и дальней комнатѣ, обѣдаетъ одинъ. Я готова плакать, когда слышу его шаги... Сто рублей.

ГРОСМАНЪ. Съ Гросманомъ они ничего не подѣлаютъ. Гросманъ это Гросманъ.—Двѣ тысячи. Гросманъ плюетъ на забастовки, на революціи, на погромы. Уѣдемъ на время, поселимся въ Швейцаріи и, когда вернемся, то сдавимъ всѣхъ ихъ въ кулакѣ. (Продолжаетъ считать)

ЖЕНЯ (встала, сѣла возлѣ матери. Перебираетъ золото здоровой рукой). Мама, посмотри, сколько тутъ? Десять или пятнадцать рублей? (Смѣется) Я совершенно не умѣю считать. (Со вздохомъ) Придетъ ли сегодня Яковъ?

ЭТЕЛЬ. Что скажешь на свою дочь? Она не умѣетъ считать денегъ!

ГРОСМАНЪ. Пять тысячъ. (Поднимается и достаетъ изъ кассы деньги и драгоцѣнности) Ого, сколько еще денегъ осталось!.. Ну, Этель, кого мы боимся? А когда-то? Помнишь на чемъ я, бывало, спалъ? (Смѣется) Жалѣлъ тюфякъ и спалъ на доскахъ. А помнишь, какъ мы въ восемь часовъ тушили огонь, чтобы поменьше керосину уходило? Ты, Женя, этого не можешь помнить. Тебя еще на свѣтѣ не было, когда твой отецъ началъ дѣлать деньги...

ЭТЕЛЬ. Богъ хорошо знаетъ, кому нужно дать денегъ!.. Сидитъ наверху, но понимаетъ своихъ людей. (Считаетъ) Еще сто рублей. (Откладываетъ ихъ въ сторону) Не провѣряй, Давидъ, я никогда не ошибаюсь.

ЖЕНЯ (весело). Папа, вотъ тутъ сто рублей золотомъ. Но какъ трудно считать, если бы ты зналъ. Однако пріятно. (Въ раздумьи) Какъ странно, что съ этой кучкой золота можно купить все, что угодно.

ЭТЕЛЬ. На деньги купить можно все.

ЖЕНЯ. Рѣшительно все.

ГРОСМАНЪ. Даже звѣзду съ неба. Я еще насчиталъ пять тысячъ, итого десять тысячъ.

ЭТЕЛЬ (со вздохомъ). Если бы еще рабочіе наши не бунтовали.

ГРОСМАНЪ. Пусть бунтуютъ. Я ихъ разотру въ порошокъ. Ты не вѣришь? Тебя пугаетъ то, что кругомъ происходитъ? Смотри глубже!

ЭТЕЛЬ. Куда глубже?

ГРОСМАНЪ. Вотъ туда. Работай головой. Все, что происходитъ теперь, полезно. И даже эти погромы,— тоже хороши. Что ты глаза вытаращила?

ЭТЕЛЬ. Ты съ ума сошелъ...

ГРОСМАНЪ (угрюмо). Я говорю, что это хорошо. Пусть, пусть!.. Тогда мы все возьмемъ въ руки.

ЭТЕЛЬ. Оставь меня лучше въ покоѣ. Что, Женичка, веселѣе тебѣ?

ЖЕНЯ (считаетъ. Невинно). Какъ будто веселѣе!.. Зачѣмъ я стрѣлялась?

ЭТЕЛЬ. Больше уже не будешь, радость моя? Ты вѣдь у меня отняла три четверти жизни. Прибѣгаль Яковъ. Онъ думаетъ, что я тебя отдамъ ему. Разводъ мы ему дадимъ, вотъ что. Отыщемъ тебѣ другого мужа и помоложе, и получше.

ЖЕНЯ. А мнѣ его жалко. Я теперь все время думаю о немъ.

ЭТЕЛЬ. Я тебѣ не позволяю... О немъ?.. Есть о комъ думать.

ГРОСМАНЪ. Двадцать тысячъ. Больше уже нѣтъ денегъ. Сколько у васъ?

ПЕТЯ (входитъ. Онъ въ цивильномъ. Останавливается пораженный) Деньги!.. Сколько денегъ!.. Папа, завтра мы, навѣрное, уѣзжаемъ?

ГРОСМАНЪ. Конечно... Не кричи и не мѣшай. Оглядываетъ его довольнымъ взглядомъ) Ну, скажи, Этель, не лучше ли ему въ этомъ костюмѣ, чѣмъ въ дурацкой

тужуркѣ? Военный не военный, власти нѣтъ, а самъ прохвостъ. Доволенъ ты, Петя, что уже больше не удешь учиться въ гимназіи?

ПЕТЯ. Страшно. Очень надо долбить эти глупости. Папа, сколько тутъ денегъ? Папа, дай мнѣ подержать ихъ въ рукахъ.

ЭТЕЛЬ (смѣется). Нѣтъ, нѣтъ...

ПЕТЯ. Не слушай ее. Она насъ всегда лишаетъ удовольствій. Дай близко посмотрѣть эти большія пятисотъ-рублевыя бумажки. (Гросманъ даетъ) Пятьсотъ рублей! Здѣсь такихъ десять. Значитъ, пять тысячъ? Папа у меня тоже будетъ столько денегъ?

ГРОСМАНЪ. Отдай! Ты можешь нечаянно разорвать,—а я не люблю держать въ кассѣ разорванныя бумажки...

ЭТЕЛЬ. Конечно, будутъ. Въ сто разъ больше будешь имѣть. Для кого мы работаемъ? Все вѣдь вамъ останется. Что-то лицо у тебя усталое. Ступай, дорогой, спать. Подойди, я тебя поцѣлую.

ПЕТЯ. Только не въ губы. (Подставляетъ щеку) Спокойной ночи!..

ЭТЕЛЬ. Спокойной ночи, дорогой мой. (Онъ выходитъ) Когда его вижу, Давидъ, я какъ-будто становлюсь моложе. Люблю своего послѣдненькаго.

ГРОСМАНЪ (ворчливо). Стоитъ! Пусть раньше покажетъ, что умѣетъ хорошо вертѣть головой. Тогда можно и любить.

ЭТЕЛЬ. А мнѣ все равно. Кажется, если бы даже онъ былъ воромъ, разбойникомъ и тогда душа не переставала бы дрожать надъ нимъ, любить его...

(Входитъ Розеновъ. Видъ у него измученный, усталый. Замѣтивъ Женю, сидящую за столомъ, останавливается изумленный. Радость овладѣваетъ имъ)

РОЗЕНОВЪ. Женя, Женя!..

ЭТЕЛЬ (увидѣвъ его, вскочила). Что? Опять пришелъ?

Ступай, ступай. Никто не посылалъ за тобой. Ты здѣсь никому не нуженъ. Женички, ты не получишь.

(Женя испуганно вскакиваетъ)

РОЗЕНОВЪ. Теща, прошу васъ. Вѣдь это же невозможно.

ЭТЕЛЬ. Кто проситъ? Ты вѣдь палачъ, а не человѣкъ. Замучить такую нѣжную душу, такое доброе сердце. Кто она? Дрянь какая-нибудь? Подкидышъ, нищенка? А что ты сдѣлалъ съ ней? Довелъ ее до того, что она стрѣлялась. Лучше мнѣ ослѣпнуть, чѣмъ видѣть тебя. Или мы тебѣ денегъ мало дали за ней? Взялъ тридцать тысячъ и все не насытился. Любовницы тебѣ нужны были, безсовѣстный!..

ЖЕНЯ (закрываетъ лицо руками, плачетъ. Подходитъ къ кушеткѣ и безсильно опускается на нее. Сквозь слезы). Мама, мама!..

ЭТЕЛЬ. Будь спокойна, моя дорогая дочь. Теперь тебѣ нечего бояться... Твоя мать тебя защищаетъ. (Къ Розенову) Ну, что скажешь, милый зять? Кусаешь свои губки? Кусай, кусай. Но хоть и вытянись здѣсь,— ты ее не получишь.

ГРОСМАНЪ (закрываетъ кассу). Не кричи, Этель. Все можно сдѣлать безъ шума. Я бы еще сказалъ такъ. (Раздѣльно) Не наше это дѣло. Я смотрю и не вижу, я слушаю и не слышу.

РОЗЕНОВЪ. Женичка!.. Выслушай меня.

ЭТЕЛЬ. Лучше помолчи, Давидъ. Въ дѣлахъ ты старшій, дѣлай, какъ знаешь, а здѣсь не вмѣшивайся. Какъ? Молчать!.. Я буду молчать, когда изъ-за такого палача дочь моя стрѣлялась? Глаза ему вырву, я буду кусаться какъ кошка...

РОЗЕНОВЪ (возмущенный). Вы меня облили уже такой грязью...

ГРОСМАНЪ. Она можетъ. О! она можетъ.

ЭТЕЛЬ (сложила руки на груди). А чѣмъ тебя облить,

мой милый зять? Дорогими духами? Не дождешься этого. Откушу твой носъ изъ-за моихъ дѣтей.

ЖЕНЯ (ломаетъ руки). Мама, я несчастна, я несчастна...

ЭТЕЛЬ. Какъ она поблѣднѣла отъ испуга!.. (Къ Розенову) Всю жизнь тебѣ, палачъ, имѣть такое удовольствіе, какое я теперь имѣю. Посмотри-ка, Давидъ, какъ она побѣлѣла!.. (Къ Женѣ) У тебя кружится голова? Нѣтъ? Отчего же глаза у тебя бѣгаютъ, какъ у безумной? (Къ Розенову) Смотришь палачъ, на свою жертву?

РОЗЕНОВЪ (сердится). Вы кончили, теща, или еще будете продолжать? Теща, вы себѣ очень много позволяете. Вѣдь я могу разсердиться и показать, что умѣю ругаться не хуже вашего. Но ради нея, ради этой бѣдной женщины, которая столько страдала, и которую я люблю, я готовъ терпѣть. Почему вы молчите тесть?

ГРОСМАНЪ (заложилъ пальцы за жилетку). Все это не мое дѣло. Ругайтесь, цѣлуйтесь, — не мое дѣло. Сейчасъ я хочу спать и думаю о томъ, что вы мнѣ мѣшаете.

РОЗЕНОВЪ. Но, тесть...

ГРОСМАНЪ (схватился за голову). Оставьте меня въ покоѣ, оставьте меня!..

ЭТЕЛЬ. Ты, положимъ, тоже хорошій сумасшедшій...

РОЗЕНОВЪ (съ сдержаннымъ гнѣвомъ). Хорошо, отлично. Я вижу, на что Женичка тутъ можетъ разсчитывать. Отлично. Хорошій отецъ, хорошая мать. Но Богъ съ вами!.. Если бы Женичка меня хоть чуточку уважала, она бы отослала васъ, и я увѣренъ, что эта глупая ссора закончилась бы добрымъ миромъ. Но Женѣ пріятно, что ея мужа поносятъ, какъ послѣдняго человѣка. Я запомню это. Вамъ же, теща, я на прощанье скажу, что вы совершаете преступленіе. Разводить

дочь съ мужемъ, превратить невинныхъ дѣтей въ сиротъ,—это грѣхъ. Прощайте!

ГРОСМАНЪ (равнодушно). Стоитъ уходить!..

ЭТЕЛЬ. Пусть грѣхъ, пять грѣховъ,—лишь бы не видѣть твоихъ разбойничьихъ глазъ...

РОЗЕНОВЪ (вернувшись). Но чѣмъ это кончится, темный вы человѣкъ? Вы обдумали? Вы берете послѣдствіе на себя? А если я ей не дамъ развода? Что тогда скажете? А ей что предстоитъ? Жить вѣчно на хлѣбахъ у васъ? Наблюдать, какъ всѣ устраиваются, счастливы, и въ концѣ отъ горя пустить себѣ вторую пулю въ лобъ?

ЖЕНЯ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу этого!.. Мама, пусть онъ замолчитъ!..

ЭТЕЛЬ. Не бойся его. Онъ дастъ разводъ. Хотѣла бы видѣть, какъ онъ не дастъ, если мы хорошо заплатимъ ему. Тогда выдадимъ тебя замужъ. Не вѣришь, Яковъ? Да у нея завтра будетъ сотня жениховъ. Теперь уже не будемъ дураками, искать доктора въ зятья. Возьмемъ коммерсанта, и онъ ей ножки будетъ цѣловать. Теперь уже мы поняли. Что такое докторъ? Разбойникъ, грубый человѣкъ. Чѣмъ образованнѣе, тѣмъ грубѣе. Мой Давидъ никогда не учился, не переступалъ порога университета, а на биржѣ не игралъ. Ты же докторъ, докторъ, университетскій человѣкъ сталъ биржевикомъ!.. Нѣтъ, дорогой мой, никакихъ докторовъ, никакихъ адвокатовъ больше. Нѣтъ, нѣтъ...

РОЗЕНОВЪ (сердится). Выдумали чѣмъ упрекать!.. Ну и биржевикъ! Развѣ быть фабрикантомъ лучше? Развѣ лучше владѣть мельницей? Посмотрите-ка, что у васъ происходитъ? Вы-то свой хлѣбъ какъ зарабатываете?.. Почему грозятъ разнести вашу мельницу? Вы-то не грабите, не душите? Вашъ хлѣбъ чище, чѣмъ хлѣбъ биржевика? Не понимаю васъ!.. (Пожимаетъ плечами)

ЭТЕЛЬ. Но ты вѣдь былъ докторомъ! Ты сидѣлъ на скамейкѣ въ университетѣ.

РОЗЕНОВЪ (злится). Въ университетѣ, докторомъ! Что вы понимаете въ докторѣ? Развѣ докторъ, адвокатъ, инженеръ, выше фабриканта, купца? Въ большинствѣ они такіе же молодцы, какъ и тѣ. Докторъ!.. Пойдите и посмотрите-ка у кого есть практика, разузнайте, какими путями они добиваются, и тогда упрекайте, темный вы человѣкъ... Вы хотите быть богатыми, но я тоже этого хочу. Не признаете моихъ денегъ, когда ихъ у меня будетъ десятками тысячъ, что ли? Подождите съ десятокъ лѣтъ... Посмотримъ, кто окажется богаче, я или вы.

ГРОСМАНЪ (зѣваетъ). А я хочу спать. Кончай, Этель, и идемъ.

ЭТЕЛЬ. Ты только сонъ свой знаешь. Ты вѣдь отецъ. Подожди.

ГРОСМАНЪ (насмѣшливо). Я не отецъ...

РОЗЕНОВЪ. Всѣ эти разговоры, теща, не подвигаютъ дѣла. Пусть Женя скажетъ, что согласна поѣхать домой. Домъ безъ нея, какъ могила. Дѣти плачутъ, страдаютъ. Мнѣ днемъ на улицѣ стыдно показаться. Мы раззоряемся. (Къ Женѣ) Женя, поѣдемъ домой. Поѣдемъ!..

ЖЕНЯ (колеблется). Я... я не знаю. Мама, что ты скажешь? Нѣтъ, не говори. Я замучилась безъ дѣтей. Бѣдненькія, какъ они живутъ безъ своей мамы. Мама, помоги же мнѣ. (Заплакала)

ЭТЕЛЬ (всплакнула). Дѣлай, Женичка, какъ тебѣ сердце подсказываетъ, а я всегда благословляла тебя и теперь благословлю.

ЖЕНЯ (плачетъ). До чего меня довели. Посмотри Яша, мою руку. Я, кажется, останусь калѣкой. (Плачетъ) А если поѣду домой, не начнешь по-старому: Жанна Даркъ, Шарлотта Кордэ?

РОЗЕНОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, этого больше не будетъ, клянусь тебѣ. Только ты будь благоразумна. Развѣ

тебѣ не все равно, чѣмъ я занимаюсь, если могу откладывать тысячи? Ты наслаждайся, пользуйся своей молодостью. (Умоляетъ) Поѣдемъ, Женичка...

ЖЕНЯ. А не будешь больше скупиться?.. Нѣтъ? Знаешь, выбросимъ картины изъ гостинной и купимъ Левитана.

РОЗЕНОВЪ. Куплю, выброшу,—все что хочешь. Теперь наклевывается у меня такое дѣло, такое дѣло...

ГРОСМАНЪ (съ любопытствомъ). Какое?

РОЗЕНОВЪ (смѣется). Вотъ этого, тесть, не могу вамъ сказать. Развѣ вы разсказываете о своихъ планахъ?

ГРОСМАНЪ. Ты правъ. Я никогда не разсказываю о своихъ планахъ.

ЭТЕЛЬ. Что у тебя хорошая голова, противъ этого никто не спорилъ. Ты весь пошелъ въ свою мать.

ЖЕНЯ (стоявшая задумчиво). Ну, ѣдемъ домой. Рѣшила!.. Мама, я счастлива!.. Я увижу своихъ дѣтей. Принеси мнѣ ротонду.

(Этель быстро выходитъ)

ЖЕНЯ (вспомнивъ). Ну, а... она?

РОЗЕНОВЪ (тихо). Выгналъ ее. Конечно, выгналъ. Выгналъ, выгналъ!..

ЖЕНЯ. Яша!.. (Обнимаетъ его. Входитъ Этель съ ротондой) Ѣдемъ, ѣдемъ. Мама, я прощаю тебѣ, но ты съ нимъ была очень груба. Я едва сдержалась. Вѣдь это мой мужъ.

ЭТЕЛЬ (пораженная). Что скажешь на свою дочь, Давидъ?

ГРОСМАНЪ (тонко улыбается). Ничего не скажу...

РОЗЕНОВЪ. Прощайте, тесть. На васъ, теща, я еще сержусь, но помиримся, помиримся...

ЖЕНЯ. Прощай, папа, прощай, мама. Я такъ счастлива... Ахъ, какъ я счастлива!..

ГРОСМАНЪ (равнодушно). Прощайте, дѣти, не ссорьтесь больше.

ЭТЕЛЬ (провожаетъ ихъ до двери). Помиримся. А когда у тебя будетъ новый сынъ, тогда и расцѣлуемся.

(Всѣ смѣются. Розеновы уходятъ)

ЭТЕЛЬ. Ну, слава Богу, все хорошо кончилось. Но хоть натѣшила свое сердце. Такой мерзавецъ! Однако, пусть будетъ мерзавцемъ, лишь бы она его любила и была съ нимъ счастлива.

ГРОСМАНЪ. Все это пустяки. Я видѣлъ, что они помирятся. Вѣдь оба стоятъ другъ за друга... А если хочешь сказать слава Богу, то слава Богу. Идемъ спать. Скажи слугѣ, чтобы насъ пораньше разбудили. (Задумчиво) Почему Яковъ сказалъ, что хотятъ разнести мельницу?

(Подходитъ къ окну. Отдаленный шумъ)

ЭТЕЛЬ (останавливается). Гдѣ-то кричатъ...

ГРОСМАНЪ (у окна). Пусть кричатъ! (Говоритъ въ окно) Шумите рабочіе? (Разсмѣялся) Шумите дѣти, шумите!.. Гросманъ спокойно будетъ спать.

ЭТЕЛЬ (потушила электричество, оставила горящей одну лампочку). Ну и день сегодня. Ты спряталъ ключи отъ кассы?

ГРОСМАНЪ (весело). Спокойной ночи, рабочіе!.. (Грозно) Прощайте, мерзавцы!..

(Гросманъ тушитъ послѣднюю лампочку. Оба безъ шума выходятъ. Входитъ горничная со свѣчей, закрываетъ ставни, разставляетъ стулья по мѣстамъ и выходитъ. Пауза. Возвращается Гросманъ. Онъ въ халатѣ, въ туфляхъ въ рукахъ свѣча. Бродитъ по комнатѣ. Провѣряетъ, заперта ли касса, хорошо ли ставни закрыты Входитъ Александръ)

ГРОСМАНЪ (испуганно). Кто тамъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Папа...

ГРОСМАНЪ. Вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ. Папа...

ГРОСМАНЪ. Вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ. Я уйду, но смягчись. Сотни лю-

дей останутся безъ хлѣба, если ты уѣдешь. Надо быть человѣчнымъ. Уступи, я прошу, папа. Папа, они въ отчаяніи. Они готовы на безумство...

ГРОСМАНЪ. Какіе-то люди шляются по ночамъ и не даютъ покоя. Человѣку заснуть нужно, а они стучатъ, ходятъ, пугаютъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Зачѣмъ ты притворяешься? Смягчись, смягчись. Они въ отчаяніи...

ГРОСМАНЪ. Какъ-будто здѣсь обыкновенная комната, столовая, передняя, а не кабинетъ, гдѣ моя касса. Развѣ трудно ее разбить ломомъ и забрать деньги. (Тушитъ электрическую лампочку. Съ крикомъ) Кто здѣсь? Вонъ!..

АЛЕКСАНДЪ. Въ первый разъ я почувствовалъ ужасъ отъ мысли, что я твой сынъ...

(Быстро уходитъ. Гросманъ со свѣчой въ рукѣ стоитъ и долго смѣется. Медленно уходитъ. Кабинетъ во мракѣ. Пауза. Входитъ Маша. Зажигаетъ электричество. Она въ бѣломъ платьѣ, на ней ротонда, въ рукѣ дорожная сумка. Садится на кушеткѣ и прислушивается. Входитъ Вайцъ. Озирается. Онъ блѣденъ отъ испуга)

МАША. Наконецъ-то... Вайцъ. Мнѣ показалось, что вы уже не придете.

ВАЙЦЪ (робко). Я долго колебался.

МАША (не слушаетъ его). Какъ тихо, очаровательно!.. Сейчасъ мы выйдемъ отсюда и лошади унесутъ насъ далеко, далеко...

ВАЙЦЪ (несмѣло). Маша!..

МАША. Осмотримъ эту комнату. Въ послѣдній разъ. Вотъ касса. (Останавливается передъ ней) Отсюда исходило наше несчастіе. Мнѣ хочется проклясть ее. Вайцъ, бѣдняки называютъ отца королемъ... Вотъ гнѣздо короля. Желѣзная касса, счеты, письменный столъ... Бѣдные люди!.. Ахъ, Вайцъ, мы-то, мы уѣдемъ отъ этой проклятой власти. Я вздохну глубоко. Сейчасъ на улицѣ я скажу торжественно: я человѣкъ!..

ВАЙЦЪ Позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово, Маша.

МАША (быстро оглядываетъ его). Опять о дѣйствительности? Нѣтъ не говорите о ней. Я умоляю... Какъ страшно думать о дѣйствительности Вайцъ, вы будете сильнымъ, я хочу. Выпрямитесь!.. Почему вы не въ пальто?

ВАЙЦЪ. Милая Маша, не сердитесь на меня, я весь день страдалъ. Мы не можемъ бѣжать.

МАША (тихо). Мы не можемъ бѣжать!..

ВАЙЦЪ. Вы не сердитесь и это хорошо. Не могу! Я, Маша, ничего не могъ въ жизни... Я, Маша, всегд остаюсь позади... Я человѣкъ за флагомъ...

МАША (задумчиво). Я это раньше знала. Человѣкъ за флагомъ. Почему же я пришла? Вайцъ, сказать правду? Я люблю васъ за слабость!..

ВАЙЦЪ (грустно). Я хотѣлъ быть сыномъ своего народа, милая Маша, и вотъ я репетиторъ-гувернеръ. Я хотѣлъ быть гражданиномъ,—вся сила его негодованія бушуетъ во мнѣ, и радость его предчувствій живетъ во мнѣ,—и вотъ я гувернеръ. Маша, для моихъ радостей, для моего утѣшенія осталось одно: Европа!.. Я беру ее. Я остаюсь здѣсь во тьмѣ, среди ужасовъ, но думаю: есть свободная Европа, когда-нибудь она коснется и меня своимъ благословеннымъ крыломъ Не горюйте, Маша. Вы теряете Вайца, только Вайца!..

МАША. Вернусь въ свою комнату и мнѣ будетъ немножко стыдно. Подойдите, я обниму васъ. (Онъ подходитъ) Я цѣлуюсь съ гувернеромъ. (Смѣется) Въ послѣдній разъ. Вайцъ. (Въ забытьи) Завтра мы уѣдемъ. Я увижу Швейцарію. Вайцъ, видите ли вы эти высокія зеленыя горы? Внизу блеститъ озеро... Спускается ночь, спускается ночь... Какъ явственно пахнетъ водой. Вайцъ, мы сидимъ надъ озеромъ!.. Я цѣлуюсь съ гувернеромъ...

ВАЙЦЪ. Милая Маша, позвольте мнѣ сказать вамъ.

Вы плачете, но, можетъ быть, черезъ двадцать лѣтъ вы скажете: Вайцъ поступилъ хорошо.

МАША (смѣясь и плача). И все-таки мнѣ тяжело разстаться съ вами. Вы жалкій, можетъ быть, презрѣнный, но что-то есть хорошее въ вашей душѣ, что-то прекрасное. Ахъ, Вайцъ...

ВАЙЦЪ. Не плачьте, Маша. Завтра вы проснетесь въ прекрасной Европѣ...

МАША. Я проснусь въ прекрасной Европѣ... А вы?

ВАЙЦЪ. Я? Если бы я былъ ребенкомъ, то сталъ бы молить васъ: Маша возьмите меня отсюда, покажите мнѣ улицу безъ рабовъ... Покажите...

МАША (вдругъ). Такъ не хотите бѣжать со мной?

ВАЙЦЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Вайцъ? Нѣтъ! Маша, вы увидите Европу, поклонитесь ей отъ Вайца. Поклонитесь каждому памятнику отъ истиннаго гражданина Вайца. Скажите всѣмъ, что я душой съ ними, что я тоскую о нихъ. Обнимите перваго встрѣчнаго и скажите: гражданинъ Вайцъ кланяется тебѣ...

МАША. Обнимите меня еще разъ. Такъ нѣтъ?.. Нѣтъ!..

ВАЙЦЪ. Нѣтъ, Маша!..

МАША. Прощайте, Вайцъ.

ВАЙЦЪ. Прощайте, Маша.

МАША (уходитъ; у дверей). Нѣтъ?..

ВАЙЦЪ. Нѣтъ, Маша, нѣтъ. (Пауза) Нѣтъ, Маша, нѣтъ...

(Вайцъ и Маша расходятся. Темно. Долгая пауза. Доносится шумъ голосовъ. Во всей квартирѣ нетерпѣливые звонки. Вбѣгаетъ горничная. Быстро раскрываетъ ставни. Видно огромное зарево. Горитъ мельница. Всплеснула руками, убѣжала. Снова голоса. Вбѣгаютъ рабочіе. Всѣ старые, оборванные.—Среди нихъ ни одного молодого... Ропотъ)

СТАРЫЙ РАБОЧІЙ. Гдѣ господинъ Гросманъ, гдѣ господинъ Гросманъ?

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ. Увидѣвъ зарево, присѣдаетъ отъ ужаса. Съ

крикомъ и воплемъ) Боже мой, Боже мой!.. (Подбѣгаетъ къ окну. Всплеснула руками. Плачетъ) Я же ему говорила: Давидъ, не имѣй дѣло съ этими разбойниками. Не хотѣлъ онъ меня послушать!..

ГОЛОСА. Мадамъ Гросманъ!.. Хозяйка!.. Я самъ видѣлъ, какъ эти черти подожгли мельницу...

(Ропотъ толпы. Быстро входятъ Вайцъ и Маша)

МАША. Что это такое? Мама, пожаръ? (Подбѣгаетъ къ Вайцу) Вайцъ, это прекрасно!..

ВАЙЦЪ. Какой ужасъ!..

ЭТЕЛЬ (плачетъ. Къ Вайцу). Я говорила, я просила мужа: уступи, Давидъ, уступи...

ГРОСМАНЪ (вбѣгаетъ. Онъ въ ночной сорочкѣ. Какъ раненый оглядывается. Страшная тишина). Что? Пожаръ!.. Что? Мельница!..

(Подбѣгаетъ къ окну и ударомъ кулака раскрываетъ его. Застываетъ въ неподвижности. Тихій ропотъ толпы Отступаетъ на шагъ. Складываетъ руки на груди и смотритъ. Зарево ростетъ. Старый рабочій осторожно подходитъ къ Гросману и раболѣпно цѣлуетъ его рукавъ)

ГРОСМАНЪ (вздрагиваетъ. Оглянулся и тяжелымъ взглядомъ обводитъ рабочихъ. Отрывисто). Что надо?

ГОЛОСА. Господинъ Гросманъ... Они подожгли! Хозяинъ мы не виноваты. Я самъ видѣлъ. Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ!..

ГРОСМАНЪ (передразниваетъ). Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ!.. А гдѣ вы были?.. Молчать!.. Мерзавцы, подлецы, скоты, черная сволочь... Гдѣ вы были? Почему допустили?.. Не подкупали васъ, не бѣгали за вами, не заглядывали въ глаза?.. (Умоляющій ропотъ толпы) Молчать холопы, черви, подонки, черные, голодные, каторжники, ослы... Гросманъ остается Гросманомъ. Онъ смѣется надъ вами... Что онъ потерялъ?. Онъ плюетъ на васъ!

(Наступаетъ на нихъ. Тихій ропотъ. Этель вскрикнула